

**ДЖЕННИ НИОТКУДА:
ГОВОРЯЩИЕ СО ЗВЕРЯМИ**

Полина Ветрова

Когда Родина в опасности, на войну полагается идти всем. И отставным префектам, и отставным плясуньям на канате, а также троллям, гоблинам и чародеям. И уж точно на войну полагается идти благородным принцам. Хотите встретить принца? Пожалуйте на передовую.

Что думает ворона о людях? Что люди — это, прежде всего, шляпы. Что думает о людях крыса? Что люди — это, прежде всего, башмаки. Истина, конечно, как всегда таится посередине. Для жонглера, идущего по канату над толпой, люди — это прежде всего запрокинутые лица. Это разинутые в ожидании рты, это глаза, полные нетерпения. Как будто недостаточно идти выше всех. Актер должен что-то совершить, выкинуть какой-то фортель... а еще лучше — свалиться.

Дженни тяжело вздохнула: эти лица с разинутыми ртами и глазами, в которых читается нетерпение... слишком знакомо! Кстати, ворона тоже была рядом, сидела на сучке в трех шагах от Дженни и тоже косилась вниз, на толпу. Должно быть, удивлялась отсутствию привычного потока шляп под собой. Что же касается крысы... Дженни крикнула:

— Мисс! Эй! Эй, под ногами! Мисс Фортлекс! Моя обувь! Спасите ее!

Почтенная дама, напряженно следившая за каждым движением Дженни, вздрогнула, стала озираться...

— Мои туфли! Эй! — требовательно прокричала Дженни.

Не сразу, с большим опозданием, Мисс Фортлекс заметила ратлера. Тот, алчно водя серым мохнатым носом, подбирался к туфлям, которые Дженни сбросила прежде, чем лезть на дерево. Все, что оказывалось на мостовой, ратлеры считали своим, и туфли сейчас пребывали в огромной опасности. Мисс Фортлекс затопала ногами, замахал толстыми маленькими ручками, чтобы отогнать ратлера. Наконец догадалась поднять злосчастные туфли. Дженни усиленно закивала, чтобы выразить одобрение почтенной женщине.

В конце концов, умение жителей Эверона не замечать ратлеров под ногами вошло в поговорку. Просто счастье, что Дженни подумала о воронах и крысах, эта мысль сподвигла ее поглядеть вниз, и туфли были спасены. Теперь можно было приниматься за дело.

Она выпустила ствол старой яблони, чуть развела ладони в стороны, отыскивая равновесие... и зашагала по ветке к Фили, замершей на самом кончике самого тонкого сучка, какой только смогла отыскать на дереве. Ворона одобрительно каркнула. В толпе, собравшейся под деревом, несколько мужчин неодобрительно высказались относительно слишком худых ног Дженни.

Фили пискнула, когда ветка закачалась под ногами девушки. Чем ближе, тем сильнее... Когда расстояние, отделяющее Дженни от кошки, сократилось до двух шагов, она медленно согнулась и протянула руку. Фили недоверчиво уставилась на растопыренные пальцы, нависшие над ее загривком и, кажется, еще сильнее вцепилась в кору яблони. Во всяком случае, из-под коготков свалилось несколько крошечных кусков.

— Идем по-хорошему, — потребовала Дженни.

Кошка не реагировала. Дженни сделала еще один крошечный шаг, и под ногой хрустнуло. Пришлось отступить, слишком тонко. Дженни закусила губу. Она начала злиться — на глупую кошку, на тупых горожан, которые пялятся снизу на ее ноги, и при этом ничего не понимают в женской красоте, на мисс Фортлекс.

Впрочем, мисс Фортлекс — клиентка, а это категория людей, чьи причуды полагается терпеть. Тем более, что эта пухлая дама, склонная постоянно ахать и причитать без всякого повода — единственный клиент в этом месяце. Нынче утром она ворвалась в детективное

агентство на Горшечной улице, дом восемьдесят четыре, и внесла приятное разнообразие в нудное ожидание заказов.

Честно говоря, она была единственной не только в этом месяце. Дела у Дженни и ее компаньонов шли совсем неважно, потому что все по-настоящему выгодные заказы почему-то доставались Джеку Джеку, открывшему заведение в двадцати шагах от дома отставного префекта.

О, Джек процветал! Он наладил добрые отношения с местными бандами и специализировался на том, что договаривался о возвращении краденого пострадавшим «за чисто символический процент». Зато те не обращались с жалобами в префектуру, преступность в Юго-Восточном округе пошла на убыль, новый начальник стражи ходил с гордым видом, что больно ранило сердце Эдуарда Квестина. Ну и в его агентство никто не обращался. В общем, положение агентства выглядело довольно кисло.

Поэтому томно вздыхающей и постоянно закатывающей глаза мисс Фортлекс не пришлось ждать, ее приняли сразу. Она влетела... или, скорее, вкатилась в кабинет и замерла, разглядывая хозяина агентства. Эдуард Квестин встал и отвесил поклон, неизменно вежливый Морко Гучих подвинул госте стул, а Дженни подмигнула. Неизвестно, что именно не понравилось мисс Фортлекс больше — это подмигивание или клыкастая улыбка гоблина.

— Чем могу служить? — осведомился Квестин.

— Вот! — на стол перед отставным префектом лег клочок бумаги, на котором аккуратным округлым почерком было выведено со множеством ошибок:

«Завтре полож три сиребриных талера в вадосточную трубу сваиво дома. Иначе Филе тваей канец!!!»

— Я вижу, вы человек почтенный и солидный, значит, с должным вниманием отнесетесь к этому жуткому преступлению, — жалобно простонала гостья, утирая покрасневшие глаза платочком. — Фили такая нежная, такая впечатлительная... Ах, я не могу представить ее в плену у злодеев.

При этом гостья с подозрением оглядывалась на гоблина и Дженни. В отличие от весьма положительного и солидного Квестина, нелюдь не производил на нее доброго впечатления. Да и Дженни, вероятно, выглядела слишком легкомысленно в сравнении с серьезностью ситуации.

— Подписи нет, — заметила Дженни. — Это очень таинственный и опасный злоумышленник. А кто такая Фили?

— Моя кошечка! — простонала мисс Фортлекс, утирая измятым и уже мокрым платочком обильную слезу. — Она пропала. Похищена! Я слышала, что в таких случаях лучше не обращаться к страже, иначе заложнику грозит опасность. Молю вас, спасите Фили... Я уже обращалась к детективам мистера Томса, у него хорошая репутация, все так говорят...

— И? — требовательно спросила Дженни. — Они не проявили должного сочувствия?

— Именно так, — испуская трагический вздох, заявила мисс Фортлекс. Потом с возмущением добавила. — Они смеялись! Бессердечные, бессердечные!

Квестин тоже тяжело вздохнул и потер подбородок. В его представлении, порядочному

агенту не следовало заниматься подобной ерундой... с другой стороны, заказов не было, сбережения таяли... ну и вообще, считаться сыскным агентством и не расследовать ни единого дела — тоже плохо. Квестин не мог решиться ни на согласие, ни на отказ безутешной мисс Фортлекс, которую неисповедимые тропы судьбы направили именно сюда, в агентство «Добрая надежда». Никому другому это в голову не до сих пор не приходило. Как же быть?

Дженни решила взять ответственность на себя и решительно сгребла записку со стола.

— Если никто не возражает, я займусь поисками Фили. Хорошо?

Мисс Фортлекс всхлипнула, с сомнением оглядывая Дженни. Та ответила уверенным взглядом, но подмигивать больше не решилась. Квестину она заявила:

— Схожу на место, осмотрюсь. Если у меня ничего не выйдет, то, по крайней мере, смогу сделать доклад о предварительных итогах расследования. А вы с Морко без помех займетесь прочими нашими делами. Ну, там, массовыми убийствами, осквернением святынь и похищенными грудями золота?

Дженни подхватила опешившую клиентку под круглый локоть и увлекла на улицу. Она отлично видела, что не производит на мисс Фортлекс позитивного впечатления, и собиралась компенсировать энергичными действиями недостаток солидности.

Вскоре они уже сидели в коляске извозчика, мисс Фортлекс давала важные показания, а Дженни царапала карандашом в блокноте с самым серьезным видом, на какой оказалась способна. Коляска подпрыгивала на бульжной мостовой, и писать было совершенно невозможно, поэтому Дженни рисовала рожицы. Получалось плохо, вся страница была исчеркана ломаными линиями, образовавшимися из-за тряски, но безутешная мисс Фортлекс даже не пыталась заглянуть в блокнот сыщицы, ее вполне устраивал сам факт, что показания фиксируются на бумаге должным образом.

Ехать пришлось далеко, жила жертва в центре города, в самом престижном районе, внутри древних крепостных стен. За время путешествия Дженни узнала массу бесполезных сведений о соседях мисс Фортлекс, об их привычках, склонностях и мелких грешках, об их невоспитанных детях, об их скверной репутации... Мисс оказалась заядлой сплетницей, а рассказывала так неинтересно, что рожицы в блокноте Дженни выходили все более скучающими, а к концу поездки стали выражать непроходимо мрачную обреченность. Наконец извозчик остановился, и Дженни приступила к осмотру места преступления.

Аккуратный домик мисс Фортлекс напоминал хозяйку — такой же приземистый, широкий — что называется, крепко сбитый. Вокруг него склоняли пышные кроны старые деревья, в основном яблони и сливы. За шелестящей под легким ветерком листвой торчали красные черепичные кровли соседних домов, в оконцах которых Дженни разглядела лица скучающих дам. Здесь жили благопристойно и размеренно — то есть, невероятно скучно, поэтому пропажа кошки и явление детектива должно было вызвать всеобщее оживление. Именно на это Дженни и рассчитывала. Она стала расхаживать по улице, мисс Фортлекс, не прерывая болтовни семенила следом.

Дженни пририсовывала к рожицам в блокноте нахмуренные брови и с самым загадочным видом зыркала по сторонам. Это возымело действие — стали собираться соседи. Дженни уже знала о них все, мисс Фортлекс поведала за время поездки. Вот они, люди с

мелкими грешками, а вот и невоспитанные дети. Целая толпа зрителей, как в старые добрые времена, когда Дженни странствовала в фургоне Папаши Бурмаля. Публика в сборе, можно начинать.

Дженни со звонким щелчком захлопнула блокнот и объявила — громко, так, чтобы слышали все:

— Ну что ж, дело, можно сказать, раскрыто.

— А... Фили? — осторожно осведомилась мисс Фортлекс, на всякий случай оглядываясь, не видно ли ее кошечки.

— Сейчас я отправлюсь к господину... э... как его... — Дженни раскрыла блокнот, чтобы посмотреть единственное имя, которое она криво вписала среди мрачных рожиц, — господину Тендрюсу, учителю словесности. Я продемонстрирую ему записку, подброшенную похитителями. Он, конечно, без труда узнает почерк своего самого нерадивого ученика, потому что я уверена: в его классе не может быть даже двоих школяров, которые писали бы с таким множеством ошибок. Затем мы обыщем дом этого злодея. Мы перевернем все вверх дном, прощупаем каждый шов на обивке и заглянем на дно каждого кувшина. Мы, если понадобится, вспорем подушки и отдерем половицы...

Дженни говорила уверенно, с каменным лицом, при этом косилась на зрителей. Вот! Так и есть, сработало! Тощий долговязый мальчишка бочком выбрался из толпы и потрусил к соседнему дому. Сыщица еще несколько минут живописала ужасы обыска, пока наконец отворилось чердачное окошко, и белая кошка, словно молния, ринулась оттуда на ветки ближайшей яблони. Фили распласталась в великолепном прыжке, на миг сделавшись вдвое длиннее, ветка закачалась под ее упитанным телом, а вырвавшаяся на волю узница замерла, вонзив когти в кору и слегка покачиваясь вместе со своим насестом.

Но, за исключением Дженни, никто этого не видел. Сыщица мысленно поздравила себя с успехом: ей удалось полностью завладеть вниманием публики, Папаша Бурмаль мог бы гордиться такой ученицей...

— Барышня, — подала голос из толпы худощавая дама в сером платье, одна из соседок пострадавшей, — что вы такое говорите? Подобное можно творить только страже при наличии постановления суда! Мой муж секретарь в суде, уж я-то законы знаю!

— Формальности, — махнула рукой Дженни. — Без них гораздо веселее. Вот увидите, как будет славно, когда пух из распоротых подушек взвьется над крышами!

— А это обязательно? — спросила мисс Фортлекс, прижимая толстые ладошки к побелевшим щекам. — Я имею в виду, вскрывать полы и распарывать подушки? Вряд ли злодей прячет мою бедняжку настолько изопренно.

— Бедняжку? — Дженни обернулась к ней. Она так увлеклась, что почти по-настоящему забыла об источнике своего вдохновения. — Какую бедняжку?

— Фили, мою кошку! Так можно спрятать только мертвое тело! — ее голос дрогнул. — Вы полагаете, Фили уже нет в живых?!

— А, кошку! — Дженни покровительственно кивнула. — Нет, конечно, Фили в полном порядке. Просто я люблю делать обыски и ломать при этом все, что попадется под руку. Вон ваша Фили, на яблоне. Отважно сбежала из плена.

Прошло около четверти часа, но толпа и не думала расходиться, напротив! Прохожие

останавливались, спрашивали, в чем дело. Доставка перепуганной Фили с яблони оказалось не менее занятным преставлением, чем явление частного детектива!

Мисс Фортлекс суежилась под яблоней, звала свою любимицу и время от времени снова принималась ронять слезы. Вероятно, теперь это были слезы радости. Впрочем, Фили этой радости не разделяла. Ее выгнутая спинка отчетливо просматривалась среди листьев, и кошка ни разу не сменила позы, даже не шевельнулась. Она намертво впиалась когтями в яблоню.

— Похоже, она разнервничалась из-за всех этих приключений, — наконец заметила Дженни. Ей хотелось покончить с делом... то есть, поговорить об оплате. — Уверена, вашей Фили нечасто выпадают такие веселые денечки, как сегодняшний.

— Да, да, — всхлипнула мисс Фортлес, — она, бедняжка, такая нежная, такая впечатлительная! Но как же ее убедить, что пора спускаться? Миссис Дженнифер, пожалуйста! Сделайте же что-нибудь!

Дженни тяжело вздохнула и буркнула:

— Я так и знала, что этим кончится...

Скинув туфли, она вскарабкалась на яблоню, благо дерево было старым, раскидистым, со множеством замечательных и удобных сучков на ветвях. Не настолько веселенькое дело, как обыск со вспоротыми подушками, но хоть какое-то развлечение... Оставалось пожалеть лишь о двух вещах: что мужчины, торчащие внизу, не понимают в женской красоте, и что на ней — дурацкая юбка, а не удобный во многих смыслах костюм трубочиста.

Кстати, трубочист был тут, как тут. Торчал на соседней крыше и тоже пялился на карабкающуюся Дженни — весь перемазанный сажей. Даже работу свою оставил, чтобы полюбоваться. Вряд ли это был старый знакомый с Горшечной улицы, но на всякий случай Дженни помахала ему с яблони. На черном лице прорезалась улыбка, и трубочист отсалютовал ей щеткой на длинной рукояти. В общем, все шло неплохо, пока не выяснилось, что впечатлительная Фили решила уйти от этого жестокого мира людей и начать вольную жизнь на деревьях. Иными словами, глупая кошка не собиралась покидать местечко на самом конце ветки, а Дженни не хотела приближаться к животному по опасно потрескивающей дорожке.

— Ты, животное! Иди сюда! — потребовала Дженни. — Не то хуже будет!

Кошка таранила круглые желтые глаза, топорщила белую, как снег, шерстку на загривке и судорожно терзала когтями яблоню. Хотя дерево уж точно ничем перед ней не провинилось. Да и смотрела-то она скорее на ворону, чем на девушку.

Закусив губу, сыщица огляделась — решение не приходило. Внизу мужчины лениво обсуждали ее ноги, мисс Фортлекс томно закатывала глаза и хваталась за сердце, трубочист на соседской крыше задумчиво почесывал скулу рукояткой щетки... и противный мальчишка, виновник всего этого глупого приключения, осторожно глядел на Дженни одним глазом из чердачного окошка. Дженни погрозила ему кулаком и прошипела:

— Я все-таки покажу твою записку школьному учителю и потребую, чтобы ее зачли как контрольную работу!

Глаз в чердачном окошке скрылся, и Дженни ощутила некоторый прилив бодрости. И вдохновения. Мысль дозрела! Дженни стала раскачивать ветку, осторожно сгибая колени. Яблоня скрипела, мисс Фортлекс повизгивала внизу, крошка взлетала к небесам и рушилась в пропасть — уж теперь она точно не собиралась убирать когти... наконец, ветка раскачалась достаточно сильно, и глупая кошка проявила некоторое внимание к

изменившейся ситуации. Она устала на Дженни и противно скрипуче мякнула. Огрызки коры снова посыпались из-под когтей, но Дженни видела: дело движется!

Ветка качалась все сильнее, кошка вышла из протрации и зашевелилась, Дженни слегка подпрыгнула, ободранная кора полетела из-под когтей, и Фили взлетела в воздух. Быстрый взмах рукой — и пальцы Дженни сомкнулись на белой шерсти загривка Фили. Хозяйка и кошка взвыли в унисон, а Дженни попятилась, старательно сохраняя равновесие. Не без труда сохраняя, между прочим, Фили оказалась гораздо тяжелее, чем представлялось издали.

Наконец Дженни прижалась спиной к стволу яблони и выдохнула. Пока что Фили висела тяжелым мохнатым мешком, как и полагается кошке, которую держат за шкурку... но как эта впечатлительная особа поведет себя, если выпустить загривок?

Появилась проблема: как спуститься? Дженни задумчиво огляделась. Противный мальчишка спрятался. Мисс Фортлекс простирала руки к своей питомице. Туфли Дженни она так и не выпустила, поэтому кошка тревожно мякнула, разглядев, что хозяйка зачем-то тянет к ней чужую обувь. Трубочист махнул на прощание рукой и скрылся позади трубы. Свою длинную щетку он почему-то оставил на черепичном скате кровли.

Ворона, внимательно наблюдавшая за приключениями сыщицы на дереве, каркнула и улетела.

— Ну вот, — пробормотала Дженни, провожая ее взглядом, — все расходятся. Нужно как-то и мне...

Когда она глянула вниз, толпу под деревом заслонила широкая каменная плита. Вернее, растопыренная пятерня. Ладонь тролля. Позади ладони маячило добрейшее лицо Бордоймогоркимбаха, оскалившего в приветливой ухмылке многочисленные зубищи. Дженни улыбнулась в ответ и спорхнула с ветки на подставленную ладонь. Тролль аккуратно перенес их с Фили на мостовую и, согнувшись, позволил безопасно сойти.

— Хорошо, что ты забралась на дерево, маленькая госпожа, — гулко прохрипел он. — Иначе мне бы ни о чем не разглядеть тебя среди такой толпы!

Дженни позволила кошке переместиться в заботливые руки хозяйки и стала натягивать туфли. В толпе она высмотрела того мужчину, которому не понравились ее фигура. Он почему-то прыгал на одной ноге и сжимал стопу другой обеими ладонями.

— Глупая скотина! — просипел он. — Я пожалуюсь на тебя властям!

И погрозил грязным кулаком Борду. При этом он выпустил свой башмак, и Дженни разглядела, что обувка выпачкана и странно сплющена.

— Моя есть глупый тролль, — пожал крутыми каменными плечами Бордоймогоркимбах, — моя не видеть, если маленькая человека подсовывает свой башмак под мою ногу. Не разглядел! Но моя точно знает, что всякое уголовное преследование в отношении добровольца прекращается. Я доброволец, так что валяй, жалуйся.

Последние фразы Борд произнес совсем другим тоном, теперь он говорил, как эверонский мальчишка с окраины, нагло и с вызовом. Тролль уже совсем освоился в городе и нахватался манер у местных. Но в остальном он оставался все тем же прежним добряком Бордом... во всяком случае, Дженни была в этом уверена.

— Ты доброволец? — удивилась она, запрокидывая голову, чтобы лучше разглядеть лицо Борда.

— Ага. Записался в армию. Нелюдям после года службы предоставляются гражданские права. Хочу быть гражданином Эверона! Вот, пришел попрощаться, а тебя нет. Я узнал

адрес, и сюда. Я очень торопился, однако никого не затоптал по пути.

Тролль покосился на грубияна в раздавленном башмаке и добавил:

— Никого, кроме одного глупого человечка, который сам лезет под ноги добровольцу! Жалко, времени не осталось. Мне пора, маленькая госпожа. Сегодня я должен быть в казарме, послезавтра флотский конвой уходит к берегам Гранделина. Прощай! Да хранит тебя Гродофур! Безопасных тебе мостов и ровных дорог!

Ворона — кажется, давешняя, с яблони — описала круг около массивной головы тролля и звонко каркнула, как будто поставила точку в его тираде. Дженни проводила глазами черную птицу и заметила, что щетка, оставленная трубочистом, так и валяется на крыше.

Дженни распрощалась с мисс Фортлекс и Фили, взяв с почтенной дамы обещание всем рассказывать, как молниеносно и неотвратимо действуют детективы агентства «Добрая надежда».

Это небольшое приключение помогло ненадолго отвлечься от грустных мыслей. Честно говоря, дела шли не слишком-то хорошо. Клиентов не было, а грустные мысли имелись в избытке. Эрик так и не объявился, и Дженни терялась в догадках, почему он не показывается на глаза. Что с ним случилось? Он ведь должен быть жив, раз уж сбежал с Ингваром по болоту. Разве преподобный не сказал Эрику о сестре? Наверняка должен был сказать!..

А на Горшечной у Квестина сидел посетитель. Сперва Дженни обрадовалась, предположив, что наконец-то появился приличный клиент, и снова можно будет не думать о пропавшем брате... но это был всего лишь Брем Борк — шпик на службе префектуры. Заглянул к прежнему начальнику поболтать, вспомнить прежние деньки.

Дженни присоединилась к старым приятелям в кабинете Квестина, села в уголке на табурет, подобрала ноги, и стала слушать, что сейчас происходит в префектуре. Старина Борк был в скептическом расположении духа — впрочем, это было его обычным настроением. Он рассказывал, что тайная стража их сейчас не беспокоит, работы стало меньше, в префектуре скука и уныние. Текущие дела выполняются ни шатко, ни валко, но случись что серьезное — жди беды! Люди обленились, отвыкли работать.

— Я подумываю об отставке, — заявил Борк. — Тебе не нужен толковый топтун?

— Был бы нужен, если бы у меня завелись клиенты, — с кислой улыбкой ответил Квестин.

— Неужели нет? — совершенно искренне удивился шпик. — А ведь за твоим домом следят! Я и подумал, что ты процветаешь, раз уж по твоему следу пустили таких матерых псов! Ох, ловкие! Ох, какие ловкие! Ума не приложу, на кого в Эвероне могут работать подобные специалисты!

— Я ничего не заметил, — удивился отставной префект.

Борк махнул рукой.

— Говорю же, очень ловкие. Таких и не заметишь... Вот у меня глаз наметан, я их срисовал. Вот только не знаю, для кого они шпионят. В страже не состоят, это точно. Например, обрати внимание на тощего коротышку, который иногда вытирает лысину платком в красную клетку, это он подает знак напарнику, что уходит на полчаса, чтобы не примелькаться. Тогда в дело вступает второй... Так что, нет у тебя работенки?

— Увы, старина.

— Ладно, тогда пойду. Значит, с выходом в отставку придется подождать. Жаль, очень жаль.

Квестин пошел проводить приятеля к выходу, по дороге трижды пообещал, что непременно обратится к Брему, если потребуются шпик. А потом долго глядел вслед Борку. Дженни с опозданием сообразила, что, хотя Квестин не меняет позы, его взгляд перебегает с одного прохожего на другого — бывший префект высматривал слезку, о которой рассказал Борк. Дженни тоже попыталась определить, кто это следит за тихим домиком на Горшечной? И, конечно, никого не отыскала. Вернее, теперь все прохожие казались ей ужасно подозрительными, в любом чудился опасный шпион. Но она отлично понимала, что это воображение шутит с ней шутки.

— Нет, дядюшка, мы их не сможем опознать, — вздохнула она.

— Не сможем, — подтвердил Квестин, — но зато теперь мы знаем, почему твой брат не показывается. Он боится слезки.

— Ты это придумал, чтобы подбодрить меня! В шпионском деле Эрик вовсе не такой ловкач, как Борк. Хотя... хотя кто знает, каков он теперь?

— Да, а как прошло дело с похищением? — вспомнил Квестин.

— А, с этим полный порядок! Преступник полностью изобличен, кошка Фили возвращена владелице. А еще меня разыскал тролль Борд. Помнишь его?

— Конечно! Сперва он зашел сюда, и был так нетерпелив, что пришлось дать ему адрес мисс Фортлекс.

— Он собирается на войну, — вздохнула Дженни. — Хотел попрощаться. Говорит, после года службы получит гражданские права.

— Многие наши тоже записываются в армию, — проскрипел из коридора Морко. — Генерал Истригс, сын спикера парламента, тот, что нынче назначен командующим, набирает нелюдей. Умный ход! Не скажу насчет троллей, а наши будут хорошо сражаться. Теперь положение на фронте выправится! И Эверону улыбнется победа.

Последние полгода новости с Гранделина приходили все хуже и хуже. Погонщики Ветра оттеснили армию Эверона к побережью, время от времени они осаждали порты, и весь город — от вершины Вулкана до самых окраин с замиранием сердца ждал худшего. Но, милостью сотни богов, крепости удалось отстоять. А новый командующий, сын лорда Сертиаса Истригса, возглавлявшего прежде партию мира, сулил новый план кампании.

Об этом писали во всех газетах, все гадали, что именно задумал молодой генерал. Морко с Квестином тоже обсуждали военные действия вечерами за рюмочкой бренди. Дженни в этих разговорах не участвовала. Едва после ужина на столе возникал знакомый графин, она тут же, пожелав спокойной ночи, уходила в свою комнату. Дженни не интересовалась вестями с фронта, она ждала брата.

— Осмелюсь спросить, — снова подал голос гоблин, — заплатила ли мисс Фортлекс за успешно проведенное дело?

— Ха, вот еще! — обернулась к гоблину Дженни. — Она, конечно, порывалась сунуть мне пару медяков...

— И получила гордый отказ, конечно?

— Деньги за кошку? Это недостойно. Конечно, я отказалась! Зато я взяла с нее слово, что она всем-всем расскажет о нашем детективном агентстве, а это все равно, что дать объявление в газету, даже лучше. Мисс Фортлекс ужасно болтлива! Так что готовься, Морко

Гучих, с завтрашнего дня к нам повалят клиенты! Или я ничего не понимаю в маркетинге!

Часть 1. Великий поход. Глава 1. Выгодный клиент

За завтраком Квестин с дворецким продолжили вчерашнюю беседу о положении на фронте. Оба сходились на том, что Погонщикам Ветра сейчас не поздоровится. Расходились они в причинах будущей победы. Отставной префект полагал, что успех принесет стратегия генерала Истригса, а Морко настаивал на том, что залогом победы будет храбрость гоблинской пехоты.

Дженни было скучно. И немножко обидно, что ее не расспросили о подробностях вчерашнего расследования.

— По-моему, вы спорите о ерунде, — заявила она, вяло ковыряя вилкой омлет. — Если стратегия заключается в том, чтобы укомплектовать пехоту гоблинами, то какая разница, как это назвать?

— Поразительное здравомыслие, — заметил гоблин. — Именно так, стратегия — это мы. Не будь я инвалидом, сам бы записался в пехоту!

— И бросил бы такой прибыльный бизнес? — удивилась Дженни. — Не забывайте, с сегодняшнего дня у нас отбоя не будет от клиентов.

— Осталось только дожидаться скромного подтверждения твоей уверенности, и я смирюсь со своим положением, — Морко поднялся и стал собирать посуду со стола. — Пока что предел наших успехов — найденная кошка. Других клиентов не видно.

Звякнул дверной колокольчик.

— А вот и они! — с энтузиазмом воскликнула Дженни. — Ну, началось!

Квестин поспешил занять место за столом в кабинете. Этот стол, массивный, темного дерева, со множеством выдвигаемых ящичков, выглядел необычайно солидно, его задачей было внушать клиентам уважение к агентству, располагающему такой мощной штуковиной. К сожалению, ящики пока что пустовали — не было ни изъятых улик, ни писем от клиентов, ни — что особенно прискорбно — банковских квитанций о выплаченных гонорарах.

Итак, глава агентства занял место за огромным столом, Дженни с блокнотом и карандашом устроилась рядом, как полагается образцово вышколенному секретарю, Морко отправился встречать гостя.

Скрипнула дверь, тихо прозвучали голоса... Дженни выдохнула, разгладила девственно-белую страничку блокнота и приготовилась. Она заметила, как Квестин торопливо поправил воротник — он тоже волновался!

Наконец у двери кабинета скрипнули половицы.

— Сударь, к вам... посетитель... — пробормотал из-за двери Морко перехваченным голосом.

Он посторонился на пороге, впуская гостя. Вернее, гостью. Квестин привстал для приветствия, да так и замер. И было от чего! Даже Дженни почувствовала. В кабинет уверенной походкой вошла женщина лет тридцати. Нет, не женщина, а Женщина! С большой буквы! Она была одета в нарочито строгий костюм, который должен был подчеркнуть

достоинства ее фигуры, и вполне с этим справлялся. Гостья обладала тонкой талией и приятно округлыми бедрами, ее лицо представляло собой картину, исполненную мастером. Дженни почти не пользовалась макияжем, но, как и всякая актриса, отлично разбиралась в гриме. Здесь всего было в меру — мазок здесь, штришок там, но все краски подобраны исключительно верно.

Впрочем, когда мужчины глядят на таких женщин, лицо привлекает их не в первую очередь, так учили Дженни старшие сестры, Сейша и Анна. Да и Эрик пару раз об этом упоминал, ведь у них с Дженни не было секретов, иногда Эрик делался даже слишком откровенным. Единственное исключение в элегантно строгом наряде гостьи — чересчур низкое декольте. Но вряд ли это было сделано по ошибке. Декольте было главным украшением фигуры пришелицы. Ее грудь мгновенно заставила Дженни припомнить беломраморный сферический купол городской библиотеки. Такие же безупречные пропорции. В двух экземплярах. Размеры, конечно, не те... но Морко и Квестину хватило, чтобы лишиться речи.

Дженни впервые видела «дядюшку» настолько ошарашенным. Не в силах произнести ни слова, Квестин только поклонился. Похоже, гостью не удивило впечатление, которое она произвела на сыщика. Конечно же, она привыкла к подобной реакции. Дженни решила взять инициативу на себя. Она вышла из-за спины Квестина, подвинула гостье стул и с самым деловым видом спросила, чем они могут служить почтенной даме?

— Мое имя Клементина Сервейс, — назвалась гостья, — я владею...

— Не беспокойтесь, госпожа Сервейс, — выдавил из себя Квестин, — мне известно ваше предприятие.

— Не помню вас среди клиентов, — устало улыбнулась Клементина, — тем приятнее, что о моем скромном заведении знают даже те, кто не пользуется нашими услугами.

Улыбка была добрая, располагающая. В этот миг женщина показалась Дженни похожей на статую Вилены, виденную в каком-то провинциальном храме. А Вилена — добрая богиня, хотя ее атрибуты частенько используются для ругательств. Впрочем, атрибуты какого из ста богов Эверона не годятся для этого дела?

Дженни не рискнула спросить, о каком заведении все здесь знают. А пришелица продолжала, грациозно устраиваясь на стуле.

— У меня к вам очень деликатное дело, сударь.

— Эдуард Квестин, к вашим услугам. Вы можете смело доверить мне вашу тайну, госпожа Сервейс. Она не выйдет за стены моего дома, если к тому не обяжет меня закон.

— Закон? — Клементина приподняла тонко подведенные брови. — А, понимаю... если я сознаюсь в преступлении, вы будете обязаны сообщить в префектуру. Нет, разумеется, я не собираюсь испытывать на прочность вашу приверженность закону. От вас не потребуется ничего предосудительного. Я прошу вернуть моего брата.

При этом она бросила быстрый взгляд на Дженни, и сердце дрогнуло. Вернуть брата! Разве не об этом она думала днями напролет! Гостья словно знает о ее тайне и надеется отыскать сочувствие, ведь у нее та же беда.

Квестин наконец совладал с наваждением, откашлялся, прочищая горло, и заговорил:

— Что же произошло с вашим братом? Он сбежал? Похищен? У вас появились какие-то подозрения?

— Нет, нет, — Клементина подняла ладонь с идеальным маникюром. — Ничего такого, абсолютно никакого криминала! Ирви... он младший, понимаете? Он воспринимает

слишком нервно мой образ жизни. И вот захотел бросить все, завербовался в армию. Захотел показать себя настоящим мужчиной.

Женщина тяжело вздохнула, на ее гладком белом лбу между подкрашенными бровями возникла крошечная складочка.

— Он такой впечатлительный, — продолжала гостья. — Я не могу представить его среди солдат, он абсолютно не подготовлен к службе. Но ведь Эверон терпит поражения, в полки зачисляются всех, кто изъявит желание! Конечно, и Ирви взяли. А я не сразу узнала о его опрометчивом решении. Сказать честно, я сперва подозревала, что его похитили! Я достаточно богата, чтобы заплатить солидный выкуп, понимаете? И вот мой несчастный брат пропал! Я обратилась к Герарду Томсу...

Квестин кивнул. Все богачи обращаются к Томсу, который создал себе прекрасную репутацию.

— И он отыскал вашего брата в действующей армии.

— Уже на Гранделине, — кивнула Клементина. — Вернуть его оттуда сразу не было никакой возможности, потому что морское сообщение прервалось из-за этих ужасных бурь, которые вызвали Погонщики. Но сейчас перемирие, и флотский конвой завтра уходит к Гранделину. Я позаботилась о двух местах на корабле. Для вас и вашей помощницы.

— Подозреваю, это обошлось недешево, два места, — пробормотал Квестин. — И вы уже были уверены в моем согласии? Что я готов отправиться на войну за вашим братом?

— Надеюсь, что смогу подыскать достаточно веские аргументы, — Клементина снова улыбнулась, выкладывая на стол звякнувший мешочек.

— Простите, я посмотрю, — пробормотал Квестин, заглядывая внутрь. — Хм, в самом деле... достаточно веские.

Дженни, заглянув через плечо шефа, различила блеск золота. То, что нужно агентству именно сейчас! Дженни слышала, как Квестин обсуждал с дворецким, что не мешало бы сократить расходы, потому что скоро платить налог, и это может стать проблемой...

— У меня есть все необходимые документы, — продолжала госпожа Сервейс, — Ирви должен возвратиться, чтобы позаботиться обо мне, он старший мужчина в семье, закон позволяет мне требовать его присутствия в Эвероне. У вас будет распоряжение военной канцелярии, все необходимые приказы и циркуляры.

— То есть никаких проблем? — уточнил Квестин. — Мисс Сервейс, лучше скажите мне сразу, не возникнет ли каких-то трудностей? Я должен быть готов ко всему. Ведь если дела обстоят так радужно, вы бы не обратились к детективу.

— Единственная проблема в том, чтобы уговорить Ирви вернуться по-хорошему. Если вернуть его насильно, я потеряю брата навсегда! Потеряю, хотя он окажется рядом со мной, понимаете, господин Квестин? Прошу вас, уговорите его! Хотя бы попытайтесь! Я уверена, что вашей помощнице это удастся! Честно говоря, я больше надеюсь на вас, милочка.

Дженни хотела насмешливо фыркнуть в ответ на «милочку», но тут маска богини, вытесанная из мрамора, дрогнула, Клементина совсем некрасиво хлюпнула носом, и из ее глаз покатались слезы, прокладывая на точеных щеках черные дорожки размытой туши.

Гостья рыдала, Квестин с Дженни наперебой протягивали ей салфетки... наконец, когда она немного успокоилась, Дженни рискнула спросить:

— А почему вы думаете, что именно мне это удастся?

— Для молодых людей очень важно, чтобы с ними соглашались ровесники. Ирви только

тремя-четырьмя годами старше, и если его станет упрашивать хорошенькая девушка...

И тут Дженни поняла, что уже согласна. Такая роскошная женщина... нет, Женщина с большой буквы — назвала ее хорошенькой! И потом, мисс Сервейс предлагала внушительную сумму! И потом, когда еще Дженни выпадет шанс побывать на Гранделине? И потом, речь идет о брате, которого хочет вернуть любящая сестра.

Клементина тем временем объясняла, что поначалу им с братом пришлось много работать, чтобы сделать заведение процветающим, но теперь-то все иначе! Теперь они богаты, и Ирви может позволить себе тот образ жизни, который выберет сам, теперь он может вообще не касаться семейных дел, сестра просто хочет видеть его рядом, так как они одни на всем белом свете, они семья, они должны быть вместе. В общем, Дженни услышала то, что сама обдумывала днями напролет.

И она, к собственному удивлению, бросилась уговаривать Квестина. Словно слыша собственный голос со стороны, начала упрашивать «дядюшку»! Квестин мямлил, что идет война, и он бы не хотел бы подвергать племянницу риску, Клементина напомнила, что сейчас перемирие, а Ирви служит вовсе не в элитной части. Скорее всего, он в каком-нибудь тыловом гарнизоне, и ему уже до Веспера надоело глотать пыль, бестолково маршируя на плацу или просиживать штаны в унылой крепостце, которая затеряна в песках. Только чуть-чуть подтолкнуть его, а так-то он совсем готов передумать!

Все это звучало достаточно убедительно, да и Дженни проявила внезапную настойчивость — в общем, высокие договаривающиеся стороны пришли к согласию. К увесистому кошельку на столе прибавился пакет с документами и письмо для шкипера судна, на котором предстояло плыть.

Когда все подробности были выяснены, Квестин отправился проводить гостью к выходу. Дженни задержалась, чтобы тихонько шепнуть Морко Гучиху:

— А чем владеет эта госпожа Сервейс? О каком бизнесе она вспоминала? Квестин с ним знает, а ты?

— Весь Эверон знает заведение госпожи Сервейс, — ухмыльнулся гоблин, — ручаюсь, и лорды Вулкана тоже отлично осведомлены об этом бизнесе. Это публичный дом. Самый роскошный и знаменитый в городе! «Улыбка Вилены», вот так называется.

— О-о... — только и смогла вымолвить Дженни.

Ну а что такого? Обычный бизнес, не хуже любого другого! Во всяком случае, в Эвероне. Она поспешила к двери, чтобы не показаться невежливой и попрощаться, как приличествует хорошенькой и благовоспитанной девушке.

Квестин с госпожой Сервейс стояли у порога. Дженни услышала последние слова «дядюшки»:

— Если Ирви просто скучает в далеком гарнизоне, может, дать ему доскучать год службы? К чему эта спешка? Нет, нет! Меня более чем устраивает предложенный гонорар, но я хочу заранее подготовиться к тому, что знаю не все. Не люблю я, знаете ли, внезапно возникающих трудностей.

Клементина закусила губу и поглядела в глаза префекту. Она сомневалась, стоит ли добавить что-то к уже сказанному. Наконец решила и, бросив быстрый взгляд в сторону Дженни, потянулась к отставному префекту и шепнула на ухо несколько слов.

— Ах вот как! — пробормотал Квестин.

Дженни стояла позади него и не могла видеть лицо, но «дядюшка» был определенно поражен и растерян.

— Э... м... да, я понимаю, — медленно произнес он.

— Вот поэтому я хочу вернуть Ирви как можно скорее, — заключила Клементина. Она уже совладала с собой и говорила спокойно и ровно, — надеюсь, это останется между нами.

Обернувшись, она подняла руку, и экипаж, поджидавший на обочине, с грохотом тронулся с места.

— Я очень надеюсь на вас, господин Квестин, — произнесла женщина с печальной улыбкой, — на вас и вашу милую племянницу. Особенно на нее.

Когда она скрылась в экипаже, Дженни заявила:

— Я милая! Это растрогало меня до глубины души.

Потом она посмотрела на «дядюшку» и поняла, что ирония, как ни странно, неуместна. Квестин без всяких шуток был растроган. Во всяком случае, взволнован! Он, не отрываясь, глядел вслед отъезжающему экипажу и судорожно стискивал трость. Дженни поняла, что он по-настоящему распереживался.

— Какая женщина! — наконец изрек отставной префект. — Э... какая женщина!

Дженни задумалась. Госпожа Клементина была щедрой и печальной, она вызывала симпатию. Но не было ли это игрой? Дженни не понаслышке знала об актерском мастерстве, но если бы ей пришлось встретить актера более ловкого, чем она сама, то не удивилась бы. Может, эта дама притворялась? Однако в чем здесь смысл? Вернуть брата из огнедышащей пасти войны — это ведь благое дело, и очень даже вызывающее у Дженни сочувствие. Интересно только, что она прошептала Квестину на ухо?

Тут рядом объявился Джек Джек. Он тоже поглядел вслед уезжающему экипажу и с тяжелым вздохом заявил:

— Ах, какие роскошные клиенты! Сама госпожа Сервейс! Ну, сосед, дела у вас пошли на лад, я вижу. Не то, что у меня.

— Привет, Джек! — обернулась к нему Дженни. — А мне казалось, что твое заведение как раз процветает! От клиентов нет отбоя.

— Это правда, — вздохнул Джек, — валом валят. Но кто? Так, шелупонь, мелкая сошка! Серьезные люди, вроде этой дамы, не обращают внимания на бедного Джека Джека! Им Герарда Томса подавай, не меньше! Или вот вас. А у меня что? Местная публика, с окраины... Хотя, знаете, как раз нынче утром пожаловал один молодчик из этих, которые внутри старых стен. Но кто?

— И кто же? — спросил Квестин. Похоже, он так глубоко задумался о госте, что даже снизошел до разговора с Джеком. Раньше старался избежать подобных бесед.

— Так, никто! — с готовностью подхватил Джек. — Трубочист. Твердит, что стал жертвой заговора. Они там, у подножия Вулкана, помешаны на заговорах да интригах. Его раздели, связали, он почти сутки провалялся в подвале. Обратился в стражу, там над ним, конечно, только посмеялись. Вот вы, господин Квестин, всегда со вниманием, а в Центральном округе стражники зазнались. Но, надо отдать должное этому малому, он же и нагородил с три короба. Дескать, его обработали агенты Погонщиков Ветра, не меньше! Да нужны Погонщикам его вымазанные золой штаны? Так он не уgomонился, обошел с полдюжины детективных агентств...

— Пока не докатился до тебя? — вставила Дженни. — И это был предел его падения?

— Как хотите, барышня, его отовсюду погнали с этим бредом о шпионах. Ну, трубочист, ну, оглушили, ну связали... ну, провалялся ночь в каком-то погребе... У меня, говорит, будут неприятности из-за того, что не вышел вовремя на службу. Правда, пока никто не попрекнул,

но...

Разглагольствованиа Джека прервало появление мальчишки — разносчика с пачкой газет.

— Читайте «Зоркий глашатай»! — звонко вопил пацан. — Небывалое происшествие! Убит Повелитель Огня! Дерзкое покушение! В собственном доме! Злодей оставил свою метку — черная рука! Читайте «Зоркий глашатай»! Черная Рука убивает на Вулкане!

Джек присвистнул, воскликнул: «Ого!» — и бросился наперерез мальчишке. Мгновением позже, он уже шуршал желтыми листами «Зоркого глашатая», а разносчик с трудом отбивался от толпы покупателей. Новость была сногшибательная, сегодня газета разоидется рекордным тиражом.

Воспользовавшись тем, что Джек умчался, Квестин с Дженни скрылись в доме. Честно говоря, она была и сама не прочь почитать о Черной Руке, убийце лорда, но нужно было готовиться к путешествию, к тому же «Зоркий глашатай» с неизменным постоянством все перевирал в своих статьях, а рядом не было преподобного Ингвара, который наставил бы Дженни на истинный путь Хогорта и научил, что здесь следует читать между строк.

Вещей у Дженни скопилось немного, да она и не собиралась тащить громоздкий багаж. Разве что накидку потеплее — говорят, в море дует студеный ветер, устроенный Погонщиками. Сейчас, конечно, перемирие, но разбуженная стихия не может уgomониться сразу. Огромные массы воздуха, приведенные в движение, замедляются очень и очень постепенно... Зато на Гранделине всегда жарко! Там одежда почти не требуется!

Квестин собрал свой саквояж, и Дженни не интересовалась, что он туда напихал. Один Морко не участвовал в сборах, он оставался в доме на Горшечной присматривать за жильем. Честного гоблина это огорчало, он то и дело принимался давать советы, как лучше вести себя там, где идет война. Морко не имел боевого опыта, но пережил сотни драк и искренне полагал, что это то же самое. В общем, он ветеран. Квестин ворчал, что они не собираются сражаться с Погонщиками Ветра, а Дженни, напротив, кое-какие советы гоблина очень даже понравились, и она была не прочь самой попробовать кое-что из услышанного. Но, разумеется, в этих желаниях она не призналась, чтобы не огорчать Квестина, который настроился на мирную прогулку.

Наконец сборы были закончены, и все обитатели дома на Горшечной, восемьдесят четыре, собрались за прощальным ужином. О Черной Руке вспомнили только сейчас.

— Я думаю, «Зоркий глашатай» по обыкновению врет, — заявил Квестин, — но что-то на Вулкане произошло. Прикончить лорда в его собственном доме — невероятно.

— Ну, почему же, — осклабился Морко. — Я знаю кое-кого, кому это удалось. Да и в прежние времена, когда мы с корешами обчистили с десяток вилл на Вулкане — разве сложно было устроить засаду и подстеречь какого-нибудь огнеплюя?

— Что бы там ни стряслось, мы будем далеко и подробности узнаем не скоро, — расстроилась Дженни. — А жалко! Если в самом деле убийство — ужасно хотелось бы разузнать подробности. Правда, война — это тоже интересно.

— Не строй планов, — посоветовал Квестин, — генерал Сертиас Истригс Младший заключил перемирие.

— А как мы вообще будем действовать?

— Конвой, в составе которого пойдет наше судно, направляется в порт Абадох, главную

морскую базу на Гранделине. Там в штабной канцелярии мы узнаем, к какому подразделению приписан Ирви Сервейс. Выясним, как туда попасть. Надеюсь, он несет службу в самом Абадохе, и не потребуется добираться по опасной территории в какой-нибудь отдаленный гарнизон. У нас есть циркуляр, адресованный армейскому командованию на Гранделине, с требованием оказывать содействие... хотя, насколько я понимаю, военные на передовой не слишком почтительно относятся к таким бумагам. В общем, так или иначе мы разыщем юного героя.

— А потом?

— Не знаю, — с тяжелым вздохом ответил Квестин. — Мы, конечно, можем показать документы, которые выправила госпожа Сервейс, и увести ее брата с собой. Но эта славная женщина настаивала на добровольном согласии! Чтобы брат сам захотел возвратиться. И почему-то она связывала надежды именно с тобой. Так что думай, Дженни ниоткуда, думай! Ума не приложу, как ты сможешь переубедить романтика, сбежавшего в армию из-под крылышка одной из самых богатых женщин Эверона!

— Хм, — глубокомысленно ответила Дженни.

Больше сказать ей было нечего. Остаток вечера и ночью, ворочаясь в постели, она размышляла о своей миссии, но так ничего и не надумала. Когда-то Эрик мечтал завербоваться в армию. Сейчас, когда не стало папаши Бурмаля, вряд ли кто-то смог бы его отговорить...

Глава 2. Повелитель Огня и другие пассажиры

На причал путешественники явились еще до рассвета. В порту все двигалось, громыхало и кричало. Отряды солдат маршировали по пирсу, офицеры в блестящих латах орали, размахивая списками и отправляли отряды к судам. Догорающие факелы почти не давали света, зато добавляли пейзажу мрачной красоты. Армия грузилась на корабли. Красные огоньки бродили по доспехам и оружию. Тревожно ржали кони, ступая на дрожащие дощатые настилы. Животных пугала темнота трюмов и непривычные запахи.

Дженни разглядела под тускло отсвечивающими солдатскими касками зеленые лица гоблинов. Их было очень много среди бойцов. Мимо, сотрясая причал тяжелой поступью, промаршировал отряд троллей. Дженни растерялась среди этого грохота и блеска, но Квестин уверенно прокладывал себе путь среди суеты, оставалось только не отставать от него.

Письмо с несколькими печатями, свисающими на разноцветных шнурках, выглядело очень внушительно, это помогло. Квестин показывал его офицерам, распорядившимся на причале, его несколько раз отправили на другой пирс, но разговаривали отменно вежливо. Дженни, семеня за «дядей», вертела головой. Глаза разбегались — хотелось рассмотреть, как следует, и пестрые мундиры армейских, и красивые флаги на кораблях, и почерневшие от морской соли резные фигуры на кораблях... Наконец, переходя от одного офицера к другому, путешественники добрались к трапу того судна, которое должно было доставить их на Гранделин.

К некоторому разочарованию Дженни, это был не один из гигантов, которые сейчас принимали на борт сотни солдат, целые табуны верховых лошадей или группы троллей. Корабль был невелик, он назывался «Удача» и явно не являлся боевым судном. Скорее, торговый — с округлыми мягкими оводами и без всякой фигуры под бушпритом. Капитан, чернобородый и толстый, такой же округлый, как и его судно, стоял у трапа и вглядывался в суету на берегу, он явно кого-то поджидал и хотел заметить будущих пассажиров заранее.

Квестин протянул ему документы, и бородач согнулся в поклоне:

— Ваша милость? Давно жду, ваши каюты готовы! Для вас и вашей свиты!

Потом, вчитавшись в текст письма, досадливо крикнул.

— Ох, виноват, обознался. Вы не Повелитель Огня!

— Мы даже немного лучше, чем Повелитель Огня! — пискнула из-за спины «дяди» Дженни, но ее остроумие не встретило понимания.

Капитан волновался из-за того, что предстоит встретить одного из лордов Вулкана, и пропустил ее реплику мимо ушей. Подозвав матроса, он велел проводить пассажиров и снова уставился на колонны солдат, марширующих по пирсу. Каюту им выделили одну на двоих, что сразу же смутило Квестина, но Дженни было не до того! Она — на корабле! Она поплывет по морю, да еще в компании Повелителя Огня. Интересно, будет ли у него плащ с алой подкладкой, старый он или молодой? Как с ним говорить? Обычно лорды не снисходят до бесед с простыми смертными, но, когда несколько дней нужно провести в ограниченном пространстве, на небольшом суденышке — тут уж волей-неволей придется как-то общаться.

Пока Квестин обживал предназначенную им каюту, Дженни отправилась на палубу, чтобы не пропустить появление лорда. Она встала у борта и уставилась на суету, царящую на

берегу. С палубы непрерывное движение шлемов внизу смотрелось прямо-таки завораживающе. Над горизонтом показался тонкий алый ободок солнца — близился рассвет. Факелы на берегу гасли один за другим, загруженные суда начали отходить от пирсов, толпа внизу поредела. К капитану, тревожно вглядывающемуся в проходящих людей, несколько раз обращались, показывали бумаги. Пять человек оказались пассажирами «Удачи», матросы провели их к отведенным каютам. Но Повелителя Огня среди них не было, уж это Дженни знала точно — капитан не покинул своего поста и все так же волновался.

Несколько чаек спикировали к Дженни и сели на леер в полудесятке шагов от нее. А потом разлетелись, хрипло каркая. Вместо них на поручень плюхнулась здоровенная черная ворона. Покосилась блестящим глазом на Дженни... И тут внизу среди одинаковых касок она разглядела знакомое лицо!

— Эй! — закричала Дженни, попрыгивая и размахивая руками. — Реми! Смотри вверх! Вверх!

У трапа «Удачи» объявился старый приятель — бывший смотритель архива префектуры.

— Реми, я здесь! — звала Дженни, приплясывая на палубе и размахивая руками.

Ее суета спугнула ворону, и черная птица закружила над судном. Реми разглядел Дженни и неуверенно поднял руку в ответном приветствии. Он был не один, а следовал в группе из нескольких мужчин в темной одежде. Они тоже остановились, теперь стало очевидно, что они вместе. Старший, тот, что шел первым — пожилой сутулый мужчина, осмотрел «Удachu» и направился к трапу, на ходу вытаскивая письмо, примерно такое же, как и то, что было у Квестина. Дженни не спускала глаз с Реми, поэтому упустила момент, когда капитан ознакомился с документами старика.

А зря упустила! Капитан, согнувшись в поклоне, странным образом, боком, побежал по трапу, показывая дорогу, старик пошел за ним, остальные мужчины — следом. Тут-то Дженни и поняла, кто пожаловал на борт! Особенно, когда плащ пожилого пассажира распахнулся, приоткрывая алую подкладку.

Дженни тут же заткнулась, пожирая глазами процессию, поднимающуюся на борт. Реми шел последним, сгибаясь под тяжестью поклажи. Еще двое, тоже нагруженные мешками и баулами, шагали между ним и стариком, капитан бежал первым. Он не нес никакого груза, но сутулился точно так же, как и остальные — как отвесил у трапа поклон высокому гостю, так и забыл разогнуться. Дженни только хлопала глазами, наблюдая, как он лебезит перед пассажиром, показывая лучшие каюты — на юте, в высокой кормовой надстройке.

Теперь уже Дженни не глядела на Реми и не шумела. Она пожирала глазами Повелителя Огня. До сих пор она видела вблизи лишь одного — Мариана Вестокена. Вернее, Мариан оказался единственным Повелителем Огня, пережившим встречу с Дженни.

Но лорд Вестокен был, что называется, видный мужчина, а пассажир «Удачи» выглядел совсем неказисто — небольшого роста, не представительный, не солидный. Да и одет без шика. Если бы не суетливость капитана, Дженни не обратила бы внимания на этого человека. К тому же лорд держался достаточно скромно — кивал в ответ на бесчисленные

поклоны капитана, говорил негромко.

Он, конечно, тоже заметил Дженни и, прежде, чем пройти в кормовую надстройку, подозвал Реми и перебросился с ним несколькими словами. При этом глянул на пассажирку, так что несложно догадаться, о чем он спросил. Взгляд Повелителя Огня тоже был ничем не примечательный, пламя в зрачках не вспыхивало, лорд подслеповато щурился и часто моргал. В общем, обычный старикашка.

Окинув Дженни взглядом, лорд скрылся в пристройке, за ним туда прошли сопровождающие. Реми, на миг задержался, кивнул Дженни и чуть развел руками — мол, сама видишь. Сейчас поговорить не удастся. Сильно развести руки он бы и не смог, потому что тащил два кофра, причем тот, что побольше, был украшен начищенной медной бляхой с гербом. Уж конечно, там вещички его светлости, а во втором, поменьше — поклажа самого Реми. Вот что бывает, когда служишь высокой персоне!

Больше ничего интересного не было. Капитан больше не торчал на пристани, он носился по судну и раздавал приказы — матросы под его крик засуетились, готовясь отплывать. Ворона носилась над их головами среди снастей и распугивала чаек.

После Повелителя Огня явился только один пассажир, и этот был последним. А тем временем суда, пришвартовавшиеся в Эверонском порту, по одному отходили от пирса. Портовые баркасы брали их на буксир, выводили подальше от берега, матросы ставили паруса... а толпа на берегу стремительно редела. Похоже, генералу Истригсу удалось выполнить погрузку с похвальной аккуратностью. Дженни догадывалась, что завести на суда такое количество людей, лошадей, троллей и гоблинов — задачка не из легких! Да еще сколько грузов, оружие, провиант, да мало ли, что везет с собой армия. Просто чудо, что все погрузились за одно утро.

Всеми этими соображениями Дженни поделилась с Квестином, который вышел поглядеть на отплытие. «Дядюшка» тут же подхватил:

— Именно! Именно об этом я и толковал Морко! Генерал Истригс верит в порядок, он всегда стремится организовать и упорядочить все вокруг себя. Будь уверена, эту погрузку он планировал со своим штабом точно так же, как и всякую воинскую операцию! Но Морко не может этого понять, гоблины не признают порядка, их всегда влечет хаос.

— Поэтому-то они мне ближе, чем генерал Истригс, — созналась Дженни. — Да помнишь Реми? Смотрителя архива в префектуре? Он тоже здесь, плывет с нами, в свите Повелителя Огня.

— Вот как? Он же собирался делать карьеру юриста, — пробормотал Квестин, наблюдая за работой палубной команды.

Похоже, до отплытия оставались считанные минуты. Вон и буксирные баркасы уже свернули к «Удаче», готовясь принять канаты с судна.

Тут к ним присоединился Реми. Все такой же неуклюжий увалень, как и прежде. Он, неловко ковыляя и отшатываясь от снующих с деловым видом матросов, пробрался по палубе, и отвесил поклон:

— Господин Квестин, Дженнифер!

— Привет, Реми, — кивнула в ответ Дженни. — А что ты здесь делаешь? То есть, какими судьбами попал на этот корабль?

— Ты же собирался учиться на адвоката? — добавил отставной префект.

— Я поступил на заочное отделение и уже сдал первую сессию, — похвастался Реми. — С отличием! Но сейчас война, и Эверон ждет от нас службы. Поэтому я служу и

министерстве иностранных дел секретарем второго ранга. А здесь я в свите его милости лорда Готвинга.

— Его милость тоже состоит в армии? — удивилась Дженни. — По-моему, на нем не было доспехов. Да и на тебе тоже!

— Мы послы, — объяснил Реми. — Простите, больше ничего не могу сказать. Я же на службе.

— Весьма похвально, — заметил Квестин, — я всегда знал, что ты славный человек, Реми. И патриот к тому же! Не могу представить тебя в солдатском строю, но и ты исполняешь свой долг, как подобает доброму эверонцу.

— В этот опасный момент истории мы все должны послужить Родине, чем можем, — скромно ответил толстяк. — А по каким делам вы плывете на Гранделин?

— По важному делу, — тут же отрезала Дженни, слегка удивленная патриотическими речами старого знакомого. — Ты же знаешь, я другими не занимаюсь. Ладно уже, колись! Рассказывай, что за поручение выполняет лорд. Мы люди надежные, нам можно и сказать.

— На самом деле ничего интересного. Это, конечно, тайна, но, уверен, ее знают все. Во всяком случае, «Зоркий глашатай» об этом уже писал.

— Вот и выкладывай! Что твоему лорду нужно на Гранделине?

— Мы, собственно, не на сам Гранделин, — признался Реми. — Посольство отправляется на Фирийские острова. Просто туда сейчас не попасть. Погонщики Ветра осадили крепость Одвик на мысу Весперово Колено, и теперь мимо него не пройти, в море постоянный шторм. Будем добираться на архипелаг уже с Гранделина, после того как снимут осаду с Одвика, и морской путь станет безопасным.

— Значит, осаду снимут, — заметил Квестин. — Я слышал, намечаются переговоры между нашим командующим и военачальником врага?

— Именно так, — подтвердил Реми. — Перемирие для того и заключили, чтобы генерал прибыл в Абадох. Туда же приглашен и представитель Погонщиков. Будут большие переговоры. Но у меня совсем другая миссия, в переговорах я никак не участвую.

Он вздохнул и добавил:

— А жаль, это будет историческое событие! Лорду Готвингу досталась куда менее заметная миссия. Но я все-таки постараюсь оказаться там, где встретятся военачальники. Исторические события лучше видеть собственными глазами.

С «Удачи» на буксиры бросили канаты, а на берегу портовые служители уже освобождали причальные концы. Дженни огляделась — большая часть судов покинула гавань. Солнце поднялось достаточно, чтобы осветить великолепную картину — надутые паруса, развевающиеся флаги, позолота на бортах боевых судов... «Удача» смотрелась очень скромно на этом параде. В войске было несколько лордов, но остальные, разумеется, получили места на больших роскошных парусниках.

Только скромный лорд Готвинг плывет на таком корыте. Да он и не военный — так, посол на какие-то там острова... Как скучно!

Тем временем Реми и Квестин обстоятельно обсуждали предстоящие переговоры. Говорили о том, что у Погонщиков Ветра толковый главнокомандующий. После разгрома в сражении у подножия Матарханских гор армия Эверона отступила к побережью и потеряла инициативу. Осадив Одвик, Погонщики получили возможность устроить шторма к северу от Весперова Колена и, таким образом, отрезали эверонскому флоту доступ к западной части моря. У Эверона было больше боевых кораблей, они были мощнее, но воспользоваться своим

преимуществом не могли, а теперь и вовсе оказались обречены на бездействие. Получалось, что захолустная крепостца Одвик обретала стратегическое значение.

— Своим маневром Погонщики поставили нас в трудное положение, — бубнил Квестин.

— Именно так, им даже не обязательно захватывать город, — поддакивал Реми, — достаточно просто находиться на Весперовом Колене и гнать штормовой ветер. Поэтому лорд Истригс-младший и вступил в переговоры. Наше положение почти что отчаянное! Теперь в министерстве только и разговоров о том, какую уступку предложить Погонщикам Ветра, чтобы они согласились заключить мир.

— Ну, не совсем так, — важно возразил Квестин. — Не будет никакого мира, потому что на Гранделин переправляют новую армию. Мы противопоставим неприятелю преимущество на суше. Повелители Огня пока что не показали в сухопутной войне, на что они способны.

— Прошу прощения, господин Квестин! Но все-таки нас разбили! А это значит, что, каков бы ни был расклад сил, мы не сможем говорить с позиции силы...

Оба собеседника проявляли недюжинное знание стратегии и тактики и с удовольствием демонстрировали друг другу, как хорошо они понимают ситуацию. А Дженни было скучно.

— Вас слушать — все равно что газету читать, — буркнула она, — да и пользы примерно столько же.

Она оставила стратегов и перешла к другому борту, откуда лучше было видно красивые корабли. Ей пришло в голову, что их судно называется так же, как и заведение, в котором она познакомилась с Джеком. В тот день началось большое приключение... Может, это совпадение — многозначительный намек? Но рядом не нашлось никого, кто продвинулся бы путем Хогорта достаточно далеко, чтобы объяснить, какой именно знак подает судьба.

И еще одно совпадение — когда «Удача» двинулась в море, чтобы занять место в конвое судов, ворона, распугавшая чаек своим появлением в порту, не стала покидать судно. Она несколько раз перелетала с одного места на другое, когда ветер расправил паруса и заставил натянуться снасти на мачте. Наконец птица отыскала спокойное местечко, села и уставилась в морской простор. Странное поведение для вороны.

Мало-помалу флотилия выстроилась в походный порядок. Более быстрые боевые суда совершали маневры, то и дело меняя курс. Им приходилось приспособливаться к тихому ходу других кораблей конвоя. Как выразился Реми — явно с чужих слов — скорость эскадры соответствует скорости самого медленного судна.

Сперва наблюдать за этими перестроениями конвоя было интересно, потом Дженни это занятие наскучило. В открытом море корабли рассредоточились, и красивые боевые суда были слишком далеко, чтобы разглядеть их как следует.

Эскадра шла на юг. Небо было чистым, солнце ярко светило, играя бликами на волнах, расступающихся под острыми носами судов. «Удача» бежала на своем месте в строю, с ее борта можно было видеть лишь одни и те же соседние корабли. Поэтому Дженни обрадовалась, когда стюард пригласил пассажиров в кают-компанию. Там накрыли стол.

Дженни надеялась, что, когда все соберутся за столом, представится возможность получше рассмотреть Повелителя Огня. Но тому подали обед в его каюту. Лорду Вулкана не приличествует делить стол с простолюдинами.

Те, кто составлял свиту лорда Готвинга, тоже не явились, даже Реми. Оставалось знакомиться с остальными попутчиками. Двое пассажиров оказались интендантами, которые, хотя и были приписаны к армии, почему-то попали не на военный корабль. Был священник, проповедующий поклонение Тедзингу Победителю. Несмотря на грозное имя, его божество олицетворяло милость к побежденным. Священник, пожилой мужчина с добрым морщинистым лицом, собирался учить милосердию. Интенданты, словоохотливые и разбитные, тут же подняли его на смех, заявив, что он не найдет паствы там, где убивают. Милосердию место в тылу!

Был еще представитель торгового дома — направлялся на Гранделин с коммерческими целями. Он сказал, что его хозяева намерены наладить постоянные поставки эверонских товаров на юг, и отправили агента, чтобы разведать рынки.

— Но ведь сейчас война, — удивился один из интендантов. Вообще, эти двое, похожие, как братья, жизнерадостные, румяные и упитанные, говорили за столом больше всех.

— Война когда-нибудь закончится, — пояснил коммерсант, — и тот, кто придет на рынок первым, получит двойную прибыль. Кстати, ваши советы могут оказаться для меня бесценными. Не уделите ли полчаса после обеда? С меня — пиво и молчаливое внимание.

Эта троица мгновенно поладила, и оставшийся в одиночестве священник вздумал начать проповедовать свои занудные тезисы остальным — то есть Квестину и Дженни. Это грозило испортить остаток дня. Поэтому Дженни сбежала из кают-компания под первым же предлогом и до заката делала вид, что любит эскадрой — на самом деле с палубы «Удачи» остальные корабли казались пятнышками, чуть больше или чуть меньше, в зависимости от количества мачт и парусного вооружения.

Чайки, поначалу следовавшие за судами, давно отстали. А вот ворона так и не стала улетать. Она устроилась на мачте, Дженни отлично видела на рее черное пятнышко, так что в итоге вороне перепало куда больше внимания пассажирки, чем боевым судам Эверона. Но глупая тварь не оценила оказанной ей чести и не спустилась со своего места на верхотуре.

Когда стемнело, пришлось уйти в каюту. Качка судна напомнила путешествия в фургоне Папаши Бурмаля, Дженни даже немного всплакнула, задумавшись о прошлом. Разве могла она, младшая и самая бесталанная во всей труппе, мечтать о подобном повороте судьбы? Надо же, она плывет по волнам — направляется на великую войну, которая бушует на далеком Гранделине. Возможно, она увидит сражения и осады, а уж на прием посла Погонщиков Ветра точно постарается попасть. Интересно, каков окажется главный Погонщик, будет ли он похож на Папашу Бурмаля в сценическом гриме?

Надо будет завтра отловить Реми и взять с него слово, что он проведет старую знакомую на этот прием... Иначе какой смысл занимать пост в дипломатической службе, если не будешь злоупотреблять своим положением?

Дженни проснулась на рассвете. Квестин спал, тени бродили по его морщинистому лицу в такт покачиванию судна. Свет проникал в каюту сквозь толстенное мутное стекло в крошечном окошке. И рассмотреть, что происходит снаружи, было невозможно, виднелись лишь мутные серые тени, и они тоже ходили вверх и вниз, когда «Удача» скользила с волны

на волну. Дженни решила прогуляться по палубе в одиночку и быстро натянула свой костюм для приключений — куртку и брюки с жесткими кожаными накладками на локтях и коленях.

До сих пор не представлялось случая испытать обновку. Вот если бы она нарядилась так, когда уходила с миссис Фортлекс искать ее глупую кошку! Но пришлось карабкаться на дерево в платье, что было страшно неудобно. В будущем Дженни решила быть предусмотрительней. Конечно, явиться в порт следовало прилично одетой, но сейчас, в походе — совсем другое дело! Тем более, Квестин спал и не мог помешать выбрать тот наряд, который лучше подходит для приключений.

Она прошла по коридору, прислушиваясь к треску и плеску, сопровождавшим движение судна. В соседних каютах было тихо, из кубрика в конце узкого коридора доносился многоголосый храп.

Короткая лестница вела на палубу. Там было тихо и пустынно. Рулевой находился на крыше ютовой надстройки, там тускло светил фонарь. Дженни прошла в серых сумерках по сырým доскам среди бухт канатов. Серое небо раскачивалось над серым морем, которое перекачивало округлые горбы волн. Справа и слева от «Удачи» маячили силуэты других судов. Отойдя к борту, Дженни задрала голову и всмотрелась в переплетение канатов наверху. Так и есть — лохматый черный ком притаился там, где рея крепилась на мачте. Ворона по-прежнему плыла на «Удаче»!

Дженни оживилась — здесь запахло новым приключением. Что, если к лапке вороны привязана записка с секретным сообщением? Или еще что-то в таком роде? Вот и дельце для детектива из агентства «Добрая надежда»! Тем более, плыть еще долго, а заняться на борту больше нечем. Вчера, прогуливаясь по палубе, Дженни наблюдала, как карабкаются на мачту матросы, как работают с парусами. Ничего сложного, просто ерунда для настоящего профессионала, всю жизнь расхаживавшего по канатам!

Правда, канаты были влажными и скользкими, и качка судна мешала держать равновесие, но Дженни была счастлива вспомнить прежние веселые деньки, когда она расхаживала над толпой восхищенных зрителей. Кстати, один восхищенный зритель у нее, кажется, появился и сегодня. Когда она в очередной раз глянула вниз, у подножия мачты объявилась одинокая фигура. Кто-то стоял и глядел на Дженни, она видела запрокинутое лицо. Но отвлекаться было некогда, она добралась к рею и отлично видела ворону, замершую меньше, чем в десятке шагов. Дженни осторожно пошла к птице и больше не отвлекалась на человека, глядящего снизу. Все было отлично, птица замерла, нахохлившись и втянув голову в ворох растопыренных перьев. Дженни уже протянула руку, но ворона встрепенулась, свернула круглым глазом и взвилась в воздух, отчаянно хлопая крыльями.

Мятое черное перо со слипшимися от сырости волокнами порхнуло перед носом. И Дженни поймала его, чтобы не возвращаться с пустыми руками. Конечно, глупо было надеяться вот так запросто поймать птицу... но почему не попробовать, пока на палубе никого нет? Вернее, почти никого — одинокий наблюдатель все так же торчал у мачты и приоткрыв от удивления рот, пялился на спускающуюся Дженни.

На обратном пути она поторопилась. Не хотелось, чтобы кто-то еще увидел ее подвиги и стал ругать или увещевать, что это опасно, лазить по веревкам. Можно подумать, ей об этом неизвестно. Конечно, опасно! Дженни сама могла об этом рассказать, да еще со множеством примеров. Среди бродячих актеров бродило немало историй о неудачниках, сорвавшихся с каната. Но кого и когда это останавливало?

Оказавшись на палубе Дженни воткнула перо в волосы и обернулась к зрителю:

— Ну вот, теперь порядок! На какие только ухищрения приходится идти, если судьба занесла на корабль! Здесь нет ни одной лавки с украшениями, даже за заваливающим перышком приходится лазить невесть на какую высоту.

Ее собеседник оказался совсем молоденьким, вряд ли старше самой Дженни. Может, даже младше. Худенький, черноволосый, с острыми чертами лица. Одет он был в приличный сюртук, причесан аккуратно, и весь такой чистенький, ухоженный — явно не матрос.

— Ты пассажир? — уточнила Дженни. — За обедом в кают-компании я тебя не видела. А-а, понимаю, ты из свиты лорда Готвинга, верно?

— Ну... — замялся собеседник, в свою очередь внимательно разглядывая Дженни, — в общем... да. Да, можно сказать и так. Я с ним. А ты что же, полезла на мачту из-за одного-единственного перышка? Только из-за этого?

Дженни продемонстрировала пустые ладони

— Как видишь, больше ничего на мачте не нашлось. Тебя это удивляет? Думал, на мачтах большой выбор всяких интересных штучек?

— Странно, — промямлил юнец. — Карабкаться на такую высоту ради ерунды.

— Ладно, сознаюсь. Я пошутила. Перышко мне не нужно. Просто захотелось размяться.

Дженни вытащила черное перо из прически и сделала несколько шагов вокруг собеседника, оглядывая его со всех сторон.

— А ты не взбираешься на мачты до завтрака? Что, правда? Совсем никогда этого не делаешь? Никогда-никогда?

Юноша растерянно помотал головой.

— А ты странный, — заключила Дженни.

Но больше ей не удалось ничего сказать — из кормовой надстройки показался Реми. Окинул взглядом палубу... Дженни улыбнулась ему и помахала рукой, но Реми на нее даже не посмотрел.

— Ваша милость! — он побежал, спотыкаясь о мотки канатов. — Ваша милость, извольте пожаловать в каюту! Лорд, ваш дедушка, беспокоится!

Юный собеседник Дженни сразу погрузился, бросил: «Прошу прощения, мне нужно идти», — и побрел к корме. Реми подошел к Дженни и строго спросил:

— О чем вы говорили?

— О погоде, — буркнула Дженни.

На ютовой надстройке звякнул колокольчик. Из трюма стали подниматься матросы. На корабле начиналось утро. Моряки чесали лохматые головы, оглядывались... на Дженни они смотрели совершенно равнодушно. Среди них мелькнул знакомый сюртук Квестина. Сыщик высмотрел «племянницу» и бросился к ней.

— Дженни! Почему ты убежала? Хвала богам, здесь оказался Реми, не то...

— Не — что? Я не сбежала, а медленно и солидно вышла прогуляться. Да что с вами всеми такое?

— Она беседовала с молодым лордом Готвингом! — осуждающе произнес Реми. — Без должного почтения!

— Как с лордом? Лорд же старенький? — удивилась Дженни. — А этот мне сказал, что он просто... состоит в свите его милости... И вообще, что здесь такого? Что вы смотрите на

меня, как будто я скачу по мачтам и ловлю птичек? Я всего-то поговорила с этим мальчиком.

Дженни торопливо убрала руку с вороньим пером за спину.

— Это Уотс Готвинг, внук старшего лорда! — объявил Реми. — Наше посольство — ради него! Чтобы доставить лорда Уотса на Фирийские острова! Дед его просто сопровождает. От этого, как ты выразилась, мальчика, вполне возможно, зависит исход войны! Ему не позволено оставаться одному, а ты, вместо того, чтобы вернуть его в каюту...

— Откуда я могла знать? — перешла в контратаку Дженни. — Вы же мне ничего не говорите. У тебя, Реми, страшно секретные дипломатические задания, а вы, дядюшка, если я верно поняла, еще хотите мне запретить прогуливаться по палубе? Как я тогда узнаю о лордах, дипломатии и Фирийских островах? Ну что это такое! Запрет вместо того, чтобы поблагодарить меня за то, что охраняю и развлекаю его милость лорда Уотса! И завожу полезные знакомства!

Но тут пришлось прервать беседу, «Удача» начинала маневр, матросы принялись суетиться вокруг, и объявившийся на палубе капитан попросил пассажиров вернуться в каюты.

Но и в каюте Квестину не удалось отругать Дженни. Он только-только начал рассказывать, что разволновался, когда поутру ее не оказалось на месте, как уже пора было идти завтракать.

В кают-компании встретились все те же — из свиты Повелителя Огня никого не было. Коммивояжер уже сошелся с интендантами, и теперь эти трое держались вместе. Не хватало преподобного Остерна, ему нездоровилось, и матрос отнес его порцию в каюту. Капитан со шкипером за едой обсуждали корабельные дела, военные с торговцем ржали над собственными шутками, и все были страшно довольны друг другом, так что никто не помешал Дженни рассказать тайком Квестину о еще одном пассажире, который не завтракает со всеми — о странной вороне.

— Я бы посмеялся, — прошептал сыщик в ответ, — но, хвала богам, я знаю, что твои наблюдения частенько оказываются слишком важными. Ты уверена, что это ворона, а не, к примеру, чайка?

— Дядюшка, чайки белые! — Дженни под столом сунула собеседнику перышко.

— Баклан, быть может... — с сомнением произнес тот. — Они темные...

Дженни скорчила гримасу.

— Ладно, ладно, не дуйся, не трать понапрасну усилия. Я уже принял твои слова всерьез.

— Позавчера, когда я спасала кошку Фили, за мной следила ворона. Но на берегу полным-полно ворон, я не придавала значения этой странности, — добавила Дженни. — Зато теперь! В открытом море! И потом, вспомните, что сказал Брем Борк!

Отставной префект задумался. Потом решительно отодвинул тарелку.

— Идем-ка на палубу, поговорим.

Оказалось, что погода изменилась — флотилия вошла в полосу тумана. Матросы зажигали фонари на бортах, один полез на мачту, другой вызвал из кают-компания капитана. Тот хмуро огляделся. Сырая серая пелена напоззала с юга. Это с равной вероятностью могло оказаться и обычным природным явлением, и проискаами Погонщиков Ветра. На всякий случай следовало держаться настороже.

Капитан, дергая себя за лохматую бородку, пошел вдоль борта, распорядясь

приготовлениями.

Дженни с Квестинотом отступили к борту, чтобы не мешать суете.

— Значит, ты полагаешь, что кто-то следит за нами в море? — вполголоса заговорил сыщик.

— Ну, конечно.

Квестин задумчиво покивал, промедлив со следующей репликой, потому что мимо пробежал матрос. Потом из кают-компании появились интенданты и торговец. Они поглядели, как густеет туман, их веселье миготом исчезло, все трое ушли. Дженни подергала Квестина за рукав, чтобы привлечь его внимание к следующей сцене. Ворона, появившись из тумана, устроилась в нескольких шагах от них на палубе и клевала куски сухаря, брошенные кем-то из недавно прошедших людей:

— Вот, смотрите сами! Кто-то подкармливает птичку. Добрый человек, правда?

— Действительно, — пробормотал Квестин, — не чайка и не баклан. И, похоже, ты права, кто-то на борту заботится о вороне. Хорошо бы выследить этого человека.

А туман застлал горизонт, превратил море и небо в зыбкую серую массу. Разглядеть можно было только то, что в нескольких шагах, дальше картина расплывалась, мачта казалась мутной темной полосой, а корма и вовсе почти пропала из виду. На вантах перекликались матросы, убирая честь парусов, «Удача» сбавляла ход вместе со всей эскадрой.

— Господин Квестин, Дженни! — глухо, словно из-под воды, прозвучал в тумане голос Реми. — Вы здесь?

— Да здесь, в тумане, — откликнулась Дженни, — можно подумать, с судна в открытом море можно куда-то улизнуть!

В серой завесе проступили округлые очертания... и вот показался сам секретарь второго ранга. Он пробирался вдоль борта, держась за леер, словно боялся заблудиться в тумане.

— Прошу вас пройти со мной, — запинаясь, заговорил он. — Когда его милость узнал, что с нами плывет господин Квестин, то пожелал с вами побеседовать.

— Узнал, значит, — вставила Дженни. — От тебя, разумеется.

— От меня, — согласился толстяк. — Я рассказал о своей прежней службе в страже, охарактеризовал господина префекта с лучшей стороны...

— Бывшего префекта, — поправил Квестин.

— Пожалуйста, пойдете, — попросил Реми, — его милость ждет.

Квестин кивнул, соглашаясь, но Дженни не была бы собой, если бы не затеяла хотя бы малюсенький спор. Она потребовала:

— Не пойдете, если ты не скажешь, за каким Веспером его милость понесло на эти острова! То ты говоришь, что получил совсем незначительную миссию, то — исход войны зависит! Вот не пойдете, пока не скажешь!

— А тебя его милость вовсе не звал, — обернулся к ней секретарь второго ранга. — Господин Квестин, пожалуйста, идете, а?

— По-моему, Дженни права, — неожиданно Квестин стал на сторону «племянницы», — мне тоже любопытно, что за миссия, выполнять которую лорд Повелитель Огня отправляется с такой скромной свитой. Мне казалось, они не путешествуют меньше чем с десятком-другим слуг. В этом плаваньи слишком много странного, Реми, и я бы хотел знать больше. И уж конечно без Дженни не пойду. Еще чего, оставить ее одну!

— Ну, идемте вместе, — Реми был сама покладистость. Он едва не пританцовывал от нетерпения. — Однако служебные дела я не имею права обсуждать. Вы-то хорошо понимаете, что такое служба! Знаете, что? Спросите его милость сами! Если ему что-то нужно узнать у вас, то обменяйтесь сведениями. Только идемте, ну, пожа-а-алуйста!

Дженни догадывалась, что апартаменты, отведенные на «Удаче» Повелителю Огня, окажутся получше, чем их с Квестином каюта второго класса, им-то досталась тесная каморка в отгороженном от кубрика отсеке. Но действительность превзошла ее ожидания. Пристройка на корме начиналась коротким коридором. Двери красного дерева слева и справа. Это, как объяснил Реми, были каюты первого класса, где разместилась свита лорда. Далее было еще одно помещение, где никого не поселили, это просто чтобы отделить жилье его милости от кают свиты, а уж дальше — целая анфилада достаточно просторных кают.

— И это все для одного? — прошептала она, вспоминая их с Квестином каюту.

— Для двоих, — с недовольством ответил Реми, для лорда Морвига Готвинга и его внука Уотса Готвинга.

Его милость при ближайшем рассмотрении оказался сухоньким старикашкой с тусклым взглядом. Огонь в зрачках не полыхал, и движения его милости были медленные, расслабленные. На корабле вся мебель казалась тесной, неширокой, место приходилось экономить. Но этот subtilный старик утопал даже в узком креслице.

Дженни надеялась снова увидеть Уотса, но Повелитель Огня принял их один, внука не позвал.

После обязательных поклонов ее и Квестина усадили на диванчик у прикрученного к полу круглого стола. Реми встал у двери, больше никого не было. Дженни даже почувствовала некоторое разочарование. Почему нет стражи? Телохранителей каких-нибудь? Ведь они с дядей Эдуардом не кто-нибудь, а отважные убийцы Повелителя Огня Грегила Вестокена! Просто никакого уважения к их смертоносности!

Когда все расселись, установилась тишина. Взгляд блеклых глаз Морвига Готвинга перебегал с одного гостя на другого. Он размышлял.

— Большая честь для нас, ваша милость, — произнес Квестин, чтобы начать наконец разговор.

— Пустое, — поднял сухую желтую ладонь лорд. — Это я очень рад, что путешествие свело нас на одном корабле. Мне нужен совет профессионала.

— Прошу прощения, профессионала в какой области?

— В вашей, префект.

— Я больше не служу, ваша милость.

— Да, разумеется. Я знаю. Большая глупость со стороны наших стражников. Такие люди, как вы, необходимы в беспокойное время. Вы слышали о Черной Руке?

— Не больше, чем писали газеты. То есть я знаю много лишнего и ничего об истинном положении дел.

— Я постараюсь исправить такую досадную несправедливость. Дело в том, что меня пугает этот убийца. Если бы не он, я бы не оставил Вулкан. Каждый хорош на своем месте. Повелитель Огня должен находиться в своей вилле... Но Черная Рука еще вернется. Он будет приходить снова и снова, он будет убивать. Только поэтому я решил увезти внука из Эверона. На Гранделине, по соседству с Погонщиками Ветра мы будем в большей безопасности, чем в собственном доме.

— Вот как... — проямлил Квестин.

Дженни и вовсе помалкивала. Мало того, что лорд высказался чересчур откровенно. Куда больше удивлял его тон — он говорил о предстоящих смертях абсолютно равнодушно, даже со скукой.

— Да, я уверен. Это было не случайное нападение и не сведение счетов с бедным лордом Фейферсом. Черная Рука... я не знаю, человек ли он. Он очень страшен. Он целеустремлен. Ему все равно, кого убивать, на месте Фейферса мог оказаться любой. Черная Рука хочет убивать Повелителей Огня. Всех, без разбора.

— Прошу прощения, вы знаете больше остальных лордов? Я не почувствовал, что они встревожены... — заметил Квестин, потом торопливо добавил, — насколько может судить эверонец, живущий далеко от Вулкана.

— Вы правильно судите, — кивнул старый лорд. — Повелители Огня недостаточно озабочены. Дело не только в том, что они не знают того, что знаю я. Они слишком высокомерны. Вам известна история моего рода? Нет? Это правильно, Готвинги не любят рассказывать о своем происхождении. Сегодня мне придется сделать исключение.

Намек был достаточно прозрачным, чтобы даже Дженни поняла.

— Хранить тайны — моя обязанность, — объявил Квестин. — Моя племянница тоже будет помалкивать.

Дженни энергично закивала. Можно подумать, она много болтает! Интересно, с кем?

— Буду признателен, если не станете распространяться об этом. Но тайны здесь нет. А уж если посольство на Фирийские острова увенчается успехом, о нашей с внуком нечистой крови будут судачить все.

Славненько, подумала Дженни. Сейчас старый лорд сам все выложит, даже давить на него не придется. Никаких раскаленных клещей, никакой дыбы и плетки.

— Вам ведь все равно, к той или иной династии принадлежит лорд? Мы все для вас просто Повелители Огня? — старик растянул бледные губы в улыбке. — Я понимаю. Так вот у нас, на Вулкане, на происхождение смотрят иначе. Семейство Готвингов считается не чистокровным, потому что основатель нашего рода женился на дочери Говорящего Со Зверями. С тех пор способности управлять огнем в нашем семействе слабы. Конечно, я бы мог, если захотел, устроить здесь небольшой пожар так же легко, как для вас — щелкнуть пальцами.

Дженни поежилась, а лорд продолжал:

— Но все равно мне далеко до Истригсов или Грондов, те куда могущественней. Поэтому мне приходится думать больше, чем им, чтобы компенсировать мозгами недостаток таланта. И я лучше понимаю вас, живущих внизу. Но вернемся к моему предку. Он, хотя и происходил из чистокровного семейства, с детства был непоседой. Ему не жилось спокойно на Вулкане, и он отправился на поиски приключений. С командой таких же, как и он сам, сумасбродных бродяг, он переплыл море, открыл Гранделин, он первым увидел ледяные корабли северян...

— Об этом не пишут в книгах по истории, — не выдержала Дженни. — Но почему?

— Грязная кровь, — спокойно пояснил лорд. — Великие деяния должны совершать лишь предки чистокровных Повелителей Огня. А первый Готвинг носился по морям и путался с чужеземками, пока правильные лорды выжигали крепости гоблинов. На Фирийские острова он тоже ступил первым из эверонцев. Говорящие Со Зверями тогда вели войну не на жизнь, а на смерть с Пожирателями. Сейчас этого племени нет, во всяком

случае на архипелаге Пожирателей не осталось. А тогда они наводили на Говорящих ужас тем, что поедали тела убитых врагов. Первый Готвинг присоединился к Говорящим Со Зверями, выиграл для них эту войну и помог очистить острова от людоедов. Он был великим Повелителем Огня, и его пламя пожрало все укрепленные поселения людоедов. Согласно легенде, он сделал это из любви к их принцессе. Не похоже на наших лордов, верно? От их брака происходят Готвинги. Говорят, что чужая кровь ослабляет способности к управлению пламенем, с тех пор в моей семье рождаются Повелители с очень бедным талантом. И я таков, и, тем более, Уотс. Он вряд ли сумеет противостоять Черной Руке, когда тот доберется до нашей виллы. Поэтому я принял решение увезти внука из Эверона. Но вы, Квестин, можете помочь мне понять, что же такое Черная Рука.

— Надеетесь вернуться, когда опасность минует? — спросил Квестин.

— Разумеется. И, кстати, я не хочу, чтобы у вас сложилось превратное впечатление о моем образе мысли. Хотя меня не могут радовать взгляды моих собратьев на чистоту крови, но я с ними полностью согласен. Кровь должна быть чистой, только так обеспечивается власть над огнем. Но нам с Уотсом не повезло, досталась дурная наследственность.

Дженни задумалась об Эрике, который, получается, тоже был грязнокровкой. Если старый лорд прав, то дитя леди Аметильды и принца Гренвея может обладать очень слабым дарованием. Вот почему леди Урсула разыскивала племянника тайно и не желала, чтобы об этом стало известно. Стыдилась его грязной крови!

— Я хочу, чтобы вы занялись этим делом, когда возвратитесь в Эверон, — продолжил старик. — И у меня есть кое-что, неизвестное тайной страже. Не уверен, что моя информация окажется полезной, но я поделюсь ею.

— Итак, вы желаете нанять нас для поимки Черной Руки? — осторожно уточнил Квестин.

— Нет, я не надеюсь, что вам удастся его поймать, — Готвинг снова улыбнулся. — Но вы будете собирать все сведения о нем, и когда-нибудь это пригодится. Я не рассчитываю на леди Урсулу и ее головорезов. Они только и способны, что наводить страх у подножия Вулкана. Это тоже необходимо — напоминать простолюдинам о почтении к Повелителям Огня. Но настоящего злодея они не остановят.

Квестин кивнул. Дженни кивать не стала, но про себя подумала, что история лорда Грегила Вестокена тому подтверждение.

— Отлично, — произнес лорд. — По возвращении в Эверон обратитесь к моему управителю, его имя Шон Клаппер. Передадите ему письмо, которое я нынче же составлю. Вы получите необходимые документы, удостоверяющие, что ведете расследование для меня, и на ваш счет будет ежемесячно поступать оплата. Немного. Ну, скажем... десять талеров. И вы не будете заниматься исключительно этим делом. Берите заказы, проводите ваши расследования. Однако вы станете обращать внимание на всякие подозрительные происшествия, странные события и необъяснимые совпадения, которые можно связать с Черной Рукой. И когда-нибудь вы нападете на след убийцы. Ручаюсь, очень скоро он снова даст знать о себе, и улики появятся.

— И если мы что-то нащупаем...

— Передайте информацию управителю, он верный слуга, я ему доверяю, — все так же невыразительно проговорил лорд. — Он решит, каким образом лучше дать ход вашим сведениям. В этом случае, разумеется, ваша информация будет вознаграждена отдельно.

— И как долго нам предстоит этим заниматься?

— Если за три месяца вы ничего не найдете, дайте знать Шону, он перестанет оплачивать ваши услуги. Но я надеюсь, вы сумеете напасть на след. Этот юноша из министерства хорошо вас отрекомендовал, — лорд кивнул в сторону замершего у двери Реми. — Итак, теперь обратимся к тому, что известно только мне.

Лорд замолчал. Он подался вперед, оперся локтями о столик и опустил морщинистый подбородок на сплетенные пальцы. Наполовину прикрыв глаза веками, он молчал и, похоже, копался в собственных воспоминаниях. Пауза затягивалась, а у Дженни давно чесался язык вставить что-то веселенькое, что непременно должно подбодрить чересчур медлительного Повелителя Огня. Может, попросить его попускать немного дым из ушей? Все равно ведь в плавании скучно, а безобидный фокус всех развлечет.

— Я весь внимание, ваша милость, — напомнил о своем присутствии Квестин.

Лорд встрепенулся, как будто только что сообразил, что все ждут его слов.

— Не знаю, как описать... — он тяжело вздохнул. — Ну хорошо, вот секрет, о котором вам не следует распространяться: Готвинги унаследовали способности жены мореплавателя, основавшего наш род. Она была из Говорящих Со Зверями. Иногда у моих родственников ее дар проявляется в полной мере, иногда почти не заметен. Я не лишен способности общаться с животными, хотя, предполагаю, мне далеко до вождей Говорящих.

— Могу ли я узнать, как именно проявляется способность Говорящего Со Зверями? — спросил Квестин.

— Это сложно описать, ведь животные не могут говорить, как мы. Но те, кто, как и я, обладают способностями, могут уловить образы, размытые картины, некие общие настроения. Я посетил дом лорда Фейферса, убитого Черной Рукой. Там уже поработала тайная стража, и никаких следов я не обнаружил. Стражники утверждают, что следов и не было. Я не пытался узнать у них больше. У Фейферса был пес, и я отыскал его. Бедное животное забилось под кресло и задрожало, когда я протянул к нему руку. В его крошечном разуме теснились такие картины... все образы, которые я обнаружил в его памяти, были окрашены страхом.

Повелитель Огня поморщился. Ему было тягостно вспоминать то, что он вытащил из сознания животного.

— Тайная стража даже не смогла определить, как убийца проник в здание! — резко сменив тон, с возмущением бросил лорд Готвинг. — Эти дармоеды обязаны защищать своих господ, но даже не могут разобраться, каким способом их бдительность обманывают!

— Понимаю ваше возмущение, — заметил Квестин. — Тайная стража избалована привилегиями, а нам всегда запрещали вмешиваться. Таков известный вам закон: полномочия городской стражи заканчиваются у старых крепостных стен.

— Думаете, вы смогли бы там преуспеть? Двери и окна были закрыты, все! Изнутри! И никаких следов. Только перепуганная собака.

— А слуги?

— Он убил всех. Надеюсь, это заставит лакеев других Повелителей Огня быть настороже.

— Каким оружием он пользовался? Кого прикончил первым? — Квестин привычно и начал повторять вопросы, которые задавал сотни раз на службе.

— Начал с лорда.

— Конечно, с самого опасного! Повелитель Огня мог бы дать ему отпор, но слуги вряд ли.

— Урсула точно так же объясняет, — согласился Повелитель Огня. — А слуги, те, что не ночуют на Вулкане, говорят, что лорд Фейферс спит, запершись изнутри. В спальне был пес, он видел, как убили хозяина. Потом Черная Рука открыл дверь и пошел по дому. Кого застиг спящим, те умерли легко, кто пытался сопротивляться, только сделали смерть более кровавой. Но, похоже, сопротивление было бессмысленным. Черная Рука не получил ран, никто не смог его даже задержать надолго. Лорда он прикончил тонким коротким клинком, очень острым. Остальных — тем, что попало под руку. Шел по дому, находил и убивал.

— В газетах писали только об убитом Повелителе Огня, — тихо произнесла Дженни. — О слугах не было ни слова.

— Ну и зря, — резко бросил лорд. — Говорю же, следовало напугать этих дармоедов. Черная Рука убил всех. И ушел точно так же загадочно, как появился. Дверь виллы не была открыта, замок остался заперт изнутри. Обнаружили бойню приходящие слуги, они и вызвали стражу, когда им не отворили на стук.

— Но что видела собака? — перешел к главному Квестин.

— Бедный пес не смог сформировать для меня ни одного ясного образа. Голый человек без лица. Вернее, с половиной лица. Но, может, это и не человек. Почему он был голым? Чтобы не испачкать одежду кровью? Он встал над кроватью спящего Фейферса в запертой комнате, тогда пес проснулся и увидел... это. Убил одним ударом, потом резал уже мертвого. Не знаю, что это означает. И уже затем убийца отпер дверь спальни, пес это запомнил. Черная Рука отпер замок после того, как убил лорда. Понимаете? Он возник из ничего над кроватью спящего Фейферса. Я даже не сумел уловить, как именно он передвигается. Как-то... рывками, смазано. Наверное, очень быстро. Вот и все, что я могу вам рассказать.

Квестин покачал головой. Дженни подалась вперед и заглянула ему в лицо, чтобы понять, как тот реагирует. Она не могла сообразить, что такого важного рассказал старичок. Конечно, теперь они с Квестином не растеряются, если в Эвероне вдруг объявится голый человек без лица... Или с половиной лица... Или вообще не человек... Или некто,двигающийся такими быстрыми рывками, что его силуэт будет казаться размазанным. Уж если они встретят такого, то теперь точно будут знать, что это Черная Рука. Хорошие приметы, ничего не скажешь! Теперь опознать убийцу не составит труда!

— Понимаю, — высказался Квестин.

Дженни так и подмывало спросить, что именно «дядюшка» понимает. Ведь она так ничего не поняла! Но момент для расспросов точно был неподходящий, и Дженни прикусила язык.

— Да, понимаю, — повторил отставной префект. — Вам хочется знать о всяком странном существе, которое появится в Эвероне. О быстром, решительном, изобретательном, не боящемся крови... вам нужны сведения о любом непонятном происшествии, обо всем загадочном и странном. О любом, кто отличается от других. Да, я понял вашу милость.

— Именно так, — удовлетворенно кивнул лорд. — Все невероятное и страшное, что не укладывается в норму, может оказаться приметой Черной Руки. Именно этого я и жду от вас. Повелитель Огня, кажется, впервые взглянула на Реми:

— Вы не подвели меня, молодой человек. Этот детектив в самом деле смысленый и понятливый, точно, как вы обещали. Проводите гостей.

Морвиг Готвинг снова превратился в лорда Повелителя Огня, холодного,

высокомерного и отстраненного. Даже чтобы дать понять посетителям, что разговор окончен, он обратился не к простолюдинам, а к приставленному к нему чиновнику министерства иностранных дел. Когда Дженни вслед за «дядей» выходила из каюты, лорд бросил им вслед:

— Да, и еще одно! Я пытался разобрать в воспоминаниях пса, когда именно на стене появился черный отпечаток ладони. По-моему, убийца оставил свою метку еще до того, как прикончил лорда Фейферса. Он был так самоуверен, что начал именно с этого. Он не сомневался, что у него все получится.

Дженни осторожно глянула на старика — и вот теперь-то ей показалось, что в зрачках лорда мечутся крошечный искры. Как будто его возбудил собственный рассказ, как будто он сам мечтал бы проделать что-то в духе Черной Руки... но не решался, и потому завидовал убийце, его решительности и его талантам. А может, это было только игрой ее расшалившегося воображения. Дженни торопливо опустила глаза и выскользнула из каюты следом за Реми.

Туман немного рассеялся, поредел, и матросы, взобравшиеся на ванты и вглядывающиеся в сырую мутную завесу, перекликались с заметным энтузиазмом. Они предчувствовали, что непогоде скоро конец. Вдалеке, на пределе видимости, мерцало желтое пятнышко — фонарь соседнего корабля.

— Ой, — спохватилась Дженни, — а мы же так и не узнали, зачем лорд плывет на Фирийские острова!

— Разве? — с иронией спросил Квестин, — его милость рассказал нам историю своего рода. Он же потомок принцессы. Значит, речь идет о возобновлении союза между островами и Эвероном. А судя по тому, что он везет внука в качестве главы посольства, как любезно намекнул нам Реми...

Под взглядом префекта Реми тяжело вздохнул. Он сболтнул лишнего, и с этим ничего нельзя было поделать.

— Судя по этому, — закончил Квестин, — речь идет о династическом браке. Верно, молодой человек?

Реми кивнул:

— Они потребовали Повелителя Огня. Ну, или Повелительницу, именно из той семьи, с которой когда-то имели дело. Наверное, первый Готвинг оставил по себе хорошую память на архипелаге. В министерстве говорят, островитяне были очень тверды в этом требовании. К счастью, лорд Готвинг согласился, и это очень странно. Повелители Огня не любят подобных приключений, тем более — жениться на чужестранках, будь они хоть сто раз принцессы.

— Выходит, история с Черной Рукой, которая подтолкнула лорда к решению, случилась очень кстати, — заметила Дженни. — Правда, невозможно предположить, что такое происшествие, да еще убийство одного из лордов, было подстроено.

— Нет, конечно. Совпадение, — снова закивал Реми. — Но Говорящим Со Зверями в итоге повезло, они получают своего Повелителя Огня. Смотрите, уже совсем светло.

Капитан, который прохаживался по палубе и наблюдал за работой команды,

остановился рядом. Он расслышал последнюю фразу Реми и улыбнулся:

— Именно так, мои господа! Совсем скоро прояснится, и мы снова поставим все паруса! Эти туманные полосы идут от мыса Весперово Колено, где Погонщики Ветра создают шторма. Ничего страшного. Здесь, я имею в виду. А вот там, у Весперова Колена, я бы не хотел сейчас очутиться. Ох, и бушует там, наверное, пучина, ох и ярится!

Капитан удалился, и Квестин снова заговорил:

— А я должен поблагодарить тебя, Реми, за хорошую рекомендацию.

— Я старался, господин Квестин. Ваше всегдашнее доброе отношение...

— Если мне понадобится юридический консультант, я непременно обращусь к тебе, — улыбнулся Квестин. — Знать бы только, когда мы снова окажемся в Эвероне!

Дженни не принимала участия в беседе. Она размышляла. И тут ее мысль наконец сформировалась в слова:

— У меня идея! Реми, нам есть, что сказать лорду.

— Помилуй нас Трохомор, Изгамон и все прочие боги, — взмолился секретарь второго ранга министерства юстиции.

Изгамон Честный был одним из ста богов Эверона и покровительствовал правому суду. Реми, как юрист, находился под его защитой. Но в этот раз защиты Изгамона оказалось явно недостаточно. Дженни продолжала:

— Дядюшка, а что, если мы попросим его милость расспросить ворону?

— Я так и знал, что кончится чем-то в таком роде... — обреченно пробормотал Реми.

Но Квестин понял Дженни с полуслова.

— Не беспокойтесь, юноша, мы приступил к делу осторожно, — обратился он к секретарю второго класса. — Просто спросите его милость, не замечал ли он слежку за собой на берегу? Здесь, на «Удаче», с нами плывет ворона. Это не свойственно сухопутным птицам. Лорд Готвинг хотел услышать о странных происшествиях? Вот и первое из них.

— А вот и первый трофей, — Дженни протянула Реми черное перо, добытое с таким трудом сегодня на рассвете.

Пелена тумана над мачтами «Удачи» расступилась, показалось солнце, заливая палубу светом, и матросы разразились одобрительными возгласами. Реми воспользовался этим шумом, чтобы поскорее откланяться. Кажется, он спешил, пока Дженни не посетили новые удачные мысли.

Ну и зря беспокоился. Новые мысли были совсем не такими удачными. Дженни задумалась о юном внуке его милости, об Уотсе Готвинге. Интересно, а что он сам думает о собственном происхождении и о посольстве? Утром во время их краткого знакомства Уотс показался ей достаточно симпатичным и совсем не заносчивым, каким полагается быть Повелителю Огня. Пожалуй, у этого лорда появился шанс изменить мнение Дженни об их племени в лучшую сторону. До сих пор Повелители Огня вызывали не самые лучшие чувства. Уотс показался ей не таким.

Обед прошел без происшествий, все были в приподнятом настроении — улучшение погоды порадовало всех. Капитан сулил, что остаток пути займет не больше двух дней.

— Если не случится шторма и погода больше не испортится, самое позднее послезавтра

к вечеру мы будем в гавани Абадоха! — заверил он. — Вот там, скорее всего, придется задержаться на рейде. Такой флот, как у нас, будет разгружаться несколько дней.

Дженни подумала, что на «Удаче» важный пассажир. Уж Повелителя Огня не станут заставлять дожидаться в общей очереди. Но хорошо бы он клюнул на ее предложение. Дженни была почти уверена, что ворона следит за ней, а вовсе не за лордом Готвингом. Но раз выпал такой случай, то почему бы не воспользоваться способностями потомка Говорящего Со Зверьями.

Однако никто из свиты лорда на палубе не появлялся, и было непонятно, передал ли Реми сообщение его милости.

Повелитель Огня появился на следующий день. Его сопровождали Уотс, Реми и слуга, коренастый мужчина с неприметным лицом. Вокруг старого Готвинга, когда он пошел вдоль борта, мгновенно образовалось пустое пространство. Ни матросы, ни пассажиры не осмеливались оказаться рядом с его милостью и заблаговременно убирались с дороги. Погода в этот раз была отличная, солнышко пригревало по-южному, и все торчали на палубе, даже проповедник, которому все еще нездоровилось. Но там, где проходил Повелитель Огня, на палубе мгновенно образовывалась пустота.

Дженни хотела подойти и обратиться к его милости, но Квестин придержал ее за руку: — Не нужно. Если лорд захочет поговорить, то позовет нас.

Никого старик не позвал. Он прошел до середины палубы и встал, задрал голову. Проследив его взгляд, Дженни заметила черное пятнышко среди сплетения снастей. Лорд постоял, молча разглядывая ворону, потом так же молча убрался в свои апартаменты. Прежде чем скрыться в кормовой надстройке, он подозвал Реми и бросил ему несколько слов. Тот поклонился, а потом, отыскав взглядом на палубе Квестина и Дженни, направился к ним.

— Его милость велел передать, что ценит вашу наблюдательность, — заявил он. — Он согласен, что ворона на корабле в открытом море — это необычно. Но он не так молод, чтобы карабкаться на мачту, как это делают юные искатели приключений. Интересно, что он имел в виду?

Дженни пожалала плечами. Квестин внимательно поглядел на «племянницу», но, к счастью, воздержался от расспросов. Общение с Дженни приучило его принимать жизнь такой, какова она есть, и не задумываться над всякими мелочами. Он не шел путем Хогорта, и в этом были свои плюсы.

А еще днем позже на горизонте показался берег Гранделина. Плавание близилось к концу.

Берег вытянулся на горизонте длинной серой полосой. Он был пока что слишком далеко, чтобы Дженни могла разглядеть подробности. Флотилия, совершая сложные маневры, замедлила ход. Штурманы флагманского судна определяли, к какой точке побережья они вышли после блужданий в тумане. Пока не покажется гавань, моряки предпочитали не приближаться к берегу с его рифами и отмелями.

Наконец решение было принято, и с головного судна стали слать сигналы. «Удача» выполнила поворот вместе со всем конвоем. Пассажиры — как всегда, исключая лорда

Готвинга и его свиту — толпились на палубе, разглядывали берег и обсуждали, куда их занесло.

— Пустыня, — пробормотал проповедник, — как есть пустыня!

— Какой простор для милосердия, — пробурчала себе под нос Дженни.

Она бы сказала это вслух, но опасалась своими словами вышибить затычку из бочонка пастырского красноречия. Слушай потом нескончаемую проповедь!

Когда среди наблюдателей появился помощник капитана, его засыпали вопросами. Оказалось, отклонение от курса, случившееся по причине тумана, было незначительным. Моряк сулил, что еще до заката они будут в виду Абадоха, порта назначения. До тех пор суда станут держаться в открытом море. Ну, это и так было ясно.

Торговый представитель — Дженни уже знала, что его зовут Рендих Мерч — позвал своих новых приятелей, армейских интендантов — выпить за успешное окончание плавания. Те, конечно, не стали спорить, хотя с этим поводом Мерч явно поторопился. Плыть еще было порядочно.

А Дженни вглядывалась в чужую землю, проплывавшую вдаль. Это действительно была пустыня, ни деревца, ни скал, ни поселений. Ровная серая полоса. И за обладание этим ничемным куском земли уже несколько месяцев шла война между могущественными кланами Повелителей Огня и Погонщиков Ветра. Такой оборот несомненно повышал цену серой полосе за бортом. В этом смысле пролитая кровь заменяла Гранделину сады и пашни. О любом крае можно спросить: чем он славен? Торговлей, урожаями, праздниками? А эта земля известна тем, что здесь гостит смерть. Чем больше народу поубивать, тем выше цена пустыни.

Дженни поделилась этим соображением с Квестином, тот пожал плечами:

— Война — такое дело. Стоит только начать, а уже дальше она будет подпитывать себя сама. О поводе можно вообще забыть, проходит месяц после первых смертей — и глядишь, война уже сама себе причина.

— Истинно так, — подхватил оказавшийся поблизости проповедник милосердного Тедзинга Победителя. — И смертоубийство следовало бы остановить в самом начале! Каждый день, когда льется кровь, делает установление мира все более трудным делом... Победа, вот что останавливает смерть! Всеблагой Тедзинг всегда побеждает, и мир следует за ним.

И пришлось выслушивать его проповеди до тех пор, пока в красном свете заходящего светила над серой полосой берега не встали контуры бастиона, охраняющего гавань города Абадох.

Глава 3. Военно-полевое правосудие

Флотский конвой, растянувшийся за время плавания на многие мили, стал стягиваться в правильный строй. Суда занимали свое место в колонне, и вся эта махина разворачивалась, готовясь идти к гавани. Когда солнце уже коснулось точки горизонта, где серая равнина смыкалась с морской гладью, первые суда направились к причалу. Акватория здесь была небольшая в сравнении с просторным заливом у подножия Вулкана, и кораблям пришлось ждать своей очереди, чтобы разгрузиться.

Но генерал Истригс, явно имевший склонность к строгому порядку, и здесь сумел организовать и распланировать каждый шаг. Дженни увидела, что капитан стоит на баке, мусоля сложенный вдове листок, испещренный надписями, и поминутно вглядывается в проходящие мимо суда — он читал названия на бортах. Каждому кораблю было назначена очередность. Поскольку на «Удаче» находился один из лордов Вулкана, долго ждать не пришлось, судно оказалось во втором десятке.

В гавани команда убрала паруса, и к борту тут же устремились буксирные баркасы. Мерно взлетали весла, с лопастей летели капли воды, мокрые от пота спины полуголых гребцов дружно качались при каждой гребке. Сухой жаркий ветер дул с берега, он нес знакомые запахи, к которым примешивался естественная для всякого порта вонь гниющей рыбы.

Дженни уставилась на мачту. Ворона расправила крылья, сорвалась со своего насеста и, тяжело набирая высоту, полетела к берегу. Вот и первый пассажир покинул «Удачу».

А вскоре пришло время и остальным сойти на твердую землю. Сначала по трапу прошел Повелитель Огня со свитой, потом позволили и прочим. На причале было тесно и шумно. Маршировали колонны солдат, громыхали повозки. И места, и порядка здесь было заметно меньше, чем в порту Эверона, а генерал спешил разгрузить корабли, потому что в этот момент его армия была особенно уязвимой. Если налетит шторм и погонит флот на скалы — быть беде! К счастью, Погонщики Ветра соблюдали перемирие, и погода стояла тихая.

Зато шумели сходящие с судов войска. Когда Дженни с Квестином выбрались из толчеи на причале, она прокричала ему в ухо:

— А что теперь? Если мы начнем выкликать Ирви Сервейса, нас не услышат!

И в самом деле, до сих пор им можно было забыть о задании, которое привело на Гранделин, но исполнять его все равно придется. Дженни глядела на суету и думала, что отыскать одного-единственного солдата среди тысяч и тысяч — это посложнее, чем спустить с дерева глупую кошку.

Квестин попытался ответить, но его заглушал общий шум. Тогда он схватил Дженни за рукав и потащил за собой. И то верно: первым делом нужно было убраться подальше от порта. А то такой шум, что пошутишь — а никто не услышит.

Когда они выбрались из толчеи и суматохи, стало можно и поговорить.

— Нам нужно найти военную канцелярию, — объявил Квестин. — Там мы выясним, где наш юный герой. Но сегодня это бесполезно, канцелярию будут осаждать толпы, и у каждого окажется такое же письмо, как то, что вручила нам госпожа Сервейс, и даже с большим количеством печатей. Вероятно, придется подождать денек. Так что нам нужно отыскать ночлег.

— Дядюшка, ты герой! — с восхищением объявила Дженни, уставившись на Квестина и старательно хлопая ресницами. — Отыскать ночлег в Абадохе сегодня, это же настоящий подвиг. И ты намерен его совершить!

Мимо с грохотом промаршировала колонна пехоты. Передний солдат нас факел, потому что уже заметно стемнело. Прохожих на улицах не наблюдалось, все попрятались, а может, здесь просто были такие привычки: запирались пораньше. Из-под солдатских сапог взлетали облака пыли, ветер подхватывал ее и волок вдоль улицы длинные туманные полосы. Справа и слева тянулись глинобитные заборы выше человеческого роста, за ними темнели силуэты домиков. Унылое место. И ратлеров нет. Наверное, с голоду вымерли. Здесь им нечем поживиться.

Следом за пехотой прогрохотали повозки, дальше показался отряд кавалерии. Из порта непрерывным потоком текли колонны солдат и вереницы обозных фургонов. Армия рассредоточивалась. Квестин повел Дженни по кривым улочкам от моря. Никаких изменений — все те же пыльные колеи между заборами, к которым приходилось прижиматься, если по улице катила особенно громоздкая повозка. Но повозки, а также пешие либо конные люди, двигались по всем улицам, куда пытался свернуть Квестин.

— Армия преследует нас, — пожаловалась Дженни.

Но все-таки в конце концов им удалось выбраться из этого потока. Улицы опустели, шум и мелькание факельных огней осталось позади.

— Теперь бы еще отыскать трактир, — мечтательно произнес Квестин.

Но Дженни сомневалась, что им удастся получить приличный ночлег. Да префект и сам, конечно, не верил в такое везение. Уже совсем стемнело, но нигде не светились окошки, не играла музыка. Только скрип песка под ногами, шорох ветра, залетающего из пустыни, да отдаленный шум на оставшихся где-то позади улиц, которые ведут к порту. Дженни брела за «дядюшкой», ей хотелось спать, и саквояж с вещами, хотя и не тяжелый, уже начал оттягивать руку...

Квестин резко остановился и буркнул:

— Весперова задница!

Впереди в синих потемках из-за поворота выступили несколько фигур. Они преградили путь с явно недобрыми намерениями. Префект подтолкнул Дженни назад, себе за спину и прошептал:

— Назад, назад! Уходим!

Но уходить было некуда: в той стороне, откуда они пришли от забора отделились две сутулые тени. Путь отступления отрезан. Дженни с Квестинком встали спиной к ограде, еще теплой, разогретой за день, и приготовились встретить опасность. Квестин был со своей обычной тростью, а Дженни обругала себя: нож — подарок Морко Гучиха сейчас лежал в саквояже. Ну, почему она не догадалась его достать заранее! И почему не догадалась надеть кольчугу, вооружиться копьем, мечом, арбалетом... и еще прихватить с собой катапульту... стенобитное орудие...

Незнакомцы медленно приближались, трое с одной стороны, двое с другой. Многовато!

— Никогда не думала, что меня будет раздражать избыток публики на выступлении, — прошептала Дженни. — Однако сейчас именно такой случай.

Над головой захлопали крылья — птица, сидевшая на гребне стены, сорвалась с места и улетела. У Дженни еще хватило времени подумать, что это наверняка та самая ворона, что преследовала их от Эверонского порта... на большее времени уже не осталось. Две группы

чужаков сошлись вместе и бросились на путешественников.

Кто они, как выглядят, в темноте было не разобрать. Дженни разглядела просторные широкополые накидки с капюшонами, да палки в руках. И еще они были странно молчаливыми. Случись такая же история в Эвероне или каком-нибудь из городков, по которым колесил фургон Папаши Бурмаля, эти негодяи орали бы, чтобы заглушить собственный страх. Тамошние разбойники любят кричать. На Гранделине, как видно, другие порядки.

Зато Дженни действовала точно так же, как если бы они орали — швырнула свой надоевший саквояж в голову тому из налетчиков, что оказался ближе, а следом бросилась сама, припадая к земле. Злодей отмахнулся своей короткой дубинкой, не попал — и угол саквояжа, обитый доброй эверонской медью, врезался ему в лоб. Дженни проскочила между широко расставленных ног противника. При этом она увернулась в падении от другой палки, которой второй злодей попытался треснуть ее по макушке. На миг в нос ударила вонь обтрепанной накидки нападавшего, Дженни резко выпрямилась, и человек, которого она, вставая, толкнула сзади и снизу, рухнул вслед за саквояжем, только что треснувшим его в лоб.

Тем временем Квестин пятился, его трость с тяжелым набалдашником плясала перед ним, а трое налетчиков то пытались подскочить к нему — тогда раздавался сухой треск столкнувшихся палок — то снова отступали. Их дубинки были заметно короче трости бывшего префекта, только благодаря этому Квестину удавалось держать разбойников на расстоянии.

Дженни увернулась от нового взмаха злодея, метившего ей в голову. И снова, и еще... каждый удар отгонял ее от Квестина, а того тоже теснили вдоль забора... Человек, сбитый Дженни с ног, начал тяжело подниматься, медленно подтягивая конечности, словно собирался в кучу под широко раскинутый плащом, накрывшим его при падении. И Дженни не смогла удержаться от соблазна — увернувшись в очередной раз от палки, пнула в бесформенную кучу, горбящуюся под вонючей тканью. И вышло удачно! Груда под плащом снова опала, взметнув облачко сухой пыли. Зато другой противник — тот, что стоял на ногах, едва не разбил Дженни голову. Она вывернулась, и палка едва задела плечо. Удар пришелся вскользь, однако боль была такая, что перед глазами заплясали разноцветные звезды... и среди них, расправив черные крылья, пронеслась ворона.

Ожидая нового удара, Дженни попыталась отскочить подальше от негодяя, но ноги вдруг сделались ватными, колени подогнулись... Дженни села в пыль, пытаясь рассмотреть противника сквозь танцующие перед глазами звездочки. Но того не было видно.

Ее схватили за больное плечо, крепко стиснули, заставили подняться, куда-то потянули... Дженни зажмурилась и потрясла головой. Звезды начали таять, их пляска медленно унималась. Когда она несколькими мгновениями позже пришла в себя, Квестин поддерживал ее и глядел вдоль улицы. Там мелькали расправившиеся на бегу широкие плащи налетчиков. Враг отступил!

А с другой стороны раздавался скрип колес и голоса, там мелькали полосы света. Несколько повозок, направлявшихся в этот проулок, спугнули грабителей. Пока Дженни вертела головой, чтобы разобраться в происходящем, улица у ее ног зашевелилась. Наверное, открывать глаза было еще рановато, решила она.

Но тут повозка, подъезжавшая из-за угла, наконец свернула, и горевшие на облучке фонари, осветили место схватки. То, что показалось Дженни частью немощной улицы,

оказалось налетчиком, которого она сразила саквояжем. Незадачливый злодей, все еще не вполне опомнившийся, снова пытался встать. Но прежде чем утвердиться в вертикальном положении, он поднял из пыли саквояж и сделал попытку уковылять от подъезжающей повозки в темноту.

Квестин решительно пресек его попытку, свалив новым ударом трости. За первой повозкой показалась другая, за ней третья... Целый караван с грохотом и треском вкатился на тихую улочку. Свет фонарей выхватил из мрака слепые глинобитные стены и толстенный слой мягкой пыли между ними. Там, где Дженни и Квестину пришлось принять бой, пыль была испещрена всевозможными отметками, и четыре цепочки следов уходили вдаль.

— Это что же здесь такое? — прозвучал голос, который Дженни тут же узнала. — Э, я вижу знакомые лица!

На передней повозке восседал один из интендантов, с которыми Дженни делила стол во время плавания на «Удаче».

— Вы очень удачно появились на этой улице! — заявил Квестин.

Дженни оглядела «дядюшку», усиленно моргая, чтобы распугать оставшиеся звездочки, которые все еще плясали перед глазами. Похоже, Квестин в схватке не пострадал, только сюртук был испачкан. Одной рукой отставной префект поддерживал Дженни, в другой была трость, конец которой Квестин упер в спину лежащего налетчика.

— Прошу вашей помощи, — продолжил он, — этого злодея нужно передать в руки стражи. Есть в Абадохе стража, как вы полагаете?

— Есть военная полиция, уж это я знаю наверняка, — ответил интендант. — Правда, толку от них никакого! Так и не смогли вразумительно ответить, по какой улице я могу выбраться из этих глиняных лабиринтов. А тут еще старина Рендих посулил, что умеет ориентироваться в южных городах... Рендих, поди сюда! Узнаешь эти лица?

Из темноты показался Рендих Мерч, коммивояжер, плывший на «Удаче».

— Я вижу, судьба связала нас накрепко, господа, — пробормотал он, почесывая заросшую щетиной щеку, — вы сюда попали первыми, так скажите: ведет эта улица к воротам?

— Эта улица ведет к драке, — буркнула Дженни.

Она уже окончательно пришла в себя, и ушибленное плечо зверски ныло. Наверняка там образовался громаднейший синяк. Не носить ей теперь открытых платьев!

Из дальнейших переговоров стало ясно, что интендант получил под командование небольшой караван с воинскими грузами, каковой ему было поручено вывести из города. Генерал Истригс хотел как можно быстрее расположить войска вне Абадоха, где сложно было контролировать такую большую армию. Караван заплутал в тесных лабиринтах улочек, а присоединившийся к нему коммерческий агент Рендих Мерч вдруг начал усиленно советовать править именно сюда — дескать, он выведет окольной дорогой, и это будет быстрее. Ведь центральные улицы забиты войсками!

Причем странствовал Мерч на собственной повозке. Квестин удивился — откуда у торговца, прибывшего в город пару часов назад, движимое имущество?

— Чтобы разобраться в ситуации, нужно нырнуть в нее с головой, — пояснил торговец. — Я решил заделаться маркитантом. Прикуплю подходящий товар, поезжу с

армейским обозом, погляжу, что да как. Ну а вы-то здесь каким образом оказались?

— Искали ночлег, да нашли только бесплатные развлечения, — встряла в беседу Дженни. — Вы, мистер Мерч, торговец и собираетесь здесь торговать. А мы детективы, вот и ловим преступников. Одного уже поймали.

Обозная прислуга собралась поглядеть на злодея. Наверное, они были разочарованы — преступник, все еще оглушенный, выглядел не слишком интересно. Тощий загорелый мужичонка, в просторных лохмотьях. То ли дело эверонские преступники! Те смотрятся куда представительней. В столице все, что ни возьми, крупнее и ярче, чем в захолустье!

Начальник конвоя прикрикнул на своих служак — не отходить далеко от повозок, вон здесь народишко какой вороватый! Обозные солдаты засуетились, всем своим видом изображая рвение. В тесноте было сложно развернуть повозки, чтобы поискать другую дорогу, и заскучавшие солдатики с наслаждением орали друг на друга, пользуясь случаем развеять грусть.

Мерч пригласил попутчиков в свой фургон:

— Можете и переночевать там сегодня. Какая-никакая, а все-таки крыша над головой. Сомневаюсь, что вам удастся отыскать ночлег получше. Только не сегодня, когда по всему городу мечутся приезжие их Эверона.

Караван возвратился к широким центральным улицам. Ближе к порту располагался вполне приличный район с двухэтажными домами, похожими на те, что строят в Эвероне. Здесь обитали колонисты, а на окраинах ютились аборигены, потомки местного населения, осчастливленного тем, что их приобщают к цивилизации пришельцы из-за моря. Во всяком случае, «Зоркий глашатай» писал о местных именно в таком ключе. Ведь именно ради блага простого люда Повелители Огня явились на Гранделин, ну а серебряные рудники... что ж, так получилось.

Насколько жители побережья были счастливы на самом деле... наверное, не очень, если по ночам выходят на разбой.

На перекрестках стояли военные полицейские. Они уже охрипли, указывая направление колоннам солдат, сошедших с кораблей. И новая забота в лице пойманного налетчика их вовсе не обрадовала. Но арестованного они приняли, один даже записал имя Квестина и велел завтра явиться в полицейское управление. Но только завтра, не сейчас! Сейчас начальству не до того!

— Отлично, — заявил Квестин. — Мы заведем полезное знакомство с местными стражами закона.

— Но только завтра! — напомнила Дженни, повторив слова усталого полицейского. — Только завтра, не сейчас! Сейчас начальству не до того!

Так что не осталось ничего другого, как принять любезное приглашение мистера Мерча, и покинуть Абадох в его фургоне. Квестин ворчал, а Дженни была почти счастлива: уж к путешествиям в доме на колесах она привыкла. И даже считала такой дом лучшим местом на земле... Эх, было время!..

Проснулась она под дырявым пологом, сквозь прорехи которого били яркие солнечные лучи. Такие яркие, что они казались осязаемыми и даже твердыми. Южное солнце проникло в затхлое нутро фургона. Из-за полога доносился многоголосый гул. Дженни села и

приникла к дыре в парусине.

Вокруг раскинулся воинский лагерь. Но это было ненадолго. Солдаты тушили костры, собирали пожитки и седлали коней. Армия готовилась выступить? Но куда и зачем? Дженни погладила ушибленное плечо. А ведь очень больно при каждом движении! Поездка на Гранделин не заладилась с самого начала.

Рядом зашевелился Квестин. Скинул сюртук, которым укрывался во сне, и потянулся.

— О, уже рассвело, — зевнул он, глядя на солнечные лучи, пронизавшие фургон. — ну что ж, значит, можно отправляться в Абадох на поиски армейской канцелярии.

Когда они выбрались на землю, хозяин фургона расхаживал вокруг своей собственности, ковырял грязь, прилипшую к бортам и ощупывал дырявый тент. При дневном свете его повозка выглядела довольно убого. Но господин Мерч был преисполнен энтузиазма.

— А, проснулись! — приветствовал он постояльцев. — Отлично. Я сейчас в город, поищу товар, которым можно заполнить кузов.

— А куда уходят солдаты? — Дженни огляделась.

— Им приказано передислоцироваться. Это не дальний поход, просто бивак отодвигают от города. Правильно, скажу я вам, придумано. Солдатский лагерь всегда воняет. Уж я-то знаю, повидал их немало. И, соответственно, немало их перенюхал! Ну что, вы со мной?

Предложение доброго мистера Мерча оказалось как нельзя более кстати. Солнце, едва поднявшись над горизонтом, тут же начало припекать, дорога была покрыта толстым слоем мягкой пыли. То и дело налетал ветерок, который гнал пыль серыми лентами. Шагать по такой жаре в пыли было бы сущим мучением. Оставалось лишь радоваться, что к услугам путешественников имеется фургон. Дженни забралась в кузов и еще добрых полчаса любовалась пустынным пейзажем сквозь дыры в пологе. Несколько раз она заметила, что твердые и острые световые клинки, пронзающие пыльное пространство фургона, на миг пропадают. Что это заслоняет солнце?

Она, прикрыв глаза ладонью, взгляделась в слепящий свет, проникающий с безоблачного неба. И точно — то и дело солнце скрывали черные крылья. А потом раздались и знакомое карканье. Ворона описывала над медленно ползущим фургоном петли с восьмерками, и явно не собиралась улететь прочь. Загадка!

Улицы Абадоха оказались странно безлюдными, Дженни даже засомневалась, не случилось ли какой беды? Но здесь так всегда, пояснил Мерч, не бродят по улицам толпы. Тем более, летом в такую жару. А солнце в самом деле начало припекать, хотя до полудня было далеко. Знойный край.

— Еще немного, и я пойму, что мне не хватает ратлеров, — пробурчала Дженни, разглядывая серые стены и серую пыль под колесами. — Вот так захочешь споткнуться, а не обо что!

Мерч высадил попутчиков на центральной площади перед зданием, у которого, как раз, было очень людно. Перед входом потели в карауле солдаты в тяжелых доспехах, и ежеминутно десятки военных входили и выходили, причем вид у всех был ужасно деловой.

— Вот вам канцелярия, — пояснил торговец, — а я на рынок. Глядишь, еще повстречаемся, а? Как я погляжу, Трохомор водит нас по одним и тем же дорогам.

Стражникам у входа Квестин предъявил письма с многочисленными печатями и объяснил, что, помимо личных дел, он обязан отчитаться относительно ночного нападения. Пришлось подождать у входа, пока доложат начальству, но вскоре к ним из здания вышел

молодой сержант в красивой новенькой форме. Его надраенный до зеркального блеска шлем сиял, словно звезда.

Дженни уже заметила, что в армии, прибывшей из Эверона, очень и очень много молодых людей, и форма на них новенькая, с иголочки. Даже немного жаль, что скоро в жаре и пыли эта красота обтреплется... да и юные воины возвратятся домой далеко не все...

А сержант пылал энтузиазмом:

— Так это вы и есть? Те самые, что поймали налетчика? — он хлопал глазами, разглядывая, в основном, Дженни, которая из-за жары расстегнула на блузке несколько больше пуговиц, чем позволила бы себе благовоспитанная девица. — Ух, как здорово! Их очень нелегко задерживать, потому что они нанюхаются дыма пустынной травы и делаются нечувствительными к боли. Бьешь такого, бьешь, а он знай себе, выворачивается и норовит дать деру!

Так он и болтал, поминутно поглядывая на гостью, пока проводил посетителей к двери с табличкой — конечно, очень новенькой и блестящей: «Полковник Сеймос Фердинус».

Полковник, начальник абадохского управления военной полиции, оказался полной противоположностью восторженному сержанту. Это был мясистый и оттого непрерывно потеющий мужчина средних лет, обрюзгший, с застывшим на лице капризным выражением. И на Дженни он глядел неприветливо. А сержант, сопроводивший их с Квестинном, между прочим, был куда больше заинтересован посетительницей!

Полковник Фердинус уточнил несколько деталей происшествия, поблагодарил Квестина за поимку преступника, что было, конечно, помощью его службе... но говорил таким недовольным тоном, цедил слова так нехотя, что Дженни даже обиделась. Да и Квестин, наверное, почувствовал раздражение, но он, благодаря долгому опыту, отлично умел скрывать чувства. С деланной сердечностью он заявил:

— Ну что вы, ловить преступников — моя работа! Я занимался этим тридцать лет. Вы же знаете, как это бывает, если имеешь такой опыт. Все получается как бы само собой... Полковник, если вопросов больше нет, то мы не смеем отрывать столь занятого офицера от выполнения служебных обязанностей. Однако, если позволите, спрошу вашего совета: как мне узнать, где проходит службу человек, которого мне необходимо разыскать? Все документы, дающие право на расследование, у меня в порядке и...

С пронзительным скрипом и треском распахнулась дверь, в кабинет полковника ввалилась целая толпа. Сеймос Фердинус вскочил, тряхнув животом, и пораженная Дженни увидела, как с круглым лицом офицера произошли невероятные перемены. Оно в единый миг налилось румянцем, потом так же молниеносно утратило краски, рот распахнулся, потом закрылся, так, что зубы щелкнули. Глаза стали выкатываться из орбит...

Дженни медленно обернулась — кабинет продолжал наполняться мужчинами в военной форме и в штатском, причем на нескольких были знаменитые плащи с алым подбоем. Тут же сделалось тесно и душно. Но Дженни глядела только на того, что вошел первым. О Трохомор, это лицо Дженни видела десятки раз! В газетах, на афишах и плакатах! Этого человека изображали в горделивых позах, то на коне, то на палубе боевого корабля, то с мечом в воздетой руке, то простирающим длань навстречу клубам дыма и пыли, каковые клубы символизировали происки Погонщиков Ветра. И неизменно на всех портретах — все

то же самое строгое сосредоточенное выражение лица, нахмуренные брови, поджатые тонкие губы и пылающий взор.

Об этом человеке говорил весь Эверон. Все девицы, а в особенности — тетки средних лет — были в него влюблены, все мальчишки хотели походить на него, а мужчины высказывались в его адрес с уважительным одобрением. Это что касается человеческой части населения города. Тролли и гоблины считали его чуть ли не полубогом. Еще бы! Ведь это был его проект — призвать в армию нелюдей. А отец этого славного героя заставил парламент издать закон о гражданских правах для тех, кто воинским трудом доказал свою верность Эверону.

Что говорить... не было во всей армии человека более достойного и знаменитого, чем генерал Сертиас Истригс-младший. Сын спикера парламента, главнокомандующий экспедиционного корпуса и герой, обещавший Эверону победу.

Именно он был здесь — в трех шагах от Дженни. Жалко, что смотрел не на нее, а на противного полковника Фердинуса, который, оказывается, обладал удивительной способностью менять цвет лица. Сейчас, под пламенным взглядом Повелителя Огня, он стал синеватым. Зато Дженни смотрела только на генерала.

Сертиас Истригс-младший походил на собственные портреты. И позы принимал исключительно такие, как будто позирует художнику. И взгляд его был горяч и остер. И мундир великолепен, как на плакате. Волнистые черные кудри красиво обрамляли аристократически удлиненное лицо с твердым выступающим подбородком, свидетельствующем о сильной воле. Жестко очерченный рот и высокие скулы. Ни дать, ни взять — парадный портрет во плоти!

За спиной командующего пестрели богато украшенные мундиры и колеты свитских, а солнечные лучи, бьющие в окно, играли на золотых позументах и доспехах охраны... кстати, в толпе мелькнули и знакомые лица, оба Готвинга присутствовали здесь. Дед кисло улыбался со скучающим видом, внук держался за спиной старшего родича и смотрел в пол.

— Полковник, мне необходимы преступники из местных, — хорошо поставленным голосом произнес Истригс, выговаривая каждое слово четко и отдельно. — Как минимум, один. Лучше два. Найдутся у вас такие?

Фердинус сипло откашлялся, прочищая горло.

— Так точно, ваше превосходительство, — выдавил он из себя. — Имеются фальшивомонетки, несостоятельные должники... есть и налетчик, из этих, с окраины, из любителей дурмана... задержан во время нападения на прибывших из Эверона граждан. С поличным!

— С поличным, надо же, — с оттенком пренебрежения повторил генерал. — Прекрасно, полковник, вы нечасто радуете нас успехами. Я хочу посмотреть на этих злодеев.

— Я только что слышал об этой истории, — подсказал Истригсу один из адъютантов. — Приезжие, которые подверглись нападению, сами и поймали грабителя. Так что полиция здесь не при чем.

Похоже, между военными и полицейскими существовало некоторое соперничество. Офицерик был рад подколоть толстого полковника Фердинуса.

— Именно так, с позволения вашей милости, — вставил Квестин, воспользовавшись удачным моментом. — Мы с племянницей схватили одного из пятерых напавших на нас грабителей. Остальным, увы, удалось сбежать.

Точное лицо Истригса обратилось к нему:

— Вот как, сударь! До сих пор на этой войне свершилось слишком мало подвигов. Тем ценнее ваш успех. Поздравляю.

— Это моя работа, ваша милость, я детектив. Эдуард Квестин, к вашим услугам. А прежде, чем заняться частным сыском, тридцать лет прослужил в Эверонской страже. Большой опыт, ваша милость, — скромно заметил Квестин.

— Славно, славно, — без всякого выражения произнес лорд, скользя равнодушным взглядом по мятому сюртуку сыщика.

Потом взгляд сполз с бывшего префекта на спутницу, и генерал Истригс уставился на нее. Он молчал, а в глазах заиграли жаркие искры. Дженни почувствовала, что щеки наливаются румянцем, а пальцы сами собой тянутся к пуговке, расстегнутой там, где это не вполне допускается приличиями... Ей сразу стало неловко за все скопом: и за эти пуговики, и за мятые бриджи, исчерченные пропыленными складками, и за слишком коротко подстриженные волосы, которые были, разумеется, в жутком состоянии... за все-все-все, что в ее облике не соответствовало понятиям благонравия. Обычно Дженни не вспоминала обо всякой подобной ерунде, но сейчас, именно сейчас, под взглядом Повелителя Огня...

И главное, даже не можешь попенять себе: мол, попалась на глаза господину главнокомандующему, и, как назло, в непрезентабельном виде. Вид у Дженни всегда был такой! Когда ни попадись на глаза прекрасному лорду Истригсу — всегда было бы то же самое...

— Племянница, вы сказали? — промолвил лорд Сертиас. — Это интересно. Сударыня, вы не пострадали в стычке?

— Миссис Дженнифер моя дальняя родственница, которую я обычно именую племянницей, просто для краткости, чтобы не уточнять степень родства, — Квестин сделал шаг вперед, чтобы заслонить Дженни от жаркого взгляда Повелителя Огня. Он уже встревожился. — В настоящий момент она исполняет обязанности моего секретаря и сопровождает в поездке.

— Вы меня заинтересовали своей историей, — все так же ровно произнес Сертиас, не сводя взгляда с Дженни, — прошу вас, сопровождайте меня. Позже я хотел бы поговорить. Но сейчас — дела! Полковник, выведите ваших арестантов во двор, я хочу взглянуть на них.

Квестину с Дженни пришлось пристроиться в хвост раззолоченной и бряцавшей оружием толпы, сопровождавшей главнокомандующего. Дженни торопливо застегивала злополучные пуговики, а Квестин шептал ей на ухо, что ничего скверного он о лорде Истригсе-младшем не слышал, но все равно следует быть настороже.

Двор представлял собой квадрат растрескавшейся от жары земли, обильно засыпанный вездесущей пылью. Сейчас там поспешно выстраивались солдаты военной полиции, отправленные сюда полковником. Они старались выглядеть браво, но, в сравнении с рослыми мощными воинами из личной охраны лорда, смотрелись довольно-таки жалко. Еще более жалкими оказались арестанты — их пред огненные очи генерала вывели тюремщики.

Полковник без надобности суетился рядом и покрикивал на свое оборванное стадо. Среди арестантов шагал, гремя кандалами, и вчерашний налетчик. Такой же безучастный и безмолвный, как ночью, когда пытался стянуть саквояж Дженни. Тощий, как скелет, и такой же молчаливый, загорелый и пропыленный мужчина неопределенного возраста. На лбу его красовалась громадная ссадина, оставленная окованным углом саквояжа. Остальные выглядели немногим лучше, такие же оборванцы, но этот хотя бы не сутулился.

Кандалников выстроили в некое подобие шеренги, и генерал прошелся перед ними,

быстро разглядывая каждого. Налетчик понравился ему больше остальных, перед ним Истригс несколько задержался. Закончив осмотр, велел полковнику:

— Уводите.

Когда звон кандалов стих, Истригс велел:

— Этого, с отметиной на лбу, я забираю. Остальные не смотрятся.

— А куда его? — само собой вырвалось у Дженни.

— Увидите, сударыня, — ответил генерал, — вы ведь не откажетесь проехаться со мной? Вместе с дядей, разумеется.

Слова его были любезны, и он по-прежнему то и дело пялился на Дженни, однако тон Истригса оставался совершенно равнодушным. Оставалось лишь теряться в догадках, что означает это приглашение? Дженни растерянно пролепетала несколько слов в знак согласия... и вскоре уже ехала в коляске с Квестином и двумя адъютантами. Коляска оказалась в середине кортежа, во главе которого верхом гарцевал сам главнокомандующий. Что было делать детективам? Помалкивать и ждать развития событий.

Солнце припекало, ушибленное плечо снова разболелось от тряски на ухабистых улицах... и от стремительного поворота событий кружилась голова.

Опомнилась Дженни только на площади, где многочисленная свита лорда спешила, а несколько десятков солдат, держа поперек груди алебарды, теснили гомонящую толпу в сторону — к рядам рыночных лотков. Дженни только глазами хлопала — что это такое происходит? А вот Квестин, похоже, начал догадываться.

— Не смотри, — велел он.

— Куда не смотреть?

Мимо них двое рослых солдат протащили арестанта. Тот оставался по-прежнему молчаливым и безучастным ко всему, что с ним происходило. Не изменился в лице и не произнес ни слова, даже когда его подволокли к виселице, которая торчала посередине рыночной площади. Сперва Дженни ее не заметила, потому что зловещее сооружение оказалось как раз с той стороны, откуда всюду светило жаркое южное солнце. Свет был такой слепящий, что Дженни лишь теперь обратила внимание на это украшение рыночной площади славного города Абадох.

Офицер, взойдя на эшафот, зычным голосом объявил, что сейчас заслуженную кару понесет злодей, шпион Погонщиков Ветра, один из той банды, что нападала по ночам на солдат и офицеров Эверона. Квестин крепко взял Дженни за плечи и заставил отвернуться.

— Осторожней, — буркнула она, вырываясь из хватки «дядюшки» и потирая больное место.

Если бы казнили того уроды, который огрел ее дубинкой, в этом было бы хоть какое-то подобие справедливости, потому что зверски больно до сих пор... но этот-то безмолвный человек — за что поплатился? За так и не украденный саквояж. Дженни и не стала смотреть, как казненный качается в петле. Солнце слепило с той сторону... и вообще...

— Дело сделано, — произнес своим металлически-четким голосом лорд Истригс-младший, вдруг оказавшийся совсем рядом с детективами. — Теперь снова попрошу вас сопровождать меня.

Дженни, как всегда не сдержавшись, ляпнула:

— Нельзя казнить без суда и приговора! Беззаконие!

Хорошо, что это прозвучало негромко и услышали лишь несколько человек из свиты генерала. Но Истригс не рассердился, а спокойно объяснил:

— Приверженность закону это хорошо. Но мы на войне. Я посылаю солдат в бой, где многие из них падут. Мне приходится отказаться от жалости к своим людям, так стану ли я щадить преступника? Суда ждать слишком долго, да он все равно вынесет тот приговор, который угоден мне. А времени нет, казнь вражеского лазутчика нужна именно сейчас. Она произведет впечатление на горожан, когда мы выступим в поход. Это полезно.

И чуть мягче добавил:

— Миссис Дженнифер, мне неприятно, что пришлось разыгрывать такую сценку у вас на глазах. Чтобы загладить эту неловкость, я приглашаю вас на куда более веселое представление. Завтра будет что-то вроде праздника по случаю прибытия принца Сакхлиха, уполномоченного посла Погонщиков Ветра. Я прошу вас быть моей гостьей на этом празднике. Что скажете?

Дженни подумала, что она сейчас в том же самом положении, что и военно-полевой суд, о котором упоминал лорд Сертиас: ей в любом случае следует вынести приговор, который угоден главнокомандующему. А с другой стороны, почему бы и нет? Почему же не принять такое заманчивое предложение, сделанное в таких изысканных выражениях? Сделанное таким блестящим кавалером? Реми мечтал побывать на этом приеме, Дженни тоже захотелось, и вот он, шанс!

Ну и потом, разве это не самый верный путь к тому, чтобы точно и быстро разузнать, где находится солдат Ирви Сервейс? Ведь Дженни с «дядей» приплыли на Гранделин, чтобы разыскать этого человека... а вовсе не затем, чтобы расхаживать по пирам и дипломатическим приемам... но на что только ни пойдешь, лишь бы лучше исполнить задание! Придется пострадать!

Глава 4. Дипломатия великих лордов

На обратном пути лорд не стал садиться в седло, а занял место одного из адъютантов в коляске, которая везла Дженни и Квестина. Правда, толком поговорить не удалось, то и дело подъезжали гонцы, передавали сообщения и спрашивали о новых приказах. Насколько поняла Дженни, армия, высадившись с кораблей, пребывала в непрерывном движении. Отряды перемещались с одного места на другое, лагеря сворачивали и разбивали в новом месте, и лорд Сертиас управлял этим сложным процессом.

Но в перерывах между исполнением генеральских обязанностей он успел расспросить о том, что за нужда привела частных детективов на Гранделин. И не спускал с Дженни глаз, в которых нет-нет, да и мелькали жаркие искры.

— Мы разыскиваем на Гранделине солдата, ваша милость, — ответил Квестин, с тревогой следя за тем, как спутник пожирает глазами Дженни.

— Он заподозрен в преступлении? — перебил Квестина генерал. — Мои солдаты получают полную амнистию, так что вам не удастся наложить на него руки, мистер сыщик, — и лорд старательно улыбнулся, чтобы показать, что это шутка.

Дженни поняла: улыбка — нечастая гостья на этом лице парадной статуи. Что за чудеса? Холодный, как мрамор, генерал, изменив своим наклонностям, шутит исключительно ради нее? Ну ведь не ради Квестина же!

— Ну что вы, ваша милость, — постарался ответить в тон Квестин. — Разве мы посмеем лишить вашу армию хотя бы одного воина? Нет, юношу разыскивают родственники. Вопросы наследства, семейные заботы... нечто в таком духе. Нам известно лишь имя и часть, к которой этот солдат был приписан в Эвероне. Что же до его нынешнего места пребывания...

— Я велю выяснить. Нужно же вам воспользоваться такой okazji, как знакомство с самим главнокомандующим? — Повелитель Огня снова чуть раздвинул губы в тонкой улыбке. Вторая улыбка за время знакомства! Чудо, чудо... — Когда приедем в мою резиденцию, отправлю адъютанта, чтобы разузнал.

— Так мы направляемся в резиденцию! — поразила Дженни.

— Насколько я понял, ночевать вам негде, — ответил лорд. — если я размещаю на ночлег тысячи солдат, то о двух путешественниках просто обязан позаботиться.

Тут подъехал очередной посыльный... Потом лорд заговорил о предстоящем приеме в честь принца — Погонщика Ветра... и снова его прервало появление гонца. Опомнилась Дженни только в здании, которое в мирное время было резиденцией губернатора Абадоха, а теперь там расположился штаб генерала Истригса-младшего. Это мощное сооружение больше напоминало крепость, чем дворец, но смотрелось внушительно в сравнении с остальным городом, слепленным из глины и пропеченным южным солнцем. Трехэтажная громада белого камня с узкими, похожими на бойницы, окнами — и в этом здании Дженни с Квестином отвели две комнаты!

Генерал простился с ними у входа и даже извинился, что, увы, не может продолжать приятную беседу, так как занят делами армии и подготовкой к приему... на котором будет счастлив увидеть миссис Дженнифер. Да, и ее почтенного родича, разумеется, тоже.

Это было слишком странно, чтобы нашлось логичное объяснение. Слишком хорошо для

правды, слишком похоже на сон — но этот сон не заканчивался.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Остаток дня Дженни провела, перебирая вещички в саквояже. Надеть на торжественный прием было абсолютно нечего! Квестин выбил пыль из сюртука и счел, что он готов. Дженни позавидовала его уверенности. Если бы она могла только предположить, что поездка на войну может обернуться торжественным приемом!

Да скажи ей кто в Эвероне взять с собой бальное платье и туфельки, вот Дженни бы посмеялась! Но какая разница? Ведь у нее не было бального платья и туфелек — ни в Эвероне, ни, тем более, здесь. Только и осталось, что брать пример с «дяди» и выбивать пыль из мятого костюма.

Вечером им принесли ужин, доставил его солдат. И пояснил, что это с кухни главнокомандующего, приказ его милости. Еще удивительнее было то, что вскоре после солдата их посетил адъютант генерала и сообщил, что рядовой Ирви Сервейс проходит службу во втором батальоне одиннадцатого полка пехоты. В настоящее время это подразделение входит в гарнизон крепости Одвик.

— Да это же то самое место, городок на Весперовом Колене! — вспомнила Дженни. — Его осадили Погонщики Ветра!

— Не пройдет и недели, как осада будет снята, — твердо отрезал адъютант. — И вы сможете попасть в Одвик. Именно туда направлен предстоящий поход. Если выступите с армией, то встретитесь с рядовым Сервейсом даже раньше.

— А это можно? — тут же спросила Дженни. — Скажите, господин офицер, будет ли нам дозволено следовать с армией?

Адъютант немного подумал и доверительно сообщил:

— Не могу сказать наверняка, но, кажется, его милость генерал Истригс к вам расположен. Попросите его.

Разбудил Дженни стук. И раздавался он за окном. Кто-то дробно колотил то по карнизу, то по стеклу. А если учесть, что комната находилась на втором этаже, то стук казался еще более странным. Дженни выползла из-под одеяла, потянулась, сморщилась от боли в плече и, завернувшись все в то же одеяло, поплелась к окну. По другую сторону стекла сидела ворона. Покосилась на девушку круглым блестящим глазом и снова стала долбить клювом в щель между рамой и стеклом. Возможно, туда спряталась букашка и ворона пыталась выковырять добычу.

— Ты не настоящая ворона, — заявила птице Дженни. — То ты была чайкой, а теперь дятел. Так кто же ты на самом деле?

— Кар! — ответила птица.

Дженни поправила сползающее с плеча одеяло и спугнула птицу этим движением. Ворона с громким хлопаньем крыльев взвилась в небо, но Дженни не глядела ей вслед, она уставилась на собственное плечо. Синяк за ночь расплзся по всему предплечью и захватил область ключицы. А может, это противное синее пятно с зеленоватыми краями было уже вчера? И уж не это ли украшение привлекло внимание генерала Истригса? Когда Дженни растянула слишком много дурацких пуговиц на блузке? Что, если прекрасный генерал Истригс внимателен к подобным мелочам, что, если путь Хогорта ему не чужд?

Оставалось утешать себя тем, что, какой бы ни была причина, лорд Сертиас был отменно обходителен. А что касается пути Хогорта, то нужно просто пройти чуть дальше — к тому пункту, где мелочами уже можно начать пренебрегать.

Успокаивая себя этими мыслями, Дженни натянула мятый потертый костюм. Что мятость? Что потертости? Это же мелочи! Вот выставлять ли напоказ синяк... это вопрос! Что, если все-таки именно синяк понравился Сертиасу? Нет! Даже если так, истинной леди не следует при первом знакомстве слишком поощрять кавалера. Дженни решительно застегнулась до самого горла. И вовремя — в дверь постучали.

Солдат, тот же, что и вчера, доставил завтрак и объявил, что ровно в полдень почтенным господам надлежит быть в главной зале. Прием начнется в полдень.

Квестин молча покачал головой. Он и вчера мало разговаривал — пытался осмыслить происходящее. Да только ничего у него не вышло — это Дженни уже поняла по верному признаку: он не пытался дать Дженни кучу советов, как себя держать с лордом. Значит, пребывает в растерянности, а то бы все уши прожужжал своим обычным ворчанием.

— А как найти главный зал? — спросила она.

Солдатик задумался. Наконец изрек:

— Это на первом этаже, легко отыщете. Ближе к полудню спускайтесь, барышня, и глядите, куда все в золоте и позументах идут. Стало быть, и вам туда.

— Хм, а у нас — ни золота, ни позументов, — Дженни оглядела себя и «дядюшку». — Может, нас туда не пустят, а?

— Я бы на это не слишком рассчитывал, — вздохнул отставной префект.

В большом зале было очень людно, а значит, жарко и душно. Поскольку узкие окна не пропускали достаточно света даже в полдень, пришлось зажечь несколько десятков свечей в литых канделябрах, подвешенных на цепях к потолку. Свечи добавляли тепла, которого и так было в избытке. Не меньше сотни человек, прикинула Дженни, оглядев помещение.

Вдоль стен выстроились гвардейцы в тяжелых блестящих кирасах. По их бесстрастным лицам текли капли пота, по зеркально-гладкому металлу доспехов ползали отблески огня. Но отлично вышколенные воины не меняли поз, даже не шевелились.

В середине просторного зала собрались высокопоставленные эверонцы, здесь присутствовали высшие офицеры армии, а также все Повелители Огня, оказавшиеся в городе. Правда, за исключением деда и внука Готвингов, лорды состояли в армии и, стало быть, как раз и являлись высшими офицерами. В первом ряду, разумеется, находился главнокомандующий, и Повелители Огня группировались около него. Чем дальше от Истригса, тем более низкие чины сумели отыскать себе местечко. В дальнем углу зала темнели сюртуки и камзолы чиновников городской администрации Абадоха. В мирное время они были здешней элитой, а теперь их оттеснили блестящие армейцы.

Среди чиновной братии и собрался пристроиться Квестин, но Дженни попала на глаза Сертиасу Истригсу, и великолепный полководец, покинув место в центре темных плащей с красными подкладками, устремился навстречу ей.

— Миссис Дженнифер! — приветливо провозгласил он. — Извольте занять место

рядом со мной! Мистер Квестин...

Подхватив Дженни под руку, генерал увлек ее к центру блестящего собрания, и она, торопливо семеня за таким провожатым, почувствовала, как жар заливает щеки. Ведь в зале было очень душно, верно?

— Лорды, — вещал тем временем Сертиас, — позвольте представить вам эту отважную даму, миссис Дженнифер. Она честный детектив, и осчастливила нас своим присутствием благодаря счастливому стечению обстоятельств. Выполняя обязанности секретаря детектива Квестина, она уже провела на днях первое задержание преступника на Гранделине. Вы все, разумеется, слышали об этой истории, а вот перед нами и ее героиня!

Искренности в ответных улыбках Повелителей Огня не хватило бы, и чтобы ратлеру на зуб положить, зато их, этих улыбок, было много. Дженни, совсем растерявшись, торопливо приседала в положенных поклонах, обращенных к целой толпе Повелителей Огня — оптом, так сказать.

Иным обитателям Эверона доведется провести всю жизнь в тени Вулкана, не повстречав столько лордов сразу — а Дженни не только стоит рядом с ними, они улыбаются и приветствуют ее. Как быть? Возгордиться? Или провалиться сквозь пол от смущения?

Среди Повелителей Огня Дженни заметила Уотса Готвинга, с которым как-то очень мило поболтала на палубе «Удачи», а далеко за спиной юного лорда маячила круглая физиономия Реми. Стало немного легче. Дженни даже смогла заговорить.

— Благодарю, ваша милость. Большая честь для меня. Благодарю, господа. Если позволите, я займу место, подобающее моему скромному...

— Именно! — перебил ее Истригс. — Подобающее место! Сегодня это место — рядом со мной. Окажите любезность, будьте моей спутницей на нынешнем приеме.

А поскольку рука великого полководца была твердой, и локоть Дженни лорд так и не выпустил, ей волей-неволей пришлось занять указанное местечко. Теперь Повелители Огня толпились позади нее, а Дженни обернулась к ним спиной. Верх бестактности. Будет, о чем внукам рассказать! Если доживешь до внуков, конечно... вон как лорды косятся, когда думают, что Дженни не замечает.

А Квестину пришлось отступить к задним рядам, на него милость Повелителя Огня не распространялась.

Вбежал, гремя оружием, сержант — судя по громадному росту, из личной гвардии генерала — и, торопливо отвешивая поклоны блестящему собранию, доложил:

— Ваши милости... господин генерал! Он въезжает в ворота!

— Отлично, — обернулся Сертиас-младший к свите, — принц необычайно пунктуален.

Ответом были кивки и вежливые улыбки, но Дженни ощутила ауру негатива, зависшую в душной влажной духоте над лордами. Далеко не все здесь желали успеха генералу, но он поставил аристократов Вулкана в такое положение, что откровенно высказаться вслух было неуместно. Сейчас Сертиас Истригс-младший олицетворял собой весь Эверон. И его поражение станет поражением страны. При этом он вел собственную игру, смысла которой Дженни не понимала. Да и откуда бы ей понимать, какая каша варится на вершине Вулкана — ей, одной из тысяч и тысяч тех, кто копошится у подножия?

Тут Дженни на глаза попались двое в одежде, далеко не парадной. Они пристроились под стеной, между застывшими солдатами охраны и что-то быстро-быстро черкали в блокнотах. Время от времени они торопливо оглядывались, а руки с грифелями так и мелькали над шуршащими страницами. Когда один повернулся боком, Дженни разглядела на

блокноте знакомую эмблему газеты «Вечерний Эверон». Респектабельная газета на белой бумаге, ее читают в центре, у основания горы. Так это же репортеры, осенило Дженни!

А тем временем новые гонцы докладывали о продвижении высокого гостя по Абадоху: он проехал посты полиции на перекрестках, он миновал рыночную площадь...

— У виселицы остановился? — спросил вестника генерал.

— Так точно! Остановил коня, глядел минуту. Улыбался.

— Улыбался? Отлично.

Истригс-младший следил за донесениями, как за сводками с поля сражения, и Дженни стала подозревать, что именно здесь и сейчас решается исход войны. Каким образом, ей не понять, но от результатов этой встречи будет многое зависеть. О госте генерал словно забыл, и Дженни рискнула спросить:

— А что мне надлежит делать? Ну, когда появится этот, как его, принц?

Сертиас бросил на нее быстрый равнодушный взгляд

— Ничего особенного, миссис. Будьте собой. Можете улыбнуться принцу Сакхлиху — говорят, он красивый мужчина. Больше естественности!

— Естественность велела бы мне встать где-то в задних рядах, — пробормотала Дженни.

— Только не сегодня! Не сегодня, миссис, — генерал уже глядел не на нее, а на дверь, за которой грохотали сапоги торопливого вестника.

Вот очередной солдат доложил о том, что принц уже спешивается перед входом в здание... Все притихли. До сих пор свита лорда и толпа зрителей попроче вполголоса переговаривались, так что под сводами зала повис монотонный шум... но сейчас установилась такая тишина, что Дженни расслышала шарканье ног и бряцанье шпор задолго до того, как стражники распахнули дверь перед посольством Погонщиков Ветра.

Первым в зал вошел рослый и очень широкий в плечах мужчина — это, конечно, был принц Сакхлих, главнокомандующий Погонщиков Ветра, разгромивший армию Эверона, герой Гранделина — и в этом качестве личный соперник генерала Истригса. Дженни впиалась взглядом в принца... увы и ах, в нем не нашлось ничего от образа, когда-то придуманного покойным Бурмалем. Рослый и стройный Погонщик Ветра обладал на редкость тонкой талией, что подчеркивал роскошный пояс, украшенный золотыми бляхами. Этот пояс оттягивали ножны тяжеленного меча со слегка искривленным клинком. Пояс и ножны оказались усыпаны бесчисленными самоцветами, засверкавшими сотнями солнц в огнях свечей. Особенно выделялся пронзительно-голубой сапфир, венчающий рукоять.

При тонкой талии принц Сакхлих обладал такой развитой грудной клеткой, что могло показаться: именно оттуда он исторгает свои знаменитые ураганы. Но в лице великого полководца не было ни тяжеловесности, ни ощущения силы. Тонкий нос, чуть припухлые губы, красиво изогнутые брови, будто нарисованные углем.

Репортеры «Вечернего Эверона» заработали грифелями с удвоенной энергией, да здесь и впрямь было, что запечатлеть для истории. Когда лорд Сертиас шагнул навстречу послу, и эти двое на мгновение замерли, оценивая друг друга, картина получилась потрясающая!

Уже только потом, когда предводители армий заговорили, Дженни смогла оторвать взгляд от этой пары и рассмотреть свиту Погонщика Ветра. Там собрались смуглые

мужчины с обветренными лицами, бородатые, угрюмые. Тяжелые ладони покоились на рукоятках тяжелых кривых клинков, но ни один не был и вполтину так великолепен, как принц Сакхлих. Они были... слишком обычными. Они даже немного напоминали папашу Бурмаля в гриме.

— Приветствую вас, принц, — размеренно и спокойно, своим обычным тоном, произнес генерал Истригс, — благодарю, что приняли мое приглашение.

— И я благодарю за любезность, — голос Погонщика Ветра был чуть хрипловатый, теплый и густой. Он обволакивал, как южный ветер. — Буду рад выслушать ваши предложения.

— Так сразу переходите к делу? — лорд Сертиас отступил на шаг и снова оказался во главе своей свиты, то есть рядом с Дженни, почти касаясь ее плечом. — Что ж, извольте. Наш парламент уполномочил меня сделать вам мирное предложение.

— Я надеялся на это! — улыбнулся принц. — После вашего поражения. Итак, каковы же условия? Я надеюсь, вы не станете отягощать мой слух долгим перечнем параграфов. Оставим мелочи секретарям! Извольте назвать главные позиции договора, который готов подписать Вулкан.

— Мы предлагаем совместную эксплуатацию серебряных рудников. Разумеется, сами копи останутся под управлением Эверона, но мы готовы согласиться на присутствие ваших чиновников, которые будут иметь право контроля. Мы готовы предложить Погонщикам Ветра семь процентов от прибыли. Я имею в виду, от чистой прибыли, после вычета необходимых расходов. Мы предъявляем права на территорию, именуемую Матарханскими горами, с тем, чтобы ваши военные части не приближались к этой границе ближе, чем на расстояние дня пути. Мы готовы предоставить вашим караванщикам снижение пошлин на торговлю в наших портах...

Сертиас говорил — твердо, четко, размеренно, а принц все больше хмурил свои роскошные черные брови. Его глаза наливались яростью, это Дженни видела очень ясно. И у принца были все основания для гнева — Повелитель Огня излагал условия, приличествующие выигравшей стороне, тогда как Эверон до сих пор терпел одно поражение за другим. Сакхлих приехал сюда как победитель, он ждал если не капитуляции, то уж точно огромных уступок.

— Семь процентов? — перебил он генерала. — Почему не шесть? Или не пять с половиной?

Голос принца взлетел, сразу утратив приветливость. Он нарастал и креп резко, как ураган в степи.

— Эверон щедр, — принц оставался по-прежнему спокоен. — Семь, это разумная доля.

— О, конечно! — на щеках Сакхлиха проступили яркие алые пятна, странно четко очерченные на ровном загаре. — Но вы вынуждаете меня напомнить, что и сами рудники, и Матарханские горы сейчас в наших руках!

Спутники Погонщика стали переглядываться за его спиной, в толпе позади генерала тоже возникло движение. Похоже, никто понятия не имел, что именно скажет Сертиас послу — для эверонских вельмож его слова тоже оказались неожиданными!

— Это верно, — чем больше ярился принц, тем спокойнее и неторопливее цедил слова Повелитель Огня. — Сейчас они у вас, но долг правителей велит нам думать о будущем. А будущее — за Вулканом. Я высадил в городе десять тысяч солдат. Они уже отдохнули и готовы к маршу. Сперва на Одвик, который будет освобожден от осады, затем на юг, к горам.

Рудники вернутся под наше управление, это неизбежно, и я предлагаю вам достичь этого итога без ненужного кровопролития.

— Десять тысяч, — прошипел Сакхлих, кривя красиво очерченные губы в злобной гримасе. — Вы привезли их сюда, воспользовавшись перемирием. Я рассчитывал на ваше благоразумие, и предоставил время, которое вы использовали для переброски новой армии! Как это... по-эверонски!

— Тем не менее, их десять тысяч. И они здесь.

— О, я знаю, сколько у вас солдат! В Абадохе немало людей, сохранивших верность Погонщикам Ветра! Мне известен всякий ваш шаг, я могу в любой миг сосчитать количество пуговиц на мундирах солдат Эверона! Десять тысяч! Да у меня только в лагере у стен Одвика больше двадцати! А стоит мне послать клич с подвластными мне вихрями, и за оружие возьмется втрое больше храбрецов! Десять тысяч! Ха!

Он уже был разъярен — как казалось Дженни, до предела. Но Сертиасу этого было недостаточно, он решил еще поддать огоньку. Вот тут-то он и обратился к Дженни:

— Мисси Дженнифер, вам ведь известно значение слова «самонадеянность»? Если нет, то именно сейчас вы можете наблюдать, что это такое. Дорогой принц, поверьте, я сделал вам самое щедрое предложение, какое только можно было выжать из нашего скупого парламента, ибо я высоко ценю вашу славу воина. Мне не хотелось бы разрушить ее. Воспользуйтесь своими временными успехами на поле брани, заключите мир с Вулканом на льготных условиях!

Издевается, догадалась Дженни. Точно ведь издевается! Только зачем? И какого Веспера вынуждает участвовать в этой игре ее? А принц Сакхлих уже глядел на Дженни, и этот взгляд был подобен урагану. В глазах Сакхлиха скакали торнадо и смерчи.

— Не смотрите так, ваша милость, меня сдувает, — пролепетала она, едва соображая, что говорит.

— Это верно, дама, — тихо произнес принц, и Дженни видела, что он едва сдерживается, — довольно пустых взглядов! Теперь нас рассудит только меч и ветер степи!

Стало тихо, поэтому звон шпор, когда принц Сакхлих резко развернулся, прозвучал особенно злобно и пронзительно.

Молчание держалось еще долго после того, как звон золоченых шпор стих за дверью. Наконец генерал Истригс нарушил его и произнес:

— Отлично. Удалось, господа! Мы исполнили свою часть плана, теперь дело за солдатами.

— Довольно рискованный план, ваша милость, — хрипло произнес кто-то из армейских. И тут же закашлялся, испугавшись собственной смелости.

— Именно так! — обернулся к нему лорд. — Удача улыбается смелым. И расчетливым. Первого у принца Сакхлиха в избытке. Нам остается второе. Итак, за работу, господа!

Он, задрав подбородок, оглядел толпу придворных и продолжил:

— Вы знаете, что делать. Каждому должна быть известна его часть общего плана, постарайтесь исполнить ее как можно лучше. То есть, не отступая от инструкций, в этом залог успеха. Помните, что поражение для нас подобно смерти, а залог победы — точность в выполнении приказов. Действуйте, господа, действуйте. Я хочу, чтобы армия выступила в поход сегодня же, как и было намечено. У Погонщиков Ветра не должно оставаться времени на обдумывание своей стратегии, пусть используют ту, что мы им навязали. Действуйте!

Последнее слово прозвенело, как хлопок бича, которым пастух направляет стадо. Да и по воздействию было похоже — свиту генерала, такую вальяжную и неторопливую, сдуло, как если бы на них дохнул Погонщик Ветра. Едва ли не отпихивая друг друга, сановники и офицеры бросились к выходу. Мгновенно около Дженни и Сертиаса не осталось никого.

— Ваша милость, что это сейчас было? — спросила она, заглядывая в лицо генерала.

А тот спохватился, вспомнив о ней.

— А, миссис Дженнифер! Не беспокойтесь, вы свою роль сыграли отменно. А последняя фраза была поистине восхитительной, куда лучше, чем я мог рассчитывать! — лицо лорда осветила еще одна холодная мраморная улыбка.

— Последняя фраза, она же первая и единственная. Боюсь, ваша милость, я даже не знаю, какую именно роль я только что сыграла... отменно.

Однако главнокомандующему было недосуг просвещать Дженни. То, что он велел подчиненным, относилось в первую очередь к нему самому. Когда армия выступает в поход, больше всего забот у генерала.

— Это неважно. Не зная роли, вы не могли исполнить ее фальшиво. Естественность, вот что мы ценим в нашем добром народе. А нарочитая наигранность лишь испортила бы дело.

Генерал поглядел, как спешат покинуть зал подчиненные, и быстро закончил:

— Мой адъютант выяснил, что вы собираетесь в Одвик. Я благодарен вам за участие в сегодняшнем приеме, поэтому можете рассчитывать на полное содействие моих офицеров. И, конечно, место в обозе для вас и вашего родственника будет выделено. Мы вместе отправимся к Одвику и вместе войдем в него. А сейчас — прошу извинить, дела.

И Дженни осталась одна посреди зала. В дверях толпа расступилась, чтобы освободить проход Истригсу, затем снова началась толкотня. Чуть в стороне Дженни заметила лорда Готвинга: вот старик как раз никуда не спешил. Наверное, потому, что не занимал в армии и городской администрации никакого поста, а был приглашен только по принципу родовитости — все Повелители Огня, оказавшиеся в Абадохе, обязаны были присутствовать. Поблизости от лорда переминался с ноги на ногу его безмолвный вечно растерянный внук и, конечно же, господин секретарь второго ранга Реми. Мечта толстяка сбылась — он стал свидетелем исторического события!

Удивительнее всего было то, что лорд неспешно беседовал — и с кем же? С «дядей» Квестином! Вот как! Во время плавания на «Удаче» у них была возможность шушукаться наедине, и его милость брезговал, а тут! На глазах у всех! Хотя какие глаза — больше спины и зады, теснящиеся у выхода...

Делать было нечего, и Дженни, с некоторым смущением приблизилась к беседающим.

— А, наша героиня, — приветствовал ее лорд Готвинг. — Не смущайтесь, об этом скоро забудут. Это было вполне в духе Сертиаса, за ним числится полным-полно подобных поступков.

— Да каких же поступков, ваша милость? — взмолилась Дженни. — Что это было, зачем? Почему я?

— Потому, дитя мое, что за два дня в Абадохе я не встретил ни единой хорошенькой девушки, кроме вас, — с неожиданным сочувствием улыбнулся лорд.

Дженни удивилась — Повелитель Огня снизошел до объяснений? Да еще таких благожелательных? Опять загадка! Откуда столько доброты в лорде Вулкана, который

ушиблен мыслями о собственной мудрости?

— Прошу прощения, ваша милость, — вмешался Квестин, — мы люди скромного положения, не разбирающиеся в интригах. Не могли бы вы...

— Ну, конечно! — перебил его Готвинг. — Здесь нет никаких тайн. Но...

Он быстро оглянулся, чтобы оценить, не подслушивает ли кто их беседу. Последние свитские исчезали в дверях один за другим.

— Идемте и мы, — пригласил лорд, — негоже торчать посреди зала на глазах гвардейцев.

В коридоре он остановился в полутемной нише и, понизив голос, заговорил:

— Вы обратили внимание на цифру «десять тысяч»? И принца она не удивила. Да Абадох набит лазутчиками Погонщиков! И они сосчитали наших людей. В городе высадилось около десяти тысяч солдат, это верно, наш генерал сказал чистую правду: «Я высадил в городе десять тысяч солдат». Остальные, а их гораздо больше, сошли на берег в других местах, и о них врагу неизвестно. Во всяком случае, я на это надеюсь. Вы видели в Абадохе троллей? А гоблинов? То-то и оно. Наши лучшие части, следует признать, укомплектованы нелюдями. И они не здесь, Сакхлих о них вряд ли знает.

— Но мое присутствие на приеме... — решила вставить Дженни. — Лорд Сертиас нарочно раздражил Сакхлиха, чтобы тот...

Она оглянулась на Реми и младшего Повелителя Огня. Те стояли рядом и делали вид, что не слушают. Притворялись, ясное дело.

— Чтобы тот потерял голову и жаждал новой решительной схватки, — еще тише подхватил лорд, — Сакхлих должен был прийти в ярость, и Истригсу-младшему удалось этого добиться. В войне с Погонщиками Ветра самое сложное — заставить их принять открытый бой. В прошлой кампании они долго водили нашу армию по пустошам и ускользали всякий раз, когда мы пытались вступить в бой. Ну а когда войско Эверона выдохлось, когда подошли к концу припасы, не осталось хорошей воды... Сакхлих показал себя гением маневренной войны!

— Ну а теперь он встретит нас у Одвика! И никуда не денется! — осенило Дженни.

— Битва на Весперовом Колене, как звучит, а? Именно так напишут в газетах, а после — в учебниках истории. Сертиас знает, как подать новость. Хорошо оформленная статья в «Вечернем Эвероне» значит не меньше, чем победа в сражении. Вы только вообразите себе заголовок: «Битва на Весперовом Колене»! И портрет нашего героя на коне с обнаженным клинком.

Дженни представила. Прачкам прибавится работы — немало платков придется отстирывать от девичьих слез! Как увидят портрет генерала Истригса, так и зарыдают от восторга и умиления. Взахлеб.

— Ну и наконец, вы, дитя, — обратился к ней старый лорд. — Сакхлих был оскорблен в присутствии дамы! Это придало сцене особый привкус. На вашем месте могла оказаться любая девица, достаточно привлекательная, чтобы пылкий южанин обратил на нее внимание. И захотел бы покрасоваться перед ней.

— Вовсе он не красовался, — пробурчала Дженни, но совсем вяло, без напора. — Он злился. Очень.

Ей наконец-то все-все стало понятно. Лорд сделал ее игрушкой. Даже не актером, а декорацией! Ведь смысл роли Дженни никто не объяснил. Чтобы Сакхлих лучше разозлился, на него должна была глядеть молодая дама. Пусть не родовитая, оборванная, с

неухоженной прической и с синяком в полплеча... Рука сама собой потянулась ощупать пуговицы — все ли надлежащим образом застегнуты? Надежно ли скрывают дурацкий синяк?

Дженни стало обидно, и больше всего захотелось погрозить кулаком этому холодному и расчетливому Повелителю Огня, этому заносчивому задаваке, этому... этому Сертиасу. Вечер его забодай, младшему. Захотелось доказать ему, что Дженни — не декорация! Она способна на большее! Она такие роли играла! Ох, как захотелось бросить ему ворох упреков в каменное лицо... Но, увы, это было совершенно невозможно. Где и как? На вершине Вулкана, в одной из роскошных вилл с окнами из алого хрусталя? Пустят туда Дженни ниоткуда, как же...

Наверное, ее раздражение слишком явно проявилось на лице, так что даже холодный и самодовольный старик Готвинг счел нужным пробормотать в утешение:

— Я уже говорил, поступок вполне в духе молодого Истригса. В его руках люди — не более, чем фигуры на игровой доске. Да и не он один, все наши лорды таковы.

— А вы? — вырвалось у Дженни. — Ой...

Она тут же заткнулась, сообразив, что сболтнула лишнее.

— Прошу прощения, ваша милость.

Старый лорд махнул рукой:

— Что до меня, я предпочитаю людям животных. Они честны, и с ними можно позволить себе быть честным. Кстати, о животных!

Квестин, до сих пор молча кивавший, пошевелился, чтобы дать понять лорду, что он полон внимания. Ведь зачем-то старик разоткровенничался, зачем-то выложил кучу военных секретов! Значит, ему что-то нужно.

— Кстати, о животных, — повторил Повелитель Огня, — Все утро над этим зданием кружила ворона. Слишком крупная, на Гранделине живут птицы помельче, другая порода. Я вспомнил о ваших наблюдениях на «Удаче» и попытался разговорить птицу.

— А это оказалось возможно, ваша милость? — вставил Квестин. — Удивительно! Я поражен вашими талантами.

Дженни мысленно сделала себе заметку на память: вот так следует говорить с их милостями лордами Вулкана.

Морвиг Готвинг кивнул, похвала не была для него чем-то особенным, Квестин просто проявил вежливость.

— Я уже говорил: думаю, мне далеко до талантов истинных Говорящих Со Зверями. Но некие образы я уловил. Ворона хорошо выдрессирована, лишь поэтому мне удалось установить с ней... назовем это контактом. Птица в самом деле попала сюда из Эверона. Образ города с огромной горой над ним был не слишком четким, но Вулкан уникален, его трудно не узнать. Птица сопровождает человека, это я тоже установил достаточно точно.

— Не удивительно, с вашего позволения, — вставил Квестин.

— Это логично. Но дальше! Этот человек следит за двумя путешественниками, за родичами. Во всяком случае, образ одной семьи, гнезда, яиц одной кладки, что-то в этом роде. Один постарше, другой, помоложе, худой, легкий. Это я более или менее уловил. Рядом с этими двумя может появиться еще некто, вот он и интересуется хозяина птицы.

— Ваша милость думает о Черной Руке? — едва слышно произнес Квестин.

— Я попытался спросить ворону, есть ли в этой паре, за которой следят... э-э... сложно сформулировать в словах нашей речи. Я спросил, есть ли в них огонь? Животные чувствуют наше дарование, знаете ли. В одном точно есть, ответила птица. Больше мне не удалось ничего

узнать. Но и того, что я изложил, было достаточно, чтобы заволноваться. Признаться, поначалу я не придавал вашему наблюдению должного значения. И, как теперь признаю, зря!

— Понимаю вашу милость, — заверил Квестин. — Два родича из Эверона, огонь... но прошу прощения, огонь — только в одном?

— Насчет одного птица была уверена, — с досадой пояснил старший Готвинг. — Увы, огненный талант моего внука слишком мал... это одна из причин, по которой я увез его с Вулкана. Прошу вас, будьте внимательны, держитесь подле меня. Подле меня и внука. Я не уверен, что Уотс сумеет за себя постоять. Нам предстоит марш, военный переход... в пути может произойти всякое, и кто захочет разбираться в смертях, которые случились на войне? После сражения на Весперовом Колене убитых будут считать тысячами!

Старший Готвинг был в самом деле очень серьезно встревожен. Вот и поспешил заручиться верностью Квестина. Почему-то лорд, хотя и взял в дорогу телохранителя, внезапно проникся верой в таланты отставного префекта. С другой стороны, был ли у него выбор? Не было. Все слуги и тайная стража Вулкана остались по другую сторону моря.

Но зато теперь понятно, откуда в нем столько сочувствия. Хитрый старик рассчитывал на верность, основанную не только на деньгах.

— Генерал обещал нам местечко в обозе, — пробормотала Дженни.

— К Весперу обоз, вы будете в моей свите, — отрезал Готвинг.

Глава 5. Весперово Колено

Бывалые путешественники на жарком Гранделине предпочитают отправляться в дорогу ночью. Поэтому Реми явился к Дженни и Квестину поздним вечером.

— Прошу вас, — пробубнил он, глядя в пол, — занять места в фургоне его милости.

— Похоже, ты не рад, что мы отправляемся на войну? — подколола старого приятеля Дженни. — Да еще в таком чудесном обществе.

— Война не так уж страшна, — еще тише ответил господин секретарь второго ранга. — А вот твое общество...

Смысл его слов Дженни поняла чуть позже, когда пассажиры стали размещаться в фургоне, выделенном Повелителю Огня. Это было длинное сооружение с бортами из толстых досок и с узкими окнами. Из таких удобно отстреливаться из арбалетов, если в пути попадешься в засаду. Уж в подобных вещах у Дженни был богатый опыт. Фургонов она перевидала на ярмарках немало, а в одном так даже провела большую часть жизни.

Место возницы занял молчаливый широкоплечий тип, слуга и, вероятно, телохранитель лорда Готвинга. А внутри фургон был разделен перегородкой на две части. Впереди были сидения, на которых расположились Повелители Огня и Квестин. Свободное пространство заняли вещи лордов.

Задняя часть предназначалась для багажа — такие фургоны, как объяснил Реми, в мирное время совершали регулярные рейсы между городками на побережье и в ближайшей округе. Их довольно мало, потому что у моря больше пользовались каботажными судами. Ну а сейчас все повозки в Абадохе конфискованы генералом Истригсом для нужд армии. Этот фургон достался Готвингам, потому что остальной транспорт еще хуже.

Так вот, теперь задний отсек предназначался для менее важных пассажиров — то есть Реми и Дженни. Ночь наедине! Этого-то и опасался господин второй секретарь.

— Не бойся, — заверила его Дженни, — нас ждет романтическое путешествие. Ты его на всю жизнь запомнишь!

— Я был бы весьма признателен, если бы ты воздержалась от своих обычных шуточек, — вдохнул толстяк, — я собираюсь использовать эту ночь для работы. У меня с собой кое-какие документы, хочу их почитать.

— Обычных шуток не будет! Я придумаю что-нибудь уникальное, — пообещала спутница. — И к утру ты будешь готов яростно броситься на Погонщиков Ветра, лишь бы оказаться подальше от меня.

Когда все разместились в повозке, она со скрипом тронулась с места. В узких оконцах проплывали серые слепые стены глиняных домов Абадоха, шуршала пыль под колесами, скрипели ступицы, фыркали лошади...

За городом их фургон оказался в длинной-предлинной веренице упряжек, на каждой повозке горел фонарь, и нескончаемая огненная река текла по пустыне. В стороне огоньки отмечали путь продвижения колонн пехоты, иногда фургон обгоняли отряды всадников. Генерал говорил о десяти тысячах эверонских солдат в Абадохе, к такому войску прилагался огромный обоз, а теперь вся эта масса людей и животных устремилась в путь.

Реми подвесил к потолку масляную лампу, вытащил пачку исписанных листов и погрузился в чтение. Дженни попыталась подсесть ближе и бесцеремонно заглянуть в его

записи, но Реми не позволил:

— Это дипломатическая документация, так что держись, пожалуйста, подальше.

— Вот еще! На дипломатических депешах всегда стоят печали! А у тебя просто какие-то записочки. Любовные, небось? Вот я расскажу Эльсбетиноре.

Реми не ответил. Похоже, угроза его не впечатлила:

— Это секретные циркуляры, поэтому без печатей. Дженни, почему бы тебе не поспать?

— Эту возможность я оставляю на крайний случай, если не удастся придумать ничего более захватывающего. Но, похоже, общение с тобой не так увлекательно, как сон. Пожалуй, займусь и я делом.

Дженни достала свой блокнот, в котором все страницы пока что были чистыми, за исключением двух, изрисованных сердитыми рожицами. Она стала чиркать грифелем, старательно пытаясь попасть в такт дорожной тряске. И при этом бубнила себе под нос. Сперва что-то откровенно неразборчивое, потом закончила более отчетливо:

— ...Под видом секретных дипломатических документов. Хотя нет сомнений, что на самом деле он шпион Погонщиков Ветра и составляет донесение для принца Сакхлиха о тайных планах нашего штаба. Точка.

Наконец-то Реми не выдержал. Он прекратил чтение и, хлопая глазами, уставился на Дженни:

— Ты что там шепчешь?

— Я пишу донос. Нашла шпиона в наших рядах. Нужно как следует проверить документы, которые он таскает с собой.

Хотя даже слепому было видно, что это шутка, Реми всполошился:

— Ты кого имеешь в виду? Кто шпион? Какой еще шпион? Зачем проверять документы?!!

— Шпион Погонщиков Ветра, — обстоятельно объяснила Дженни. — Они всегда ближе, чем кажется. И могут принять любое обличье, чтобы втереться в доверие. Сейчас, на марше, наша армия особенно уязвима. И вот шпион сообщает об этом Сакхлиху, принц посылает летучие отряды, чтобы напасть на нас в походе...

Ее перебил шум, проникший снаружи сквозь узкие окна. В степи что-то происходило — кричали люди, ржали лошади.

— А вот и они! Легкая кавалерия Погонщиков! — удовлетворенно отметила Дженни.

Но это, разумеется, не было нападением неприятеля. Река из огоньков, в русле которой оказался фургон лорда Готвинга, встретилась с другой такой же бесконечно длинной рекой — еще одна колонна присоединилась к шествию. Вдалеке проревел тролль, и Дженни поняла, что войско, исполняя план генерала Истригса, соединяется для общего удара всеми силами.

И тут же, словно напоминание о том, что планы строит не только лорд Сертиас-младший, над головой Дженни отчетливо каркнула ворона. Загадки и тайны, преследующие Дженни ниоткуда, следовали той же дорогой, что и планы генерала. А кстати! Тайны и загадки! Дженни бросила быстрый взгляд на бумагу, которую так и не выпустил прильнувший к окну Реми. Пока он подслеповато моргал, вглядываясь в мельтешение огоньков, кое-что удалось разглядеть. Во всяком случае, одно имя, но и это многое объясняло!

А господин второй секретарь еще некоторое время любовался движением в ночной

степи, потом отодвинулся от окна и внимательно посмотрел на Дженни.

— Не подействовало! — заявил он.

— Что не подействовало?

— Вот эти подколки. Если заглянуть в твой блокнот, там не найдется никаких доносов.

— А если заглянуть в твои бумажонки, там не найдется никакой тайной дипломатии, а только описание приключений Готвинга Мореплавателя на Фирийских островах.

Реми с опаской поглядел на Дженни, перекаывая в голове какие-то мысли.

— Ну да, — наконец решился он признать очевидное. — Это копии писем, отрывки из воспоминаний и все такое. В общем, разрозненная информация о его войне с Пожирателями, все, что Эльсбетиноре удалось тайком найти для меня в закрытом фонде библиотеки. Ее накажут, если узнают, понимаешь?

Реми с тревогой взгляделся в лицо спутницы — прониклась ли она серьезностью признания? Дженни поспешила успокоить:

— Реми, ты хороший друг и можешь не волноваться: этот секрет в надежных руках. Я вас не выдам, обещаю. Просто ехать скучно, и, если бы ты читал вслух, это могло бы скрасить скучное путешествие.

— Да зачем тебе какие-то острова? — Реми захлопал глазами. — Вот мне эти записки сослужили отличную службу, я получил назначение! Потому что, когда искали сопровождающего для его милости лорда Готвинга, оказалось, что я знаю о Фирийских островах больше всех.

Вообще-то, Реми был прав: Дженни острова ни к чему. Но ведь никогда заранее не знаешь, какая именно информация может понадобиться. И потом, чем скучнее чтение, тем легче заснуть!

— Жалко тебе, что ли... Ведь там нет дипломатических секретов, а мне так интересно!

Тогда Реми сдался и начал читать вслух. Он читал о прекрасных зеленых островах среди голубого моря, о ярких цветах, о пестрых птицах, перелетающих с одного цветка на другой и кричащих почти по-человечески. О мирных добрых жителях, вожди которых умеют говорить со зверями, а потому эти люди всегда пребывают в гармонии с окружающим их миром. Они чувствуют себя частью мира — частью сообщества зверей и птиц, населяющих поросшие лесом горы, частью этого леса и частью этих гор... Безглазые змеи, обитающие в недрах гор, приносили Говорящим Со Зверями дивные самоцветы, которыми эти славные люди украшали себя. Готвинг Мореплаватель очень много говорил об этих драгоценностях, они его очень заинтересовали. Но еще больше он говорил о красоте принцессы Говорящих.

Это было так благостно, что Дженни уже почти уснула, но тут Реми добрался до рассказа о Пожирателях. Эти страшные существа не были другим племенем — скорее сектой, частью народа Говорящих Со Зверями. Женщины Пожирателей не упоминались ни разу, речь всегда шла о молодых мужчинах. Они приходили ночью.

Ничто не могло остановить Пожирателей, они были ужасно сильны и двигались так быстро, что опережали полет стрелы и удар копья. Они убивали, кого хотели, забирали добычу и растворялись в ночи. И всегда вырезали сердца у своих жертв. Никто, конечно, не видел, чтобы они пожирали сердца, но все были уверены, что это часть их мерзкого ритуала.

Кстати, не брезговали они и драгоценностями. К тому времени, как Повелитель Огня попал на Фирийские острова, большая часть самоцветов, добытых змеями, была похищена Пожирателями, а все, что еще оставалось, добрые аборигены обещали отдать пришельцу, если он избавит их от напасти.

Готвинг утверждал, что отказался от награды, просил только выдать за него принцессу.

— Все правильно, — зевнула Дженни, — оставшиеся камни все, до единого, как раз и были на принцессе. Сам подумай: диадема, браслеты, ожерелья, серьги, перстни. Чтобы не тащить этот груз самому, умный Готвинг решил получить это барахло в комплекте, и чтобы несчастная девушка сама принесла все богатство племени на себе. Сгибаясь под такой тяжестью, разумеется — ведь дивные самоцветы положено оправлять в золото. Целая груда золота! И такая тяжеленная!

— Можно подумать, ты знаешь принцесс и их убранство, — буркнул Реми, недовольный тем, что его перебили во время чтения.

— Я знаю лордов и их пристрастия, — отрезала Дженни. — Этого достаточно! А уж как они обходятся с девушками...

Реми бросил еще несколько строгих взглядов на слушательницу, потом вернулся к чтению. Храбрый и умный Готвинг не стал меряться силами с непобедимыми Пожирателями в поединках. Он выжег их пещерные храмы и уничтожил своим пламенем часть леса, где они укрывались. Эта тактика совершенно не соответствовала представлениям аборигенов о гармонии с природой, зато оказалась действенной. Пожирателей на Фирийских островах не осталось, а Готвинг получил свою принцессу. Но этого Дженни уже не слышала — она спала.

Утром она проснулась в стоящем фургоне. Реми похрапывал, отодвинувшись от Дженни как можно дальше — можно сказать, забился в угол. Папку со своими драгоценными записями он прижимал к груди — даже во сне очень крепко. Но Дженни это уже было не интересно — она получила то, чего добивалась, сказочку на ночь. Реми, в ее представлении, вряд ли мог дать больше!

Дженни выбралась наружу. Они стояли посреди все той же пыльно-каменистой степи, какой, кажется и был весь Гранделин.

Моря не было видно, за ночь обоз удалился от берега. Вокруг стояли всевозможные фургоны и повозки — весь транспорт, что нашелся в Абадохе и теперь был конфискован генералом Истригсом для нужд армии. Небось, все местные теперь исключительно ходят пешком. Солнце, раздутый оранжевый шар с подрумяненными красными боками, висело над краем равнины.

Солдат поблизости Дженни не заметила — ни конных, ни пеших. Они ушли вперед, обогнав обоз.

Кучера на облучке не наблюдалось, из передней, пассажирской части никто не показывался, и Дженни решила немного пройтись, чтобы размять ноги, которые затекли после ночи, проведенной на мешках и баулах. Когда над головой захлопали крылья, и знакомая ворона плюхнулась на землю рядом с Дженни, она уже не удивилась. Птица стала что-то клевать, то и дело косясь блестящим глазом. Появление пернатой знакомой Дженни уже не развлекало, и она пошла дальше. Возницы спали. Да весь остановившийся обоз спал в розовых лучах рассветного солнца. Понурые лошади замерли, опустив тяжелые головы, возницы дремали, кто где пристроился. Но за рядами повозок раздавался голос — человек говорил размеренно и громко, будто обращался к собранию. Никто не отвечал, это не было беседой.

Дженни обогнула вереницу фургонов и увидела преподобного Остерна — проповедника с «Удачи». Морское путешествие священнослужитель переносил плохо, почти не появлялся на палубе и в кают-компании, зато на твердой земле он чувствовал себя уверенно и, видимо, пользовался всякой возможностью, чтобы нести слово Тедзинга Победителя заблудшим душам.

Сейчас он призывал обозную прислугу быть милостивыми к побежденным дикарям, не ведающим истины. Глупое занятие, решила Дженни: возницы вряд ли смогут применить на практике духовный опыт, внушаемый этим странным человеком. Они и врага-то, может, не увидят — где уж тут проявлять милосердие.

— Преподобный, доброе утро! — окликнула его Дженни, когда он сделал паузу, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. — А вы не думаете, что о милосердии нужно говорить с кем-то другим, а? Возницы Эверона до сих пор не отличались кровожадностью, так я слышала. Может, вам следует отыскать боевые части и попробовать там? Ну, например, познакомиться с Тедзингом Победителем... гоблинов? Ручаюсь, они в ответ познакомят вас со своим божеством.

Дженни подумала, что зеленокожие попросту закидают священника грязью. Заспанные возницы уставились на Дженни — кто зевал, кто улыбался, удивляясь встрече с юной девицей в далеком походе.

— Слово истины я буду нести там, куда забросит меня судьба, хоть среди гоблинов, хоть среди этих славных людей, — с достоинством ответил проповедник. — Но вы правы, миссис, я поищу боевые части. За ночь они оставили нас далеко позади.

Дженни пожелала ему счастливого пути и отправилась к своему фургону. И вовремя, как оказалось! «Дядюшка» уже успел обнаружить ее отсутствие и собирался мчаться на поиски. Кажется, его даже слегка разочаровало, что Дженни не попала в беду — все его увещания быть осторожней не получили примера, который бы их подкрепил.

Оба Повелителя Огня в это время стояли у фургона и наблюдали, как Квестин живописует «племяннице» все ужасы, что приключаются с девушками на войне: копыта конницы, несущейся во весь опор, разъяренные рукопашной пехотинцы, мародеры, почуявшие вкус крови... Старший лорд улыбался.

— Мы в обозе, — объявила Дженни, — так что оказаться в гуще сражения в данный момент мне не светит. Зато я видела ворону и повстречала еще одного пассажира «Удачи». Помните Остерна, проповедника?

Улыбка Морвига Готвинга исчезла. Он задумался, пытаясь вспомнить священника, которого вряд ли хорошо разглядел на корабле. Знатному лорду было непривычно вспоминать мелких людишек.

Мимо проскакал всадник — день начинался, и генерал рассылал новые приказы. За первым последовал второй вестник, третий... Группы повозок тронулись с места, обоз пришел в движение. Лорда Готвинга тоже удостоили послания — ему надлежало присоединиться к штабу главнокомандующего. В предстоящей битве найдется работа всем Повелителям Огня, которые участвуют в походе.

— Я надеялся, что обо мне забудут, — пробормотал старый лорд, забираясь в фургон. — Но делать нечего. Следуй за мной, Уотс.

Внук тяжело вздохнул и тоже направился к повозке.

— Сегодня день подвигов, ваша милость, — заявила ему в спину Дженни, чтобы подбодрить унылого юношу. — Он будет вписан золотыми буквами в скрижали истории, и

там упомянут всех лордов! Даже младших!

Уотс ответил слабой улыбкой. Но у деда оказался хороший слух, он тоже услышал слова спутницы. И пробурчал из фургона:

— Конечно, конечно, миссис! Сегодня мы совершим подвиги. Но вся слава достанется великому победителю Истригсу. Золотые буквы... их всегда не хватает на всех. Впрочем, это естественное свойство золота.

Убедившись, что лорды не слышат, Дженни спросила Квестина, как прошла ночь. И рассказывал ли его милость что-нибудь сверх того, что изложил в каюте? Нет, ответил Квестин, ничего нового. В сущности, отставной префект стал всего лишь телохранителем. А может, его присутствие добавляло Повелителю Огня уверенности. Ему так хотелось быть уверенным в себе, как и подобает Повелителю Огня! Да только Черная Рука лишил его покоя.

Пора было выступать, и Дженни полезла в свою часть повозки. Реми уже проснулся и снова взялся за чтение. При появлении спутницы он торопливо спрятал записи.

— Эй! — возмутилась Дженни. — Там картинки, я видела! Ты утаил самое интересное!

— Всего лишь планы местности, — как можно более равнодушно ответил Реми. — Это не те картинки, которые интересно смотреть.

Дженни собралась спросить, зачем планы местности нужны дипломату, но тут повозка выехала из скопления обозных телег, и в оконцах открылся вид на степь, по которой брели тролли. Дженни никогда прежде не видела их с оружием и теперь с любопытством уставилась на чудовищные дубины, больше похожие на тараны, которыми разбивают ворота крепостей. Да и щиты троллей как раз походили на эти самые ворота.

Это зрелище отвлекло ее от темы рисунков, исполненных рукой Эльсбетиноры. Забавно, что и эта начитанная особа оказалась способна на правонарушения — проникла в запретный фонд библиотеки! У скучных людей и преступления скучные, вот единственная мысль, которую вынесла Дженни из разговора.

Тем временем их повозка съехала с дороги, которая, в сущности, представляла собой просто накатанные колеи, там разве что было меньше камней и больше пыли, чем в окружающей пустыне. Всадник, присланный генералом, скакал впереди, тяжелый фургон грохотал по ухабам следом, а марширующих троллей скоро скрыла вереница повозок и вьючных ослов, смотреть на которых было неинтересно, но которые поднимали тучи пыли. Тогда Дженни заговорила о Фирийских островах, потому что других тем не смогла придумать.

Правда, Реми и не собирался поддерживать беседу, да только выхода у него не было. Дженни заметила, что он одобряет мирный образ жизни туземцев. Чтобы поддеть приятеля, она объявила, что считает их жизнь в мире с животными глупой:

— Подумать только, они, наверное, просят прощения у поросенка, прежде чем его зажарить!

— По-моему, они не употребляют в пищу мясо, — вступился за островитян Реми. — Это и есть по-настоящему мирный образ жизни. Бетти тоже считает, что есть мясо зверей неправильно, она придерживается растительной диеты, и мы с ней решили...

— Чепуха! — перебила его Дженни. — Это свидетельствует разве что о недостатке воображения. Эти люди не решаются съесть собеседника, но способны говорить только с теми, кто достаточно похож на них. А вот будь у них побольше фантазии, чтобы поговорить с морковкой...

Фургон вернулся на дорогу, когда обоз остался позади. Теперь они догоняли колонны пехоты. После короткой остановки на рассвете армия продолжала марш к Весперову Колену.

Пыль, поднятая колесами, вилась следом за фургоном, справа и слева от тракта куда более густые тучи мелкого серого праха поднимали топающие колонны пеших солдат. Ночью было холодно, и выпала роса, но чем выше поднималось солнце, тем жарче и суше становилась степь, и тем более густые клубы пыли застилали горизонт.

Пыль начала проникать сквозь окна в фургон, и Дженни отодвинулась подальше — в полутемную глубину. Снаружи степь превратилась в океан пыли, в сплошную туманную стену, вставшую до самого неба. В этом мареве проплывали заросли наконечников копий, свернутые и закрытые чехлами знамена, крыши фургонов и изредка плюмажи на шлемах кавалеристов.

А повозка лорда Готвинга все катила и катила, обгоняя марширующие толпы. Вестник генерала Истригса скакал впереди, он оглядывался и кричал — глухо из-под повязки, закрывающей лицо, и вознице приходилось следовать за ним. Реми уже не пытался читать, он утирал мокрое лицо платком и размазывал пыль по щекам. Солнца почти не было видать, оно едва светило бледным бельмом сквозь мутную пелену, но жара становилась все сильнее и сильнее.

Наконец повозка остановилась. В темной коробке кузова было ужасно душно, пыль стояла столбом, и Дженни на подгибающихся ногах, цепляясь за поклажу, побрела к двери — посмотреть, куда ее притащили. Она распахнула дверцу и вывалилась наружу...

Взгляд скользнул по россыпи булыжников, уперся в лошадиные копыта. Выше, выше... богатая сбруя, конская морда... Из пыли донеслось:

— Миссис Дженнифер, какая неожиданность! Я, кажется, велел выделить вам местечко в обозе?

Это произнес лорд Сертиас Истригс-младший, а позади него, верхом на роскошных жеребцах под развевающимися в жарком мареве пропыленными знаменами толпились высшие офицеры, Повелители Огня и тому подобная публика, на глаза которой Дженни как раз меньше всего собиралась попадаться.

Ну и лорд Истригс, конечно, снова был подобен статуе в собственную честь — гордо выпрямившийся в седле, в блестящих доспехах, на, которые, кажется, даже пыль не садилась. И такой же сосредоточенный. И снова глядящий на Дженни сверху вниз!

— Место героев — на передовой, — прокашляла Дженни. — Это ведь передовая, верно? Надеюсь, что так. Потому что больше не смогу выносить тряску и пыль. Я слышала, что война — грязное дело, но ведь не до такой же степени!

Ей, конечно, сейчас следовало отвесить поклон, ведь перед ней был великий генерал, лорд Вулкана, главнокомандующий и так далее... вплоть до определения «мраморная статуя в человеческом облике». Но с другой стороны перед ней был зазнавшийся красавчик, возомнивший себя игроком, а Дженни — фигурой на игровой доске. И больше всего хотелось не проявлять приличную вежливость, а доказать ему, как он ошибается! Вesper его забодай!

К тому же, после гонки в тряском фургоне снова разболелось ушибленное плечо, отчаянно ныла поясница, а онемевшие коленки дрожали и норовили подогнуться. Поэтому

Дженни вместо поклона положила ладони на талию и с наслаждением потянулась, чуть прогнувшись в поясе. Что-то громко лязгнуло в районе позвоночника. И это, конечно, был нож, подарок Морко Гучиха, который Дженни решила теперь постоянно таскать с собой. Ну, чтобы не быть застигнутой врасплох, как тогда, в темных заколках на окраине Абадоха.

— С вами все в порядке, миссис Дженнифер? — с прежним спокойствием осведомился лорд. — Я вроде расслышал странный звук.

«Странные звуки раздаются всякий раз, как ты открываешь рот, высокомерный болван, — подумала Дженни, — а говоришь ты постоянно и слышишь исключительно себя одного!» К счастью, эти мысли она сумела придержать при себе. Но как же он был хорош в доспехах и на прекрасном коне! И как же, Веспер его забодай, хотелось доказать ему, что Дженни — не марионетка на ниточках!

— Вы слышали лязг моих боевых доспехов, ваша милость, — пробормотала она. — Я собираюсь вызвать на поединок принца Сакхлиха, потому что вы не оставили мне другого выхода, ведь принц теперь считает меня личным врагом. Вряд ли во всей войске на это способен кто-то, кроме меня. Все только и умеют, что совершать маневры. Маневры, маневры, маневры... а пыль глотать приходится бедной девушке, которую судьба занесла на эту дурацкую войну.

— Лорд Истригс, — произнес за спиной Дженни старик Готвинг.

— Лорд Готвинг, — слегка согнул голову генерал. Пыльные перья на шлеме качнулись. Между собой Повелители Огня были до чопорности обходительны.

— К вашим услугам, — отвесил легкий поклон старик. — Вы изволили пригласить меня.

Дженни ощутила, что ее нет. Во всяком случае, ее никто не замечает. Но, пожалуй, именно сейчас такое положение было даже полезным. Неприятным, но полезным — иначе она бы сейчас наговорила такого, о чем после придется пожалеть. Все полезное неприятно!

Она отступила к борту фургона и постаралась затеряться в тени.

— Мы примем бой в этих местах, — говорил тем временем лорд Сертиас. — Армия уже достигла основания Весперова Колена, и разведка доносит, что войска Сакхлиха еще вчера стояли под стенами Одвика. Ночью он здесь не проходил. Он в ловушке! Полагаю, сейчас принц сам придет нам навстречу, вот и подождем его здесь.

— Диспозиция сложилась в полном соответствии с вашим планом, лорд Истригс. Поздравляю.

— Благодарю. Но предстоит бой. И мне понадобится весь огонь, какой я могу заполучить.

— Неизменно к вашим услугам, лорд Истригс, — снова церемонно поклонился старик. — Я и юный Уотс. Наш огонь в распоряжении главнокомандующего.

— Весьма признателен, лорд Готвинг.

Дженни поняла, что ее здесь в самом деле нет. То, как общаются между собой Повелители Огня не укладывается в ее представления. Она бы не смогла стать одной из них и вот так раскланиваться, и вот так изъясняться... Это просто невозможно!

Оставалось постаралась вжаться в теплые грязные доски борта и помалкивать. Тем временем вокруг пылили отряды солдат, проходя мимо группы конных, замершей под знаменами. Старый лорд обменялся с генералом еще несколькими фразами, затем вернулся в фургон, чтобы облачиться для сражения. Пока они с внуком натягивали кольчуги и каски, Дженни скрылась в своем отсеке, откуда благоразумный Реми осторожно наблюдал за

разговором лордов. Ему снова повезло — вот-вот предстояло стать свидетелем еще одного исторического события, кровопролитнейшей битвы на Весперовом Колене! Странно, что его круглая физиономия не светится счастьем!

— Ты слышишь, как они разговаривают? — прошептала Дженни. — Страшные люди!

Реми захлопал глазами, потом наконец решился прошептать:

— Они не совсем люди. Пожалуйста, не высовывайся больше, не выходи наружу! Ляпнешь ненароком лишнее слово, и его милость сожжет фургон.

— Не бойся, не сожжет, — утешила Дженни. — Потому что здесь багаж Готвингов. И вообще, я не собираюсь торчать снаружи, рискуя оказаться под копытами кавалерии. Мой опыт учит, что лучшее место для наблюдения — крыша фургона. Ни из какого другого места не увидишь столько интересного!

К счастью, Реми не стал интересоваться, что это за опыт такой у племянницы префекта Квестина, которая всю жизнь провела в провинциальной глуши. И Дженни тоже решила не развивать щекотливую тему.

Она перерыла ворох тряпья, сваленный в углу, нашла кусок парусины и кивнула Реми:

— Главное, не говори дяде, а то наживешь неприятностей. Я имею в виду, что он позовет тебя стаскивать меня с крыши, а зачем тебе лишняя морока? Один-то он с этим делом точно не справится.

Она только-только успела обойти вокруг замершей повозки и вскарабкаться по пропыленным доскам, как внизу раздался голос Квестина:

— Дженни, ты там? Наверху?

— Я думал, она пошутила, — проблеял Реми, — поэтому не позвал сразу...

— И не подумаю спускаться! — отрезала Дженни.

Но отставной префект удивил «племянницу», он решил присоединиться к ней на ее наблюдательном пункте.

— Руку дай, — ворчливо потребовал он.

Дженни с удивлением помогла ему взобраться на крышу. Они легли рядом на разогретое иссушенное солнцем дерево и накрылись парусиной. Было душно и жарко, но Квестин решил довериться опыту спутницы, а она считала, что нужно прикрыться. От стрел не спасет, но пыли будет много, так что парусина не мешает. И главное: под ней наблюдателей труднее заметить.

А тем временем равнина вокруг пригорка, на котором стоял фургон, заполнялась войсками. Здесь были и конные, и пешие — отборные части, которыми генерал решил окружить свою ставку. Справа и слева по равнине расходились, образуя линию, колонны пехоты, над головами людей и гоблинов громоздились фигуры троллей. Заметила Дженни и отряды низкорослых арбалетчиков в тяжелых латах. Свось завесу пыли подробности были неразличимы, но Дженни решила, что это гномы.

Над головой каркнула ворона. Квестин с «племянницей» уставились вверх — ворона выписывала круги около фургона. Они молча переглянулись. Что тут сказать? Ничего нового не случилось.

Тем временем лорды, к которым присоединились Готвинги, спешили, роскошных жеребцов увели оруженосцы, выпрягли и лошадок, которые притащили сюда фургон.

— Когда Повелители Огня используют свой дар, лошади могут испугаться, — шепотом пояснил Квестин. — Они предпочитают сражаться пешими.

— Это дает преимущество Погонщикам Ветра? — тут же спросила Дженни. Обо всем

что касалось войны, она было осведомлена чисто теоретически.

— Конечно, — согласился отставной префект, — Зато в морских сражениях Погонщики стараются поменьше использовать свои таланты, их корабли куда хуже эверонских, и во время бури больше рискуют.

Ворона каркнула последний раз и, развернувшись в крутом пике, улетела прочь. Птица мчалась на юг — туда, откуда пришло войско. Дженни проводила ее взглядом и подумала, что это нехорошее предзнаменование. И тут Квестин заметил:

— Скоро начнется. Ветер поднимается. Они идут!

И верно, с севера повеял легкий ветерок, который креп на глазах. Клубы пыли ползли со стороны невидимой отсюда крепости Одвик на разворачивающуюся армию Эверона. Приближались Погонщики Ветра, и Дженни на всякий случай покрепче вцепилась в края парусины.

Глава 6. Огонь и ветер

Дженни прикрывала лицо ладонью, потом двумя — бесполезно, усилившийся северный ветер гнал пыль в глаза. Степной прах застилал горизонт, скрипел на зубах... С непрерывным шорохом песок сыпался на парусину, которой укрылась Дженни. Смотреть на север было просто невозможно.

Зато она видела, как перемещаются эверонские отряды. Те, что ушли далеко вперед, возвращались, а отставшие торопились им навстречу. Между ними скакали гонцы, которых постоянно рассылал генерал Истригс. Изредка сквозь вой ветра и шорох песчинок прорывались их охрипшие голоса — вестники орали во все гордо, чтобы их расслышали. В конце концов колонны пехоты с кольшущейся над головами щетиной копий обрели очертания правильных прямоугольников и создали линию, которая выстроилась поперек потоков песка и пыли, которые серыми полосами тянулись с севера.

Дженни покосилась на штабных. Ветер трепал плюмажи на шлемах офицеров, знамена развевались, расшитые полотнища хлопали и трещали под ударами вихря.

— Эй! — жалобно закричали снизу, — помогите! Дайте руку! Дженни, мистер Квестин Я хочу наверх!

Это звал забытый всеми Реми. Ему стало страшно сидеть в одиночестве под шепот и шорох ветра.

Дженни с Квестином с большим трудом втащили толстяка на крышу и помогли укутаться парусиной. Ветер рвал и трепал концы ткани и норовил в самом деле превратить ее в парус.

А когда Дженни снова попыталась взглянуть в затянутую серой пеленой даль, далеко на севере в песчаном тумане проступили очертания высоких фигур. Сперва ей показалось, что приближаются гиганты, смутные тени в вихре были слишком высокими. Потом она поняла, что это всадники. Растянувшиеся цепочкой Погонщики Ветра продвигались, окруженные завывающей стихией, которую призывало к жизни их искусство.

Когда они приблизились, Дженни стала различать детали — тощих поджарых коней, развевающиеся широкие одежды... в этот миг Погонщики в самом деле были похожи на страшилище, которое изображал Папаша Бурмаль в своем гриме. Дженни оглянулась на Повелителей Огня — смогут ли они противостоять неприятелю так же успешно, как бедный Эрик в последнем спектакле труппы Папаши? Знамена клонились под крепнущим ветром, лорды сгибались, осыпаемые горстями песка, сейчас они вовсе не казались грозными непобедимыми владыками. Гордые лорды морщились и прикрывали лица ладонями, как простые смертные.

А тем временем рядом с конными Погонщиками Ветра в пыльной завесе проступили фигуры поменьше. Наливающийся злым весельем ураган вместе с шорохом песчинок и воем бури донес металлическое бряканье. И вот Дженни разглядела, что именно издает тот звук. Конных Погонщиков догнала новая цепочка силуэтов, проступившая сквозь бурю — пешие слуги, и каждый вел на цепи клыкасто-рогато-несуразное нечто.

Твари, очертания которых невозможно было разглядеть сквозь пыльный полог. Да и были у них определенные очертания? Дженни казалось, что звери непрерывно меняются, у них мгновенно отрастали хвосты, рога и конечности, а потом пропадали. И возникали снова.

Ей показалось, что одно из странных чудовищ расправляет крылья, но наваждение тут же исчезло, никаких крыльев больше не было, другой зверь внезапно стал многоногим, как паук...

— Что это? Кто это? — проорала Дженни сквозь вой ветра. — Кого они ведут?

— Это пустынные дэвы! — так же крича во все горло, ответил Реми. — Они умеют притягивать песок! Страшные твари!

Хорошо, что они такие приземистые, подумала Дженни. Не смогут достать ее на крыше фургона.

Слуги Погонщиков Ветра отпустили дэвов, цепи упали, утонули в песчаной поземке, которая вилась у лошадиных копыт. Твари помчались длинными неровными прыжками, и пыльные вихри закружились у их боков. Очертания дэвов стали меняться еще быстрее, а главное, они стали расти! Песок и пыль, свиваясь в дымные спирали, окутывали тварей, прилипали к бокам, дэвы росли на глазах, с каждым прыжком они прибавляли в весе и объеме. Десяток прыжков, и Дженни засомневалась в своей безопасности, к ней неслись огромные и страшные звери. Таким и на крыше достать ничего не стоит.

Эверонская пехота заколебалась, ряды попятнулись, кто склонял копья навстречу опасности, кто держал по-прежнему наконечником вверх, потому что приказа опускать не было... Справа и слева вдоль строя пехоты побежали тролли, на ходу выстраиваясь в цепочку перед колоннами копейщиков — словно живая крепостная стена выростала перед Погонщиками Ветра. Земля задрожала от топота великанов, эта дрожь передалась и фургону: крыша затряслась под Дженни, так что в животе, прижавшемся к доскам, возник неприятный трепет. А может, не от топота троллей, а от страха?

Дэвы, уже успевшие стать громадными, тяжелыми, покрытыми многослойной песочной броней, скрылись из виду, когда тролли сомкнули щиты. На мгновение этот грохот заглушил вой бури. Тролли замерли в одинаковых позах — прижав левое плечо к верхнему краю щита и отставив правую ногу для упора. Они напряглись, ожидая удара. Гигантские щиты стали стеной, подпертой огромными телами.

— Дэвы проломили строй пехоты в прошлой битве! — проорал Реми. — За ними шла вся армия Погонщиков!

Он волновался, даже привстал, чтобы лучше видеть. Но за щитами — огромными, сбитыми из дубовых досок и скрепленными полосами кованого железа — не было видно, до каких размеров успели дорости дэвы...

С протяжным грохотом и треском чудовища пустыни врезались в строй троллей. Высоко над линией щитов взлетели, пронзая пыльные вихри, фонтаны песка, когда дэвы ударились о щиты. Тролли взревели, в ответ из-за щитов донесся жалобный вой. Офицеры проорали приказ — и тролли разом повернулись боком, между щитами возникли вертикальные щели — узкие в сравнении с гигантскими воинам, но достаточно широкие, чтобы арбалетчики пустили рой болтов наружу. Дженни и заметить не успела, когда это низкорослые стрелки, в которых она признала гномов, успели рассыпаться цепью за спинами троллей. Вернее, не за спинами, а за ногами — гребни гномьих шлемов едва доставали троллям до колена.

О меткости залпа свидетельствовал новый вой, буря швырнула в лицо арбалетчикам длинные шлейфы пыли, но тролли снова сомкнули щиты, а коротышки позади них спешно крутили ворота, заряжая свои арбалеты. Дженни представила, как раненные озлобленные дэвы мечутся за щитами, скачут вдоль выросшей перед ними стены, накручивая на себя слой

за слоем пыли и песок — и ей стало тошно. Ну почему этот день тянется так долго? Сколько же можно выносить неизвестность? Даже увалень Реми понимает, что и как происходит на поле боя, а она же ничегошеньки не смыслит в военном деле... Что сейчас было? Успех или неудача? Удача, наверное, раз дэвов остановили... но надолго ли?

А офицеры снова проорали приказ, и новый залп арбалетчиков заставил дэвов выть...

Ветер, достигший огромной силы, нес потоки песка и пыли над головами троллей. Края парусины, под которой лежали на крыше фургона трое зрителей, хлопали и трещали.

Дэвы бесновались за стеной из щитов. Время от времени ударялись в дубовые доски, и тролль, которому достался удар, вздрагивал, гигантские ноги, оставленные далеко назад, пропахивали в пыли борозды, в которых можно было спрятаться взрослому гному. При каждом ударе в серое, испещренное лентами пыли, небо взлетал фонтан песка.

— Ну сколько еще? — скорее простонала, чем проговорила Дженни. — Сколько они могут так колотиться о щиты?

— Его милость что-то задумал! — выкрикнул в ответ Реми. — У него есть план!

И тут выяснилось, что план возник не у одного лорда Истригса. Дэвы сообразили, что тролли больше и тяжелее, что один на один их не взять. И сразу три твари, взяв разгон и намотав на себя, наверное, по целому возу песка для веса, ринулись на один щит. Ножищи тролля, которому выпало принять этот удар, оторвались от тверди, ступни на миг показались из пылевой поземки, и он полетел на спину, а щит раскололся вдоль всей длины. Огромные, почти что превратившиеся в песочные шары, дэвы, прокатились по упавшему великану. Двое поскакали дальше, третьего тролль успел облапать.

Щиты снова с грохотом сомкнулись, заделывая брешь. И снова к небу взмыли фонтаны песка — другие дэвы не успели прорваться. Только два помчались на строй пехоты. Офицеры, стоящие перед рядами копейщиков, бросились с их пути, выкрикивая новые приказы. Копья эверонских пехотинцев склонились, чтобы встретить опасность.

Низкорослые стрелки осыпали отяжелевших, утративших скорость, дэвов тучами арбалетных болтов, но острия вязли в песке, укрывшем чудищ. Дэвы обрушились на пехотинцев, копья под их напором сломались с оглушительным сухим треском, заорали раненные... В тесно сомкнутых рядах остались кровавые борозды, усеянные телами, а дэвы, не останавливаясь, мчались дальше, роняя с боков пригоршни песка. Дженни показалось, что они направляются точно к ее фургону, и она завизжала от страха.

Но спешившиеся лорды встали в линию, плечом к плечу, и шагнули навстречу опасности. Они разом вскинули руки — и с ладоней сорвались багровые струи ревущего пламени. Клуб огня окутал дэвов.

Дженни ждала, что твари появятся из огня, невредимые в своей песочной броне... но жар клокотал, бился гигантским шаром пламени... потом начал опадать и съеживаться... посреди угольно-черного круга в песке остались два оплавленных, стеклянно блестящих шара. Буря с сухим шорохом заметала их песком.

Когда пламя исчезло, Дженни увидела и тролля, которого дэвам удалось повалиться. Великан уже твердо стоял на ногах, а в его ручищах, визжа, билось бесформенное нечто — груда, ком, месиво, из которого между каменных пальцев тролля струился сухой песок. А то, что он стискивал в хватке, становилось все меньше и меньше. Когда визг стих, тролль разжал

кулаки — и тощая костлявая зверюга бездыханной свалилась в пыль.

Ну а лорды, остановившие чудищ пустыни, не останавливаясь, шагали дальше — к стене щитов.

— Вперед! — прокричал генерал Истригс, и — чудо — его металлически-звонкий голос пробился сквозь рев ветра, сквозь удары дэвов о щиты и хриплые возгласы троллей.

И тут Дженни поняла, что как вдохнула в тот момент, когда упал тролль — да так и задержала воздух в себе. Теперь она с шумом выдохнула — наконец-то! Наконец-то все разрешится!

— Ну, уж теперь-то... — начала Дженни.

Но Квестин перебил:

— Слушайте! Слушайте! Там!

Он вскочил на колени, отбросив парусину и вытянул руку, указывая вперед — за линию троллей. Разглядеть, что происходит в войске Погонщиков, за щитами, было невозможно, но там явно что-то случилось. Из-за стоящих стеной троллей доносился лязг оружия, многоголосый рев, топот и вой.

— Вы слышите, это же гоблины! — завопила Дженни, тоже вскакивая. — Слышите, как орут! Это они! Только гоблины могут рычать так страшно!

— И ветер стихает, — добавил Реми, глядя на нее снизу вверх.

Что бы там ни стряслось, а благоразумный чиновник второго ранга остался лежать, для верности кутаясь в измятую парусину.

Тролли двинулись на врага, то и дело отшвыривая щитами дэвов, которые все еще пытались встретить их отчаянными бросками. Рожки хрипло пели, наконечники копий склонялись на ходу, плохо обученные солдаты старались выровнять ряды, не очень-то получалось... Две колонны копейщиков в центре, отклонились от прямого направления, расходясь вправо и влево. А дэвы бросились бежать к хозяевам, роняя струи песка, худея и мельчая на глазах.

Лорды шагали все быстрее и быстрее, они миновали строй пехоты, прошли сквозь открытый для них проход. Вдалеке, на флангах, уже показалась кавалерия, всадники нестройными массами скакали, далеко охватывая вражеский строй. Да! Наконец-то Дженни увидела войско Погонщиков Ветра! Ветер сделался совсем слабым, он больше не гнал тучи пыли, застилающие горизонт, и с крыши фургона открылся вид на нестройную толпу из конных и пеших воинов, с ног до головы осыпанных пылью.

Люди Погонщиков не носили единой формы и не имели такого внушительного вида, как солдаты Эверона, но одинаково пыльные, они тоже выглядели войском. Тролли, составившие первый ряд атакующих, перешли на бег, следом трусили копейщики. Вражеская армия качнулась навстречу им единым порывом. И только теперь Дженни разглядела, как поднимается взбитая сотнями ног пыль — вдалеке, за спиной Погонщиков. Там дрались гоблины, зашедшие в тыл неприятелю. До сих пор им приходилось туго, но вот кавалерия Эверона, обогнав основной фронт, врезалась справа и слева во вражеские ряды. Дэвы, понукаемые вожатыми, снова бросились навстречу атакующей пехоте, тролли пустили в ход чудовищные дубины... все смешалось.

А в центре на лордов поскакал отряд всадников, державшийся сплоченно среди разомкнутого неровного строя Погонщиков Ветра. словно выполняя условленный заранее договор, лорды и свита Сакхлиха, состоящая из его наделенных волшебным даром соратников спешили сойтись в схватке стихий, где не будет места простым смертным.

И Погонщиков Ветра, и Повелителей Огня было примерно поровну, но атакующие южане выглядели более мощно, они были верхом. Дженни что-то слыхала об их боевых конях — какая-то особая порода, выведенная для боя, причем каждый жеребец долгие годы выучивался в тренировках, чтобы не боялся грозного таланта хозяина и не подвел в сражениях. Между собой Погонщики тоже иногда сражаются, и их кони умеют нести хозяина в поединок стихий.

Фронт Повелителей Огня был короче — тем плотнее будет порожденное их магией пламя.

Всадники издали резкий отрывистый вой — наверное, бросали вызов врагу в соответствии со своими дикими обычаями. Дженни замерла, стоя на коленях и не отрывая глаз от пустоши, на которой к неторопливо шагающим ровной линией Повелителям Огня мчатся, стремясь обогнать друг друга, дикие кавалеристы пустыни. Сейчас что-то должно было произойти... что-то ужасное... Взметнулась туча пыли, мгновенно скрывая всадников, словно атакующая змея, эта туча ринулась на лордов Вулкана. За кратчайший миг до того, как пыль накрыла строй владык Эверона, с ладоней Повелителей Огня, простертых навстречу урагану, сорвались ослепительные клубы пламени. И тут порыв свирепого ветер, поднятый Погонщиками, достиг фургона. Дженни и понять не успела, что происходит — мгновенно пыль ударила ее словно гигантским кулаком, окутала, накрыла, сбила на доски и поволокла по ним.

Ни крикнуть, ни даже вздохнуть было невозможно, воздух стал твердым, злым, он бил и мял все, что попало в его объятия. Бешено крутящиеся вихри песка норовили размазать Дженни по крыше дрожащего под ударом бури фургона. Длилось это недолго — какой-то миг — и, когда Дженни, хрипя, кашляя и отплевываясь, перевернулась на живот и смогла открыть глаза, перед строем Повелителей Огня, все таким же ровным и непоколебимым, бился огненный смерч. Он клокотал, втягивая поток пыли и песка, он скручивался в ослепительную спираль, выжигал и пожирал сам себя... но оставался на месте.

Рядом с Дженни отхаркивался и корчился в сбившихся складках парусины Квестин. Он тер глаза кулаком, другим намертво вцепился в доски. Вихрь подволок его к краю крыши и почти сбросил. Квестин боялся разжать пальцы даже на мгновение, чтобы смахнуть песок с ресниц и бровей.

— Ничего не вижу... — бормотал он. — Ветер утих? Или мне кажется? Где Погонщики, кто победил? Дженни, где ты? Реми! Кто-нибудь!

— Я вижу только Повелителей Огня, — плюясь песком, просипела Дженни. — Значит, они победили?

Сказала — и сама не расслышала собственных слов. Рев то ли урагана, то ли пламени, то ли и того, и другого бился в ушах, порождая гулкий тягучий звон под черепом.

Но клокочущий шар огня вдруг раскололся, из него выстрелили в стороны языки пламени, он раскрылся, как цветок, распускающий лепестки. Новый удар вихря швырнул песок в глаза, и Дженни едва разглядела, как из сердца пламени вымахнули всадники. Их одежда дымилась... перекошенные лица, выпученные глаза, разинутые в неслышном крике рты... Вихрь расшвырял лордов Вулкана, строй нарушился, несколько человек отлетели, закувыркались по песку, который кипел под ними, скручивая тугие упругие спирали.

Всадники погна́ли обезумевших коней сквозь рассыпавшийся строй Повелителей Огня. И каждый простирал перед собой вытянутую руку с раскрытой ладонью. Там, куда обращались пятерни Погонщиков, вздувались пыльные смерчи, и летели с ног эверонские лорды. Навстречу Погонщикам летели новые сгустки пламени, одного из них несколько пламенных струй захватили и окутали сияющим коконом. Зато остальные промчались мимо Повелителей Огня и дальше, дальше... прочь от этого страшного места. Прорваться удалось, наверное, половине конных.

Дженни узнала среди лордов Сертиаса. Он устоял на ногах, но как раз сейчас гордый Повелитель Огня не очень походил на статую. Шлем с изодранным поредевшим плюмажем он потерял, плащ на нем висел клочьями... Генерал, пошатываясь зашагал за беглецами, на хоту вытаскивая меч из ножен.

Он погрозил клинком пыли, клубящейся из-под копыт ошалевших коней. Дженни снова села, глядя на эту сцену. Похоже, она так и не продвинулась путем Хогорта! Мелочами можно было назвать что угодно, но только не это! Ох, как Сертиас глядел вслед ускользящим Погонщикам...

Один из беглецов придержал коня и вскинул руку. В ней был меч, тот самый, с драгоценными самоцветами на рукояти. Дженни узнала Сакхлиха. Мгновение он глядел на Сертиаса. На него ли? Вдруг показалось, что он грозит вздетым мечом именно Дженни, замершей на крыше фургона. Но длилось это лишь миг — Погонщики погна́ли коней дальше, и взметнувшийся за ними шлейф пыли скрыл всадников. Оттуда, из серой завесы, ударил новый порыв ветра. Прощальный привет принца Саклиха победителю.

Ветер был так себе, не чета урагану, разметавшему пламя лордов, но и этого хватило, чтобы Дженни покати́лась по крыше, путаясь в пыльной тряпке, под которой возился и хныкал Реми.

Стих ветер, посланный убегающим принцем, и стало удивительно спокойно. Медленно кружась, опускалась пыль, песок шуршащими струйками сыпался и сыпался с крыши фургона на колеса, которые, оказывается, занесло во время бури чуть ли не на четверть, вокруг них образовались холмы и барханы.

— Гордись, Реми, — хрустя песком на зубах, пробормотала Дженни, — еще одно историческое событие! И ты снова оказался в эпицентре! В самом сердце урагана!

Она отряхнулась, похлопала себя по бокам, вздымая вихри песчинок... но насквозь пропыленная одежда не стала выглядеть чище. Тем не менее, Дженни решила, что ритуал исполнен, и теперь она может предстать перед публикой — и никто не упрекнет в том, что она не привела туалет в порядок. Приводила же! Так чего еще...

Ноги все еще дрожали, и Дженни, с трудом нащупывая опору, сползла со своего наблюдательного пункта. Огляделась. К лордам Вулкана уже спешили оруженосцы с конями в поводу, сами Повелители Огня старательно изображали равнодушие. Хотя Дженни была уверена, что они тоже порядком поволновались, вступая в битву с равными соперниками.

— Эй, помоги! — позвал сверху Реми. — Я раньше был уверен, что взбираться легче, чем спускаться... а оказывается все наоборот!

— Если бы Погонщик Ветра оказался на крыше, а не внизу, то ты сам бы удивился, как ловко умеешь слезать, — проворчала Дженни.

Квестин придерживал толстого увальня на крыше, пока Дженни помогала ему медленно-медленно нащупывать опоры на борту фургона. Наконец и Реми оказался на земле. Невесть откуда возник хмурый плечистый возница, ведя в поводу лошадей, начал запрягать.

А Дженни почувствовала, что дико, просто невероятно, устала. Она села и прислонилась к занесенному песком колесу фургона. Но стило закрыть глаза, как ее окликнули:

— А, миссис Дженнифер! Вас всегда можно встретить в самых неожиданных местах? Странно, что мы не познакомились раньше, до этого похода.

Это, конечно, был лорд Сертиас, и, конечно, он снова глядел на Дженни сверху вниз, потому что восседал в седле, а подле него были и остальные Повелители Огня. Они собирались проехать по полю боя. Над ними колыхались потрепанные пропыленные штандарты, они были горды и довольны собой. Они победили!

Дженни хотела ответить Повелителю Огня какой-нибудь колкостью, например, заявить, что в по-настоящему неожиданных-то местах такого самодовольного щеголя и впрямь нечасто удастся увидеть... Но лорды уже двинули коней от фургона.

Их милости желали насладиться своим триумфом, осмотреть поле славы, подсчитать убитых и выбрать трофеи по вкусу. Им было недосуг ждать, пока Дженни соберется с мыслями.

— Поздравляю, Истригс, — твердили они, — сегодня воистину ваш день! Сражение прошло по плану!

Дженни пришло в голову, что лорды фальшивят так явно, говорят с такой нарочитостью, что их не взяли бы и в самую захудалую труппу. Ведь слышно же, какой завистью полны голоса!

— Господа, сегодня день нашей общей славы, один бы я не смог противостоять натиску ветра стольких Погонщиков! — голос Сертиаса звучал почти искренне, но Дженни была уверена, что и он кривит душой.

— Жаль, что Сакхлиху удалось сбежать, — добавил другой лорд. — Теперь от него можно ждать любой пакости, а он уже не связан тихоходной армией.

И вот это было сказано искренне, его милость боялся мести.

— Это верно, — кивнул генерал, — Мы еще не раз услышим о нем. А вы видели меч, который принц обнажил, прежде чем скрыться? Великолепное оружие, а сапфир в рукояти не знает равных. Ничего, когда-нибудь случай еще сведет нас, и я повешу этот меч на стену в парадной зале. На память об этом походе!..

Голоса стихали.

Оба Готвинга тоже сели в седла и отбыли с остальными лордами, а возница повел опустевший фургон следом за конными, чтобы не отстать от господина. Реми с Дженни снова заняли места в заднем отсеке, теперь здесь все было усыпано песком. Он скрипел и шуршал повсюду, и сыпался тонкими струйками на пол при каждом движении.

Пассажиры прильнули к окнам и глядели во все глаза — ничего подобного обоим еще не приходилось видеть! На этом поле во имя славы Эверона пало несколько тысяч человек! Тела лежали повсюду, где поодиночке, а где — громадными грудями. Бездыханный тролль высился среди мертвецов горным хребтом. После непрерывного шума бури голоса и скрип

песка под колесами казались пронзительными и резкими. А еще пронзительно и резко каркала ворона, снова вынырнувшая откуда-то и описывающая круги над крышей фургона. Скоро здесь будет много-много ворон, подумала Дженни.

Потом ее внимание отвлекли гоблины — они собрались шумной толпой и дружно орали. Когда фургон подкатил ближе, она расслышала:

— Милости тебе? Какой еще милости! Проваливай отсюда!

Виновником шума оказался проповедник Остерн, вздумавший последовать совету Дженни и рассказать гоблинам об учении светлого бога Тедзинга Победителя. Время для проповеди было явно неудачным — гоблины как раз собрали своих раненых и решали, какой способ лечения кому подойдет. Тех, кому судьба оставила слишком мало шансов, милосердно добивали. При случае, гоблины всегда готовы оказать подобную услугу и пленному, причем независимо от тяжести ранения. В общем, Остерна, как и предполагала Дженни, зеленокожие познакомили со своей святыней — то есть закидали комьями грязи, замешанной на крови.

Преподобный Остерн убежал от них и потом долго плелся следом за фургоном, выкрикивая постулаты своей веры. Дженни сжалась над старым знакомым и протянула ему в окно кусок ткани и флягу с водой, чтобы мог смыть багровые следы там, куда попали гоблинские снаряды.

Гномы деловито обшаривали мертвецов, подбирали сломанное оружие и с похвальной аккуратностью отыскивали свои арбалетные болты в телах павших. Мимо провели толпу понурых пленников. Несколько десятков гоблинов выбежали наперерез этому печальному шествию и едва не оказали милосердие всем, до единого, воинам пустыни.

Солдатам стоило немалого труда отстоять своих подопечных. К счастью, рядом оказался тролль, который прервал перепалку без единого слова — просто поставил громадную ножищу между спорящими, так что гоблины бросились врассыпную, их едва не раздавили.

— Вот уж не думала, что зрелище победы ничуть не лучше зрелища битвы, — печально промолвила Дженни. — Почему они такие мрачные, если победили?

Хотя, честно говоря, сама Дженни не чувствовала ни малейшей радости. Разве это не была и ее победа? Ведь она из Эверона...

— Посмотри, а там уже веселятся! — позвал Реми, который устроился у окна в другом борту.

Толпа солдат собралась у повозки, где хозяйничал еще один старый знакомый — мистер торговый представитель Рендих Мерч. Груз, который он доставил на Весперово Колено, был самый ходовой — вино.

— Подходите! — орал торговец. — Выпьем за победу! Славные герои, спрыснем большой успех! Вы живы, а враги валяются дохлыми! Это ли не большой успех?! Он самый, верно вам говорю! Героям эверонцам вино за полцены! А пустынным крысам, слугам Погонщиков Ветра, нынче отпускаем бесплатно! Если, конечно, смогут встать и кружку ко рту поднести! Ха-ха-ха!

И солдаты смеялись вместе с ним. И пили. А мертвецы, лежащие повсюду, равнодушно глядели на них засыпанными песком глазами.

Реми облизал губы:

— Я бы тоже сейчас выпил.

— Ну да, у меня внутри сплошной песок, — согласилась Дженни.

Потом представила, как бы она влиwała в себя вино среди гор мертвых тел... ой, нет. Только не это!

— Да я не о том, — вздохнул Реми. — Я слышал, вино помогает забыться. Вот бы выпить столько, чтобы не помнить, что я сегодня увидел.

Похоже, его отношение к историческим событиям сменилось на противоположное. Он больше не хотел присутствовать при великих свершениях.

Наконец фургон догнал лордов. Они остановились — генерал произносил речь. Он словно бы ни к кому не обращался, но получалось очень торжественно:

— В этот великий день, который наши потомки назовут «битвой на Весперовом Колене», Эверон снова доказал свою власть и свое право! Мы твердо стоим на Гранделине, и никто не посмеет оспаривать эти земли у Вулкана. И это благодаря вашей доблести, храбрые воины Эверона! Вы — истинные граждане! Граждане!

Ответом послужил дружный хриплый крик гоблинов и рев троллей, эти слова были обращены прежде всего к ним — тем, кто пошел в армию, чтобы получить гражданские права наравне с людьми.

Заметила Дженни и репортеров «Вечернего Эверона» — оба затесались в толпу бойцов и быстро-быстро черкали в своих блокнотах. Фургон остановился как раз рядом с ними, и Дженни разглядела, что пишет лишь один из них, второй художник, и он делает зарисовки.

— Пиши-пиши, — поощрял он того, что занимался текстом. — Я-то потом дорисую и лошадь, и знамя над головой. А ты не пропусти ни слова. Его милости понравится, если будет точно записано!

Ну да, подумала Дженни, ведь газету финансирует папаша генерала — Истригс-старший, спикер парламента и близкий родственник противной Урсулы, начальницы тайной полиции Вулкана. Ну и семейка!

Тот, что записывал генеральскую речь, рыгнул и пробурчал:

— Я-то запишу. Ох, ну и денек... Я, когда вернусь в Эверон, еще неделю буду под себя ходить песком. О! Как сойдем на берег, первым делом выпью нормального вина, прямо там, в порту! От этого, которым маркитант торгует, у меня изжога. Неделю буду пить! Не выходя из «Улыбки Вилены», потому что эту неделю проведу там! Пока весь песок из себя не исторгну!

— Ага. Я с тобой. Слушай, ты видел дэвов? Я имею в виду, в деталях разглядел?

— К счастью, нет. Пусть на них тролли любят, а мне зачем?

— Да я думал зарисовочку сделать. Но тоже толком не видал.

— Пойди, на дохлого погляди.

— Гаспар, ты гений! Я так и сделаю!

— Тогда поторопись, пока гномы не изрубили их на сувениры. Генерал уже договорил, здесь можно заканчивать.

«Улыбка Вилены», насчет которой с таким придыханием высказался репортер, напомнило о задании, с которым Дженни с Квестином отправились на Гранделин: найти брата владелицы этого славного заведения. Ох, каким далеким показался тот день, когда роскошная Клементина Сервейс вошла в их скромное агентство...

Глава 7. Дорога славы

На поле боя армия простояла почти сутки. Раньше плохо обученных солдат было невозможно собрать в походные колонны. Так объяснил Морвиг Готвинг после того, как старому лорду позволили покинуть свиту генерала.

— Мне там делать нечего, — заявил он, пока молчаливый телохранитель стягивал с него кольчугу. — Это не моя победа.

Внук был еще мрачнее деда. Доспехи он снял без посторонней помощи, и вообще, как заметила Дженни, старался ни с кем взглядами не встречаться. Что-то его сильно огорчило в нынешней схватке. Честно говоря, нынче случилось немало такого, чтобы новобранцу стало не по себе, но лорд Вулкана обязан быть невозмутимым в любой ситуации. И к тому же это был первый большой бой юного лорда, и Повелители Огня победили! Молодому победителю положено испытывать больше гордости!

Нет, решительно Уотс Готвинг вел себя неправильно. И дед ничего не сделал, чтобы утешить младшего родича. Здесь таилась некая загадка... И, честно говоря, Дженни стало его жалко. Она выбрала момент, когда никто не глядел в их сторону (младший лорд как раз, стянув кольчугу, мял в руках бречащий комок) и шепнула:

— Ваша милость, прошу простить мое неподобающее поведение на палубе. Тогда, утром, когда я лазила на мачту. Мне очень жаль, честно!

Юноша удивленно заморгал. И снова опустил глаза.

— Я хотела сказать, что смотрела на вашу битву с Погонщиками Ветра, — затрещала Дженни на одном дыхании. — Фургон так и остался здесь на холме, и я глядела с крыши. Оттуда было отлично видно. У меня даже дух захватило, когда они пустили коней на ваш строй. Вы просто герой, ваша милость!

Откровенно говоря, она не разглядела попугчика среди других Повелителей Огня, но ведь они все были герои — все, кто встал против Погонщиков в поединке стихий. Значит, и Уотс тоже!

И тут случилось такое, чего Дженни никак не могла ожидать. Юный Готвинг шмыгнул носом, и поднял глаза на собеседницу. В них стояли слезы.

— Они все видели! — прошептал он. — Все! Мой огонь был самым слабым!

— Ну и что? — опешила Дженни. — Я все видела, это был очень приличный огонь, просто здоровенный!

— Правда? — лорд раздумал рыдать и поглядел на Дженни с надеждой.

— Вы здорово держались, ваша милость, я скажу это кому угодно! Ведь все происходило у меня на глазах. Я свидетель! Во имя Трохомора, лорд Готвинг, ваше пламя было, что надо, — она подумала и добавила для верности, — просто даже очень впечатляюще! Я прямо обалдела.

Морвиг неуверенно улыбнулся:

— Миссис, вы врете.

— И готова соврать то же самое, слово в слово, кому угодно и когда угодно, — уверенно заявила Дженни. — Честно говоря, мне показалось, что все Повелители напустили примерно поровну огня. Может, у кого-то было и больше, но я не заметила. Есть такой бог, Хогорт. Так вот, его священник — мой добрый знакомый. Он говорит, Хогорт учит не обращать

внимания на мелочи. Плюньте на ерунду, во имя Хогорта! Сегодня вы победили Погонщиков Ветра.

— Спасибо, миссис, — прошептал лорд. Он оглянулся, не смотрит ли дед.

Тот все еще возился с кольчугой и одновременно что-то втолковывал вежливо кивающему Квестину. Тогда юноша промолвил несколько увереннее:

— Если вы не против, мы можем снова перейти на «ты». Когда никто не слышит. Хорошо?

Дженни кивнула, и совершенно утешившийся лорд, улыбаясь, скрылся в фургоне. А она подумала, что после сегодняшнего боя, когда лорды Эверона и принцы пустыни на ее глазах повелевали стихиями — теперь она понимает, почему им удастся обходиться без веры в богов. Но, с другой стороны, иногда боги бы им не помешали. Все хотя бы изредка нуждаются в утешении! И нуждаются в умении плевать на мелочи. И только глупая гордость мешает владыкам Вулкана в этом сознаться!

Когда стемнело, главнокомандующий пригласил Повелителей Огня на пир в честь победы. Телохранитель отправился с господами, так что фургон остался в полном распоряжении Квестина, Дженни и Реми. Вечером за ужином, прислушиваясь к шуму в лагере победителей, Квестин рассказал, что беспокоит старого лорда.

— Завтрашний день мы проведем здесь, ночью двинемся на Одвик, и придем туда еще до рассвета. Но его милость генерал Истригс не хочет терять время, он уже отправил авангард к крепости. И послал гонцов в Абадох. Как только там станет известно, что осада снята, из Абадоха к Одвику направится небольшой флотский конвой. Они привезут новости из Эверона. Те, что доставили моряки, пока мы были в походе. И лорд Готвинг полагает, что мы узнаем о новых преступлениях на Вулкане.

— Черная Рука?

— Именно. Он и хочет, чтобы такие вести пришли, и боится их.

— Боится — понятно. Но почему он хочет, чтобы были новые убийства?

— Ты заметила, как его милость гордится своей проницательностью? Он рассчитывает, что его прогноз оправдался. И что он не напрасно променял мирную жизнь на Вулкане на пыль и зной Гранделина. В противном случае ему будет весьма досадно.

— Лорды помешаны на планах, — пробурчала Дженни, задумчиво ероша волосы на затылке. Из-под пальцев сыпался мелкий песок. — У меня тоже созрел планчик: помыться при первой же возможности. Милостью Трохомора, сутки спустя мы уже будем в Одвике и найдем Ирви Сервейса. Тогда я схвачу его, поволоку к сестре, и ничто меня не остановит на пути к ванне. Вот увидишь!

Утром, когда шум в лагере затих, а утомленные боем и выпивкой победители большей частью дрыхли, вернулись Готвинги с новостями: главнокомандующий, лорд Истригс, так обожает строить планы, что за ночь, пока другие пили и веселились, соорудил целую новую стратегию.

Армия не пойдет на север по Весперову Колену, потому что разведка побывала в

крепости и убедилась: осада снята, там нет ни единого Погонщика Ветра, Сакслих увел всех. Жители и гарнизон Одвика ликуют и благословляют генерала, который избавил их от верной смерти. Поэтому лорд Сертиас-младший в Одвик, конечно, наведается. Формально, чтобы получить свежую корреспонденцию из Эверона, а на самом деле — чтобы выслушать славословия горожан и покрасоваться перед ними.

Основные силы, разделившись на три колонны, двигаются к Матарханским горам, поскольку вся армия Погонщиков Ветра погибла на Весперовом Колене и на пути наступления встать вообще некому. Самое время атаковать.

— Но нас это не должно волновать, — заключил рассказ старый Готвинг, — мы сопровождаем генерала в Одвик. Там нас заберет судно, идущее на Фирийские острова, а вы поведете свое расследование.

— Как только возвратимся в Эверон, займемся вашим поручением, лорд Готвинг, — заверил Квестин.

— Скажете мне это в Одвике, когда придет пора прощаться. До тех пор мой фургон в вашем распоряжении. Идем, Уотс, нам нужно выспаться до вечера. В дорогу выступим с закатом, под охраной конвоя генерала Истригса.

Забираясь в фургон, старик озирался и, кстати, очень долго смотрел вверх. Ворону ищет, догадалась Дженни. Ничего, она здесь, даже если не показывается на глаза. Не для того птичка проделала такой долгий путь, чтобы отстать на плоской равнине, где с высоты птичьего полета ее цель видна как на ладони. Просто на поле недавнего сражения у вороны всегда найдутся неотложные дела, так устроен мир.

Сама Дженни уже мечтала о том, что скоро вернется на Горшечную, восемьдесят четыре, где, конечно, многое не идеально, но существует ванная комната.

Ночью лагерь пришел в движение, солдаты выстраивались колоннами и уходили по степи, освещенной тысячами факелов. Армия Эверона приступала к большому и сложному маневру, а ее главнокомандующий во главе конвоя и большого обоза с продовольствием для оголодавшего Одвика отправлялся на север. Где-то в середине этого шествия катил фургон Готвингов с дремлющей Дженни и листающим свои ворованные заметки Реми, со старым лордом Морвигом, пытающимся вычислить, что же представляет собой Черная Рука. С юным лордом Уотсом, который переживает из-за своего слабого дара и боится, что это помешает ему достойно представлять Вулкан перед Говорящими Со Зверями. С Квестингом, который прикидывает, как бы ему уговорить Ирви Сервейса — с учетом тайны, которую шепотом сообщила ему мисс Клементина. И с молчаливым телохранителем Готвингов, который слишком мало говорит, чтобы делать заключения о том, что он думает. И думает ли он вообще?..

Путешествие заняло всю ночь. Полуостров Весперово Колено, причудливо извиваясь, уходил далеко в море, и дорога следовала его извивам, к тому же она петляла между отрогами невысоких гор. Дженни была бы не прочь поболтать, но Реми даже не читал — в его лампе закончилось масло, так он сказал. А может, просто ленился читать вслух. Поговорить на «ты» с младшим Готвингом тоже не случилось, дед его не отпускал от себя. Осталось только спать.

Городок Одвик, расположившийся на северном окончании этого отростка суши, показался на рассвете. Дженни выглянула в окно, чтобы разглядеть это место, ставшее, благодаря войне, знаменитым. Если бы не осада, Одвик был бы ничем не примечательным захолустьем. Однако Погонщики Ветра, заняв его, могли рассылать свои шторма далеко в

море, для того и пытались овладеть Одвиком.

Город защищала стена, сложенная из обожженной глины, как большинство построек на Гранделине. Сейчас стены утопали в наносах песка — следах атак Погонщиков Ветра. Над приземистыми башнями уныло обвисли грязные изодранные тряпки — флаги Эверона, потрепанные ветрами.

Когда конвой приблизился к стене, ворота с душераздирающим скрипом отворились, и толпа хлынула наружу. Жители кричали, размахивали руками. Всем хотелось увидеть знаменитого героя Сертиаса Истригса, который спас Одвик и прогнал Погонщиков.

Солдаты в выцветшей под жарким южным солнцем форме оттеснили народ с дороги, чтобы освободить проезд. Они вертели головами, стараясь не упустить момент, когда покажется их главнокомандующий. Хотя им было велено сдерживать толпу, но ведь тоже хотелось поглядеть! Да что там, Дженни тоже почувствовала, что не прочь увидеть этого зазнавшегося лорда Сертиаса. Она могла придумать тысячу объяснений своему порыву: как-никак она присутствует при историческом событии. Как-никак генерал Истригс в самом деле великий победитель. Как-никак, ей хочется присоединиться к радости жителей Одвика. Если все радуются, то почему же она не должна разделить веселье? Ну а сейчас всем охота поглядеть на Сертиаса, это часть праздника. Непременное условие, так сказать!

И вот она увидела генерала. Конный конвой продолжал движение, а лорд с несколькими сопровождающими остался под знаменем — принимал доклад коменданта. Пока фургон катил мимо, Дженни смогла полюбоваться на героя. Истригс, конечно, привел себя в порядок, доспехи на нем сияли в розовом свете утра. Знамя, чистенькое, не обтрепанное песчаными ветрами, осеяло его гордо поднятую голову, и лорд опять был похож на статую — на этот раз конную. Его породистый жеребец, отлично вышколенный, замер и не шелохнулся, пока его седоку возносили хвалу. И Истригс тоже не шевельнулся, пока комендант, пожилой дородный вояка, со слезами на глазах твердил, что весь Одвик, и солдаты, и жители, надеялись лишь на его милость генерала Истригса. Не на снисхождение богов, не на удачу, а единственно лишь на славного лорда Истригса-младшего.

Генерал благосклонно кивал — конечно, конечно, Повелители Огня, а не боги — истинные заступники граждан своей державы.

Потом фургон проехал в створ ворот, и Дженни больше не видела, как старый офицер возносит молитвы конной статуе божества. Еще несколько поворотов, и толпа осталась позади, теперь за окном мимо Дженни проплывали все те же пропеченные глиняные улицы, что и в Абадохе. Только домишки пониже, переулки еще кривее да повсюду толстенный слой песка. Вдоль стен его разметали ногами пешеходы, когда спешили к воротам, а посередине улицы так и громоздятся самые настоящие барханы. И колеса фургона едва не вязнут в них. Легко понять радость жителей Одвика — им долго пришлось выносить все невзгоды, какие приключаются, если твой город атакуют Погонщики Ветра. Сколько бурь разразилось над этими убогими домишками...

— Смотри, сколько песка! — позвала она Реми, который уже не читал, но и наружу не пялился. Господин посольский секретарь перебирал свои тюки и сумки, он уже думал, как будет грузиться на корабль.

Но Реми отлично понимал: если Дженни хочет, чтобы он посмотрел, то проще подчиниться сразу, это сэкономит время и силы.

— Песок, да, — пробормотал он. — А куда мы едем?

— Не знаю, — беспечно ответила Дженни. — Но это очень маленький город! Здесь

куда ни соберись попасть, а на месте окажешься очень скоро.

И верно, вскоре фургон встал. Дженни услышала, как скрипнула дверь в передней части.

— Дженни, выбирайся! — окликнул «дядя». — Со всеми пожитками! И попрощайся с Реми!

Они стояли у зданий, где расположился городской гарнизон. Сюда проследовал конвой Истригса, и возница Готвинга, который правил за ними, пригнал фургон на эту площадь.

Сейчас здесь почти никого не было — солдаты обеспечивали порядок у ворот, а те, что остались в карауле, люто завидовали остальным. Им тоже хотелось поглазеть на прославленного генерала, который принес Одвику избавление. Но к воротам им не удалось попасть, потому они утешались, разглядывая гвардейцев Истригса и приезжих в фургоне. Дженни помахала им рукой — она считала, что этим славным воинам даже повезло, ведь на нее глядеть наверняка интересней, чем на надутого самодовольного генерала.

Сейчас Готвинги отправлялись в порт, а Квестину с Дженни следовало поискать рядового Сервейса здесь, в казармах. Значит, пришло время расставаться. Отставной префект подошел к фургону, чтобы напоследок заверить старшего лорда, что вскоре займется Черной Рукой, а Дженни с грудой пожитков осталась рядом, у обочины. Неожиданно мимо Квестина из фургона выскользнул младший Готвинг. С решительным видом юноша направился к Дженни, покраснел, несколько раз судорожно вздохнул, и наконец выпалил:

— Миссис Дженнифер!

— Дженни... мы, кажется, перешли на «ты»? — она тоже растерялась. — Если вашей милости угодно...

— Да, конечно... Дженни, спасибо тебе. Вот.

— За что?

— Я наблюдал за тобой украдкой. Ну, когда было можно. Там, на корабле, и потом, в пути. Знаешь, на тебя было приятно смотреть. Ты такая... ну... в общем, славная.

Пришла пора краснеть миссис Дженнифер. А Уотс Готвинг, уже набравший разгон, несся дальше, увеличивая скорость. То есть бормотал все быстрее и быстрее:

— Меня везут жениться, понимаешь? Дедушка везет. Это условие договора с Говорящими. А у меня никогда не было дамы сердца, так получилось... И я не знаю, что за принцесса живет там, на этих островах. Я смотрел на тебя и думал: хорошо бы, она была похожа на тебя! С тобой легко. Вот. То есть спасибо за это. Если окажешься на Фирийских островах, я буду счастлив тебя увидеть. Прощай!

Не дожидаясь ответа, юный Повелитель Огня побежал к фургону. Дженни замерла, раскрыв от удивления рот и чувствуя, как наливаются густым жаром щеки. И с тем, и с другим она ничего не могла поделать.

Квестин как раз закончил беседовать с его милостью, и Уотс проскользнул мимо него внутрь. Хмурый возница прикрикнул на лошадей, и тяжелая колымага тронулась с места. Дженни услышала, как внутри проскрипел голос старика:

— Юноша, так вести себя, я бы сказал, непозволительно. И только учитывая все обстоятельства...

Грохот колес и шорох песка заглушили его дальнейшие слова. Квестин проводил фургон взглядом и обернулся к племяннице:

— Что тебе сказал его милость молодой лорд?

— Что я принцесса. Вернее, могла бы быть ею. Или она мною. Или еще как-то так. В общем, он был очень мил...

Дженни говорила и говорила, а сама пыталась сообразить, что это с ней такое сейчас случилось? Ведь ей не показалось? Или все-таки показалось? Может, это был мираж? Гранделин — пустынная земля, а в пустынях бывают миражи, это общеизвестно... И почему эти миражи являются непременно к ней?

— И вообще, дядюшка, я же тебя не спрашиваю, о чем ты секретничал с его милостью старым лордом! — заключила она.

Потом потрогала пылающие щеки и заявила:

— По-моему, нам пора познакомиться с рядовым Сервейсом, а не терять время в глупых разговорах. Все равно мы больше не увидимся с Готвингами!

Хотя один из них говорил очень милые вещи... а другой обещал заплатить за кое-какую работенку... и еще неизвестно, какое из этих замечательных предзнаменований сулило больше неприятностей.

Квестин предъявил караулу письма с роскошными печатями, но это не помогло — внутри детективов пускать не хотели. Солдаты, загорелые и тощие — видно, оголодали за время осады, не интересовались письмами. Их больше занимали обозные фуры с продовольствием, которые встали у казармы. Вот на обоз они глядели с жадным вниманием.

Дженни топнула ногой и заявила, что она не для того отважно сражалась с Погонщиками Ветра, чтобы теперь жариться на этом солнцепеке. А на площади и в самом деле становилось жарко. Чем дальше, тем больше припекало раскаленное белое солнце, вставшее над Одвиком. И Дженни даже расстегнула пару из тех самых пуговиц.

— Так вы сражались, значит, — недоверчиво протянул командовавший караулом сержант. — Ну, это другое дело.

Дженни поняла, что он пялится на ее ключицу, открывшуюся, когда распахнулся ворот. Скосив глаза, она с досадой обнаружила, что уже позеленевший синяк дополз и туда. Выглядело, конечно, отвратительно... Зато вид ее увечья разжалобил сержанта, и он позволил им пройти в тень.

Но все равно пришлось ждать, пока возвратятся офицеры. Наконец, уже ближе к полудню, пришельцев принял начальник гарнизона, толстый полковник, произносивший речь у ворот.

Этому жирному борову, похоже, и жара, и тяготы осады были нипочем, его брюхо оказалось непобедимо. Он даже к столу придвинуться не мог из-за своих габаритов. И не подумал встать, когда в его кабинет привели посетителей.

Отдуваясь и утирая пот, он поинтересовался, чем может быть полезен. В отличие от подчиненных, печати он оценил, но и это не возбудило в нем рвения.

— Мы разыскиваем солдата Ирви Сервейса, одиннадцатый полк пехоты, — завил Квестин.

— А что он натворил, этот рядовой? — осведомился толстяк, разглядывая гостей. Выглядели пришельцы вовсе не респектабельно, и полковник, только недавно слушавший речь лорда о собственном героизме, предвкушал награды и сомневался, следует ли ему все-таки угодить этим людям. Все-таки, он герой, а они кто? Явно мелкие сошки.

— Прошу прощения, не имею права раскрывать, — Квестин, будто бы из-за жары

обмахнулся верительными грамотами, так что многочисленные печати закачались на шнурках. — В этом деле заинтересованы весьма высокопоставленные особы. Вы, конечно, знаете, как они дорожат своими секретами.

— Конечно, конечно, я понимаю, — буркнул полковник.

Ведь он большой начальник и герой, как же ему не знать обычаев знатных персон? Положено знать!

Толстяк велел солдату, который привел посетителей, достать с полки тяжеленный том в засаленном кожаном переплете. Раскрыл и стал листать, шевеля губами от натуги. Чтение явно давалось ему с трудом. Тем более, что из-за солидного брюха между глазами и столешницей образовалась приличная дистанция, ближе придвинуться офицер не мог.

Дженни, теребя злополучные пуговицы, внимательно следила, как толстый палец офицера ползет по рядам строчек. Она догадалась, что это имена солдат одиннадцатого полка. Напротив многих стояли некие пометки. Может, о ранениях или гибели? До сих пор ей даже не приходило в голову, что Ирви Сервейса может не быть в живых.

— Сожалею, — буркнул наконец командир гарнизона, — такого солдата в моем подчинении не состоит.

Он с грохотом захлопнул книжищу.

— И не состояло никогда!

— Ирви Сервейс, одиннадцатый полк пехоты, — настойчиво повторил Квестин. — В Абадохе мне подтвердили, что одиннадцатый полк направил его подразделение сюда, в Одвик.

— Сожалею! — снова отрезал жирный вояка.

И прозвучало это как «пойдите прочь»...

За дверью прогрехотала россыпь тяжелых шагов, в кабинет ввалился солдат и, не успев даже принять стойку «смирно», просипел перехваченным голосом:

— Его милость лорд генера...

Закончить фразу воин не успел, потому что ему пришлось торопливо отскочить, освобождая вход. Из коридора гордой походкой шагающей статуи вступил лорд Сертиас Истригс-младший. И вот тут полковник доказал, что отважные воины Эверона способны действовать молниеносно — даже те, что страдают избыточным весом. Любо-дорого было глядеть, как он взмыл из-за стола, словно охотничий сокол, спущенный с хозяйской перчатки.

А Дженни торопливо запахнула ворот. Она тоже умела двигаться быстро.

Следом за Повелителем Огня в кабинет полковника ввалились четверо дюжих гвардейцев, эти бравые ребята так напористо и резко расступились за спиной своего генерала, что всем, кто был в комнате, то есть детективам и паре местных солдат, пришлось податься к стенам. А лорд Сертиас в их сторону даже не глянул, он сразу обратился к хозяину кабинета:

— Полковник, у меня мало времени. Поэтому слушать внимательно, запоминать крепко и исполнять неукоснительно. Я понятно говорю?

— Так точно, ваш...

— Отлично, — не дослушал офицера Повелитель Огня. — Итак, я принял решение: центр провинции будет перенесен из Абадоха сюда, в Одвик. Местные жители за время осады доказали, что они верны Эверону, а в Абадохе слишком ненадежное население.

На самом деле, насколько понимала Дженни, Абадох просто был в несколько раз больше, богаче и многолюднее, ну а крошечный Одвик просто легче держать под контролем. Но если его милость сооружает новый план, то мелочи побоку!

— Вы получите подкрепления, рабочую силу и полномочия, — продолжал генерал. Он замер в картинной позе, левой рукой придерживая ножны, а правой указывая на стол перед толстяком, как будто перед тем лежал не толстенный том со списками солдат, а новые планы устройства порта. Статуя архитектора, догадалась Дженни. На этот раз его милость не герой-полководец, а великий строитель. Можно ваять новую статую. — На самом деле вам не придется ничем особенным заниматься, я пришлю и специалистов, и подробные инструкции. Порт будет благоустроен для приема больших кораблей. Городские укрепления усилены и модернизированы. В центре придется снести глиняные халупы и выстроить приличные административные здания. Понадобится много воды, поэтому будут выкопаны колодцы. Самое главное — запомните! Все работы будут производиться моими людьми, а вы не будете им мешать. Особой помощи с вашей стороны я не жду, но любые жалобы на противодействие моим планам могут очень серьезно испортить вашу карьеру, понимаете? Вашу так неплохо начавшуюся карьеру.

— Так точно! — гаркнул полковник, уже успевший прийти в себя и жадно ловивший каждое слово начальства. — Любое содействие и никаких помех!

— И никакой инициативы, — добавил Сертиас. — Только точное следование инструкциям. Лишь благодаря этому мы одержали великую победу над Погонщиками Ветра. Хороший план и точное исполнение.

Само собой разумеется, никто из присутствующих не проронил ни слова, пока говорил лорд Истригс. Двое солдатиков местного гарнизона, кажется, дажедохнуть лишний раз боялись. А вдруг их вдохи не входят в планы великого лорда? Но совсем другое дело — Дженни. Поскольку полуостров носил имя части тела божества, заведующего мелкими пакостями, не иначе сам Веспер толкнул Дженни под локоть. Она высунулась из-под руки рослого гвардейца и пискнула:

— Не такая уж великая победа! Успех был бы полным, если бы ваша милость взяли в плен хоть одного Погонщика. И сейчас он бы следовал за вами повсюду и создавал прохладный ветерок. В такой духоте — дело явно необходимое.

Лорд Сертиас медленно, словно нехотя, повернул голову — принял еще одну позу, пригодную, чтобы позировать скульптору. Его губы слегка изогнула легкая улыбка.

— Bravo, миссис Дженнифер, — произнес он, — каждая ваша фраза на вес золота. Я не забыл, что вы сказали принцу Сакхлиху. Это было великолепно. По-настоящему остроумно.

Гвардеец, преграждавший Дженни путь, посторонился с грацией крепостных ворот, когда их распахивают настежь, и Дженни сделала шаг, чтобы предстать перед его милостью, как полагается, а не изогнувшись под надраенным до зеркального блеска налокотником верзилы-гвардейца. Немного портило впечатление то, что ей пришлось придерживать слишком низко расстегнутый ворот.

— Ваша милость весьма благосклонны и снисходительны к моим попыткам быть полезной. Принца мои слова задела, что замечательно укладывалось в план. В ваш гениальный план.

Сертиас кивнул:

— Именно так. План удался потому что все его придерживались. Надеюсь, и дело, с которым вы прибыли на Гранделин, разрешится благополучно.

Затем он обернулся к полковнику, который вдруг ощутил, что прозрел — пелена спала с его заплывших салом глаз, и он увидел, какая сиятельная леди его посетила. С сиятельными синяками на ключице и сиятельными растрепанными волосами, пересыпанными пылью.

— Полковник, это же относится и к вам: планы удаются, если их придерживаться, — говорил тем временем лорд. — Ждите подробных инструкций, а пока продумайте, где вы разместите две тысячи пленных, взятых в битве на Весперовом Колене. А также полторы сотни гоблинов, необходимых для их охраны. Это рабочая сила, которую я имел в виду.

Лорд развернулся и, чеканя шаг, покинул кабинет. Попрощаться или сказать хоть что-то перед уходом он не удосужился.

Его охрана, гремя латами, вышла следом. Дженни, дождавшись, чтобы полковник перестал хлопать глазами им вслед, подступила к столу.

— Итак, на чем мы остановились? — как ни в чем не бывало, спросила она. — Давайте закончим побыстрее, чтобы вы могли скорее приступить к исполнению гениального плана. Да и мне нужно поспешить, чтобы не отстать от свиты его милости. Он не терпит, когда я задерживаюсь.

Полковник, даже горя рвением, никак не мог отыскать следы рядового Сервейса в своей устрашающей книге. Он остервенело листал страницы, капли пота ползли по щекам, толстяк смахивал их рукавом... ничего не помогало. Не было такого солдата — и все тут!

Квестин уже несколько раз перечитал бумаги, которые получил в Эвероне и в Абадохе... там тоже не нашлось ничего нового. Отважный воин Ирви отбыл с отрядом с Абадоха, но в Одвик не попал?

И тут полковник энергично крикнул и хлопнул ладонью по злополучной книжище:

— Вот он! Нашелся!

Дженни с Квестином склонились над столом. Пометка напротив имени одного из рядовых гласила: этот доброволец изъявил желание служить под другим именем. Ирви Бойс, вот как его звать! И в списки гарнизона он попал уже как Бойс! Толстяк шумно выдохнул и широким движением утер мокрый лоб. Он победил!

— Да, Сервейс слишком известная фамилия, — пробормотал Квестин. — Этого малюга можно понять. Ну, так поможете нам отыскать этого скромного героя?

Полковник снова склонился над исписанными листами, чтобы узнать судьбу Ирви. Детективы уставились на него в ожидании ответа.

— Он отправлен с миссией, — наконец объявил толстяк. — Два месяца назад, еще до всех этих событий с осадой, мной было получено предписание: выделить пятьдесят человек для охраны дипломатической миссии. Ирви Бойс оказался в этом отряде.

— И... куда же отправлен отряд? — осторожно спросил Квестин.

— Да на Фирийские острова! Тамошние правители изъявили желание вступить в переговоры, на острова отправили посольство, ну и охрану при них. И ваш Бойс, который, оказывается, вовсе не Бойс, попал в команду, приставленную к дипломатам. Последние

сведения таковы: нашим солдатам выделили укрепление на окраине архипелага. Они там несут службу. И ваш человек тоже там.

— Благодарю, полковник, — кивнул Квестин. — Отличная работа!

И тут же, подхватив Дженни под руку, бросился к двери. «Племянница», спеша изо всех сил, едва поспевала за ним. А «дядя» не останавливался, он очень целеустремленно волок Дженни за собой. Из дверей гарнизонной канцелярии, через площадь, где разгружались продовольственные фуры, потом по улице, занесенной песком... Книголюб.нет

Дженни сперва помалкивала — берегла дыхание. Но солнце палило немилосердно, саквояж оттягивал руку, ушибленное плечо ныло, а складной нож, подсунутый под ремень сзади, то и дело норовил провалиться туда, где ему явно не место. Наконец Дженни взмолилась:

— Да куда мы так летим? Погоди! Дай дух перевести! К чему эта спешка?

— Я уверен, что сегодня одно судно точно отправится на Фирийские острова! — бросил Квестин через плечо. Он слегка умерил темп, но и не подумал остановиться. — А другой okazji можно ждать месяцами!

Дженни сообразила: верно, Повелителю Огня Готвингу наверняка будет предоставлено судно! И одному Трохомору ведомо, когда можно будет заполучить другую возможность. Она припустила из последних сил.

Но спешили они напрасно. Небольшой парусник с командой из местных уроженцев, загорелых, разбитных и болтливых, должен был покинуть порт только под вечер. И Готвинги уже были на борту, а кроме них, там нашелся еще один старый попутчик, преподобный Остерн. Увидев знакомые лица, слуга Тедзинга Победителя поспешил сойти по трапу на причал.

Он вовсе не разочаровался в своей миссии, просто устал, постоянно встречая непонимание в солдатах Эверона. Особенно в гоблинах. Да и в гномах. Впрочем, люди были не лучше... Остерн нуждался в отдыхе, в хотя бы кратком пребывании среди добрых людей, склонных к милосердию! Иначе он ослабнет в вере.

И вот, прослышав о славных жителях Фирийских островов, священник задумал посетить это место в надежде отыскать истинно милосердных братьев. Говорят, они обходительны даже с бессловесными тварями, эти островитяне. Великодушный и добрый народ!

С помощью проповедника сговориться с капитаном судна оказалось легче легкого. Правда, письма с печатями не впечатлили моряка ни капли. Он только улыбался, демонстрируя отсутствие половины зубов, качал головой и требовал совершенно умопомрачительную сумму за проезд. Тогда Остерн напомнил, сколько капитан взял с него, и посоветовал капитану не гневить богов жадностью. Тот простодушно сознался, что с важных персон, вроде лорда Готвинга, он берет куда больше. А вдруг его новые пассажиры тоже важные персоны? Вон какие красивые печати на их грамотах... Богов много, кто-то из них требует щедрости, а кто-то ведь осуждает простофиль, упускающих выгоду! Как угодить всем?

В общем, при посредстве проповедника цену удалось сбить до вполне приемлемых размеров. Тем более, свободных кают им капитан предложить не мог, все уже были заняты. За место на палубе он согласился взять столько, что боги не будут гневаться.

Дженни с Квестином поднялись по трапу, но не успели как следует осмотреться, чтобы выбрать местечко, где сложить саквояжи, как над головами захлопали крылья, и на борт с небес плюхнулась ворона. Уселась, всем своим видом показывая, что она здесь надолго.

Покосилась на детективов и принялась невозмутимо чистить перья.

Квестин отправился с визитом к лорду Готвингу — известить, что его милость может и в этом плавании всецело рассчитывать на их услуги. Дженни осталась на палубе наблюдать за суемой, царящей, несмотря на жару, в порту. И заодно поразмыслить, как ей себя вести с младшим Готвингом... Одно дело, когда он сказал ей то, что сказал, имея в виду, что они прощаются. Но теперь совсем иное дело!

До отплытия оставалось порядочно времени, капитан покинул парусник и отправился на причал. Вернулся он с еще одним пассажиром — и снова это был старый знакомый! Мистер Рендих Мерч, неутомимый путешественник и предприимчивый торговец, решил освидетельствовать и состояние Фирийских рынков. Ну а раз представился такой случай, он решил отправиться немедленно.

Дженни размышляла о молодом застенчивом лорде Готвинге и о похожем на статую бесстыжем лорде Истригсе... Рендих Мерч покрикивал на грузчиков, таскавших его бочонки с товаром на борт парусника... Проповедник задумчиво молился... ворона чистила пропыленные перышки... что-то должно было случиться. И очень скоро!

Часть 2. Спасти рядового Сервейса. Глава 8.

Острова и корабли

После жары Гранделина Дженни радовалась прохладе, наступившей, когда судно вышло в открытое море. Но, едва зашло солнце, свежий морской ветер стал таким холодным, что она полезла в саквояж за курткой. Укладывала наспех, скомкала, и теперь вид, конечно, был не ахти. Но об этом можно было разве что догадываться, потому что ночью все равно не видно. Утешаясь этим обстоятельством, Дженни легла спать на плетеной из тростника циновке. Такими щербатый шкипер снабдил пассажиров, которым продал места на палубе.

Проснувшись Дженни ночью от холода. Пытаясь согреться, она, как выяснилось, во вне прижималась к «дядюшке», который тоже скорчился и укутался в сюртук, слишком легкий для такой погоды. Но спал крепко. Дженни встала и, с трудом переставляя затекшие ноги, побрела по палубе в поисках чего-нибудь, что можно натянуть на себя или чем можно укрыться. Луна встала высоко в зените и заливала судно, скользящее по волнам, серебристым светом. И волны были серебряными, и паруса над головой. Где-то рядом, среди бочонков, закрепленных канатами на палубе, похрапывал торговец Рендих Мерч. Матросы дрыхли в трюме, только на корме торчал рулевой, над его головой раскачивался фонарь — единственное теплое пятно в холодном серебряном море.

Если кто-то мог одолжить сейчас какую-то одежду, то именно рулевой. Дженни его запомнила — добродушный с виду пожилой седобородый моряк с серьгой в ухе. Вот к нему пассажирка и направилась. Пробралась вдоль борта, перелезла пирамиду ящиков и наконец оказалась у лестницы, ведущей на верх кормовой надстройки, где горел фонарь. Лестница зверски скрипела, разошедшиеся просоленные ступени визжали под башмаками, но, когда Дженни ступила на площадку, рулевой не повернул головы, чтобы глянуть, кто это так шумит среди ночи. Вцепившись побелевшими пальцами в штурвал, он усталился вправо и словно окостенел.

Проследив его взгляд, устремленный в серебряное море, Дженни ахнула. Вдалеке, там, где посеребренные луной волны сливались в плоскую усыпанную блестками равнину, двигалось... нечто. Никогда прежде не приходилось ей видеть ничего подобного. Эта штука наверняка была громадной, иначе ее было бы не разглядеть с такого расстояния! И она сияла холодным искристым светом. Дворец с устремленными к луне остроконечными шпилями? Ювелирное украшение великана, в сто тысяч раз большего, чем самый здоровенный тролль? Игрушка, оброненная богом-младенцам? Это было великолепное, ни с чем не сравнимое зрелище. Глядя на сияющее нечто, Дженни подумала, что она сама — крошечная, совсем незаметная, почти что не существующая... настолько подавляло это нечто и размерами, и величественной красотой.

— Что это? — прошептала она. — Что там в море?

Рулевой судорожно перевел дыхание и только тут глянул на пассажирку.

— Мы подойдем ближе? Разглядим это получше? — не сводя глаз с серебряного дворца, произнесла Дженни.

— Молись, барышня, чтобы никогда к нему не приближаться. Трохомор и Саронк, храните нас от таких встреч... пронесите его мимо! Пусть он нас не заметит!

Саронк — морское божество, матросы почитали его наравне с Трохомором,

покровителем путешествий и дорог.

— Да что же это такое?

— Это ледяной корабль. Веспер знает, куда он направляется, и слава Саронку, наши курсы проходят далеко друг от друга. Это судно Хозяев Льда.

— Так вот почему так холодно!

Ледяной корабль уже удалялся, и рулевой приободрился.

— Мы слишком далеко, чтобы почуять, насколько холоден этот лед, — буркнул он. — Неси его прочь, Саронк. Прочь, подальше от нас.

Дженни хотела сказать, что на борту находятся Повелители Огня, и не следует бояться ледяного корабля, имея таких попугачиков... но прикинула размеры холодного гиганта, проходящего у самого горизонта. И промолчала. Ледяной корабль был слишком велик, чтобы пламя Готвингов могло показаться надежной защитой.

Утро было солнечными, а мягкий ветерок, хотя и нес прохладу, ничуть не напоминал морозное дыхание ледяного корабля, накрывшее море среди ночи. Дженни проснулась на рассвете и сперва долго не могла выпутаться из циновки, в которую умудрилась завернуться ночью. Жесткая плетеная из тростника подстилка и гнулась-то плохо, но во сне как-то удалось накрутить ее на себя.

А Квестин спал! Он не видел ледяного корабля в серебряном свете луны, не пережил волнующего мига, когда приходит понимание, как ты мал в этом мире, он не поразился красоте холодной громадины на горизонте. Бедный старый Эдуард Квестин... Дженни дала себе великую клятву никогда не становиться старой.

Одержав победу над циновкой, она отправилась пройтись по палубе. Колени, одеревеневшие за ночь от холода и неудобной позы, кажется, поначалу скрипели, но солнышко, поднимаясь, пригревало... пассажиры, спавшие среди принайтовленных бочонков и ящиков, среди бухт каната и туго перевязанных тюков, протирали глаза, ежились, потягивались... в общем, жизнь продолжалась.

Преподобный Остерн стоял на баке, у самого крепления бушприта. Перед ним вяло вздувался и опадал под слабым ветром блинд, а проповедник глядел прямо по курсу, и не сменил позы, даже когда слышал шаги за спиной. Похоже, морская болезнь оставила его в покое.

— Что-то интересное, преподобный? — спросила Дженни. И добавила, когда он обернулся: — С добрым утром!

— Доброе утро, дитя, — улыбнулся священник. — Фирийские острова показались. Вон они, едва видны.

Дженни привстала на носки, чтобы рассмотреть точки на горизонте среди волн, бегущих навстречу их судну. А Остерн снова уставился прямо по курсу и заговорил, размеренно и ровно:

— Прекрасное зрелище, оно укрепляет разум и очищает душу. На волны можно глядеть без конца. Особенно, если видишь конец пути. Правда, не знаю, есть ли в этом истина. Тедзинг познал, что путь бесконечен.

— Это у богов бесконечен, — напомнила Дженни, — а мы причалим в порту на одном

из тех островов. Там и конец пути.

Проповедники всегда много говорят, подумала она, вот и удастся красить монотонное плавание. Нужно только разговорить преподобного. Хотя он не переодетый принц, как один ее знакомый священник, но вполне годится, чтобы поболтать. И ему тоже полезно — разговор отвлекает. А то опять начнется у него приступ морской болезни!

Но, к ее удивлению, Остерн не стал отвечать, так и пялился молча на острова, медленно встающие из волн. Кстати, Ингвар, о котором она вспомнила, был не только принцем, но и шпионом. Вот и этот молчун — не шпион ли? Ведь кто-то посылает ворону следить за Повелителями Огня? Не так уж много пассажиров «Удачи» оказалось на борту этой шхуны. Квестин вовсе не считал, что тайный соглядатай следует с ними от самого Эверона. Он допускал, что обученную птицу потому и используют, чтобы хозяин мог оставаться в тени. А вот Дженни предпочитала простые решения и подозревала, что этот самый хозяин птицы — один из пассажиров. Но держала свои подозрения при себе, все-таки «дядюшка» имеет огромный опыт в сыском деле...

Тем не менее, ей захотелось понаблюдать за преподобным поближе, и после завтрака она снова отправилась на носовую надстройку, где по-прежнему в одиночестве торчал Остерн.

Острова так и не показались во всей красе, они оставались точками на горизонте, лишь чуть-чуть увеличились.

— Вы не завтракали, преподобный? — начала разговор Дженни.

— Боюсь, я не смогу удержать завтрак в себе, — Остерн наконец отвлекся от созерцания бесконечности пути и с улыбкой обернулся к Дженни.

— Тогда плохо, — заявила она. — И зачем вы только садитесь на корабль, если так плохо переносите моря?

Собеседник пожал плечами:

— Мне очень хотелось повидать Фирийские острова. А как попасть на остров иначе, чем на корабле?

На это возразить было нечего.

— Ничего, — продолжал проповедник, — совсем немного осталось. Можно и потерпеть. Говорят, эти острова прекрасны и изобильны всем, что люди привыкли ценить. Если и есть у пути конец, то он должен быть именно таким, как Фирийские острова.

— А я ничего о них не слышала, — пожаловалась Дженни. — Расскажите, а? Что еще говорят об этих островах?

— Когда Тедзинг создал небо и землю... — тут же завел Остерн.

И Дженни пожалела, что затеяла этот разговор. Получается не рассказ о диковинных краях, а проповедь! Но, к счастью, преподобный не стал увлекаться деталями, не имеющими отношения к делу.

— ...Слепил из глины людей, изваял из камня троллей, отковал гномов из металла, и наградил их жизнью. Те капли жизни, что пролились в грязь, среди которой творил Тедзинг, дали дыхание гоблинам. И все, что хотел Тедзинг, ему удалось. Ему всегда удается, ибо он Победитель! Тогда сказал он своим созданиям: у каждого из вас будет свой путь на этой земле, ступайте этими путями. Гномы были тяжелы, они скатились в пещеры, тролли упали в овраги... Тедзинг же был молод и больше не интересовался своими творениями. Теперь он хотел расчистить место для чего-то нового. Собрал в ком глину, камни и прочее, что осталось от работы и швырнул в море. Там, где упали отходы его работы, возник Гранделин.

— Да, глины у него осталось много, — согласилась Дженни.

— И камней немало. Ты убедишься в этом, когда увидишь Матарханские горы, из-за которых сейчас идет война.

— Ага. Там же серебряные копи. Но какое отношение это имеет к Фирийским островам?

— Я к этому и веду! Когда брошенные Тедзингом камни и глина летели через море, кое-что свалилось на полпути. Из этих крох получились острова, на которых есть понемногу всего, с чем работал великий. Всего-всего понемногу, в разумных долях. На Фирийских островах все соразмерно, милостью Тедзинга Победителя. Я надеюсь увидеть в малой пропорции следы его творения. Тедзинг слишком велик, чтобы мы могли оценить его замысел целиком, но там, где только часть, где все маленькое... Может, я сумею постигнуть...

Преподобный задумался.

Дженни поглядела на цель их путешествия, острова уже были не точками, а крошечными зубчатыми силуэтами поросших лесом гор. В самом деле, если глядеть издали, похоже на модель. Все маленькое, аккуратное, красивых цветов, радующих глаз. Симпатичные лохматые зеленые горки, опоясанные ослепительно белыми линиями прибоя.

Оглянувшись, Дженни увидела, что Квестин, усевшись на тюк, туго перетянутый шпагатами, беседует с торговцем Мерчем. Хм, интересно, что у них общего?

К вечеру острова уже можно было разглядеть в подробностях. Вблизи они казались еще красивее. Зелень лесов, покрывающих скалистые склоны, была чистого нежного оттенка. Водопады, сбегаящие к морю, набухали на перекатах ярчайшей белой пеной. Морская вода несла навстречу судну ветки, усыпанные пестрыми цветами. После бесплодных глинистых пустошей Гранделина Фирийские острова казались райским садом!

Но пассажирам и морякам было не до того, чтобы любоваться красотами. Все суетились, готовясь к швартовке — матросы убрали паруса, пассажиры подтягивали узлы на вьюках. Дженни тоже раскрыла саквояж и поковырялась — не потому, что там что-то нуждалось в ее ковырянии, а просто так. Все же готовились, и ей нужно что-то сделать. От этого важного занятия ее оторвал вопрос Квестина:

— Ты что-то выяснила?

— Э? Насчет чего? — она быстро перебрала всю новую информацию, какой обогатилась за сегодня: в основном, азы учения Тедзинга Победителя.

— Я о проповеднике, — пояснил «дядюшка», — может он быть хозяином вороны?

Оба посмотрели вверх — птицы не было видно, но несколько раз за день она показывалась на мачте. Дженни сообразила: Квестин решил, что она пыталась «расколоть» Остерна. Ну и взялся за другую половину работы.

— По-моему, он увлеченный своим служением человек, — осторожно ответила она. — Рассказывал мне о Тедзинге... и все такое. Весьма душевноразрешительно. А торговец?

— Он тоже выглядит увлеченным своими заботами. Прикидывает, как получит прибыль от этой поездки, но начальству не скажет, только доложит о состоянии рынков. Довольно противный тип и, кажется, на редкость жадный. Он сказал, между прочим, что наш Остерн — бывший солдат. Говорит, прежде, чем податься в проповедники, был головоломом, каких поискать.

— А он-то откуда знает?

Квестин пожал плечами:

— Люди его образа жизни много видят и еще больше слышат.

А Дженни задумалась, глядя в сутулую спину проповедника, все еще торчащего у бушприта. Обычный человек, не очень крупный, ничем не примечательный. И болезненный, к тому же! Даже слуга Готвингов, тот, что был возницей в путешествии по Гранделину, выглядит более устрашающим типом. Мрачный, плечистый, глядит исподлобья, словно прощупывает. А у Остерна взгляд прозрачный, рассеянный. Дженни была уверена, что человек с таким взглядом не может быть шпионом. Но Брем Борк сказал, что за их домом на Гончарной следили настоящие мастера! Уж она-то понимает, что такое актерское мастерство, и как актер может притворяться...

Потом судно совершило разворот и вошло в тень острова. Вблизи Фирийские острова оказались высоченными скалами, сплошь поросшими лесом. И вот тот, что оказался ближе, заслонил низкое вечернее солнце. Там и сям на склонах виднелись россыпи огоньков — это деревни местных жителей. В спокойной воде между зелеными склонами скользили лодки, и в них тоже теплились огоньки фонарей. Ветер доносил пряные и сладкие цветочные запахи.

Уже можно было различить плеск весел, многоголосое пение птиц на берегу... все здесь дышало величавым спокойствием и радостью. Фирийские острова! Место безмятежной соразмерности и гармонии! Однако зачем-то местным жителям понадобился собственный Повелитель Огня. Что же их беспокоит?

Сперва солнце, зависшее над морем оранжевым шаром, мелькало между горами-островами, потом судно проникло глубоко в лабиринт проливов, и путешественников окончательно накрыла тень. Светились окошки домов на склонах, кричали птицы, блеяли козы. Дженни видела этих коз — их как раз вели с пастбищ по извилистым тропинкам. Стадо то показывалось, когда тропа выныривала из зарослей на лужайку, то исчезала, когда тропа терялась под густым зеленым пологом леса. Она снова пробралась на нос к преподобному, который глядел на зеленые горы так жадно, словно хотел сожрать их глазами.

— Это маленькие острова, мы пока что на краю архипелага. Здесь ветер слабее, чем в открытом море, поэтому сбавили ход. Но, говорят, в центре архипелага, где горные пики увенчаны дворцами Говорящих Со Зверями — там настоящая красота. Как я мечтал это увидеть! Мечтал и боялся сознаться самому себе, ибо не знал, приведет ли меня путь, назначенный Тедзингом, на эти благословенные острова. А вдруг нет? Ложные мечты отягощают душу!

Дженни понимала: преподобный просто размышляет вслух. Это он вовсе не к ней обращается. Ну и пускай. Может, еще что-то интересное вспомнит. И главное: он по-прежнему не похож на соглядатая.

Лавируя между островами, судно продолжало углубляться в запутанный фарватер. Когда почти совсем стемнело, к ним подплыли лодки, аборигены окликнули гостей: с чем пожаловали? Узнав, что на борту Повелитель Огня, который направляется к Говорящим, гребцы на лодках разразились одобрительными криками. Теперь судно скользило в черной воде, по которой бежали длинные дорожки огней. Множество лодок сопровождало пришельцев, указывая путь. Светильники, зажженные гребцами, бросали на волны тысячи бликов, картина была праздничная, яркая, пестрая.

Как на ярмарке, подумала Дженни, вспоминая свое детство, проведенное в фургоне странствующей труппы Бурмаля. Она замечталась и даже не слышала, что бормочет преподобный Остерн. А в себя пришла, когда сообразила, что ее зовет «дядюшка». Квестин стоял под фонарем, который зажгли матросы, и рядом с ним был Реми. Ни господин чиновник, ни кто-либо из Готвингов не показывались на палубе во время плавания, только теперь его милость отправил из своего логова наружу Реми.

Дженни кивнула преподобному и направилась к Квестину. Тот объявил: его милость предлагает детективам присоединиться к его свите. Им будет легче выполнить работу, так как спутникам Повелителя Огня на островах станут всячески угождать, ну а ему будет приятно, что его свита не такая куца. Может, на островах ценится, если вельможу окружает многочисленная толпа? Кто знает.

На Вулкане и в окрестностях лордам было плевать, что о них думают, но здесь иное дело. Здесь правят не Повелители Огня, а Говорящие Со Зверями. Чужая земля, чужие обычаи! Когда Реми удалился, Квестин пояснил вполголоса:

— Дополнительные телохранители, вот что ему нужно.

— Значит, у меня очень грозный вид, если меня выбирают в телохранители.

Квестин улыбнулся:

— Возможно, ему больше нравлюсь я? Но, полагаю, его милость впечатлило, что мы провели задержание а Абадохе, едва сойдя на берег. Мы профессионалы высокого класса, Дженни!

— Угу, лорд Грегил Вестокен мог бы это подтвердить, не случись с ним несчастье, — понизив голос, проговорила Дженни.

— Возможно, его милость знает об этой истории, — согласился «дядюшка». — Глянь, вон там на острове стоит дворец, на горе, на самой вершине. Похоже, мы уже во внутренней части Фирийских островов.

Дженни обернулась — да, верно, этот остров был обширным, на пологих склонах группы огней в нескольких местах отмечали поселки местных обитателей, а самую высокую гору венчало сооружение с округлым куполом, освещенное десятками фонарей. Наверняка там живет один из Говорящих. Но судно прошло мимо — их цель лежала где-то дальше, а другом острове.

Потом рядом вдруг оказался Рендих Мерч, озабоченно вглядывался в берега, проплывающие за бортом и причитал:

— Виноградники... вы не видите, есть ли там виноградники? Я привез вино, но если здесь делают свое, то плакали мои барыши...

На носу торчал черной тенью преподобный Остерн. Ворона каркала с мачты в ответ на птичий гомон, несущийся с островов...

Но вот показался залитый светом берег. Дженни видела длинную лестницу, тесанные из камня ступени, уводящие вверх по склону, увенчанному огромным куполом. Это был самый здоровенный дворец из всех, что миновали путешественники. На берегу толпились сотни аборигенов, в центре этого сорища под многочисленными фонарями пестрели одежды и сверкали украшения — явно очень богатые. А еще там выстроились солдаты в знакомой эверонской форме. Огненные блики растекались по шлемам и кирасам. Конечно же, это и был остров, на котором обитала семья правителя Фирийских островов, а солдаты — те самые, присланные с Гранделина. И среди них, возможно, Ирви Сервейс, из-за которого Дженни странствует по волнам, знакомится с лордами и принцами, один другого

противней... Ну, Ирви, ты дождался — судьба явилась за тобой. Не пытайся встать на пути собственной судьбы!

Глава 9. Лорд и принцесса

Матросы убрали паруса, и бросили канаты на сопровождавшие судно лодочки. Около десятка гребцов в челноках, на которых сияли фонарики, помогли причалить у пирса, облицованного гладко отесанными каменными плитами. Дженни разглядывала толпу на берегу, поэтому прозевала момент, когда Готвинги покинули каюту.

Местные разразились криками, многие указывали друг другу что-то на палубе, это и заставило Дженни оглянуться — что их заинтересовало? Оказывается, Повелители Огня наконец-то показались из каюты. По такому торжественному случаю оба нарядились в свои плащи с алым подбоем, по которым в них легко было признать лордов Вулкана. Матросы, косясь на высоких пассажиров, поспешно спустили трап, сам шкипер встал у сходней и склонился в ожидании.

Готвинги, сопровождаемые Реми и слугой, неторопливо зашагали по палубе. Все, кто был там, попятились, хотя места было достаточно.

— Пристраивайтесь позади, — бросил старший, когда оказался рядом с Дженни и Квестином.

— Что мы должны делать, ваша милость? — торопливо спросил Квестин.

— Все, что пожелаете, — отрезал лорд. — Все будут смотреть на Уотса, а не на вас. Выше голову, юный лорд, выше голову!

Дженни с жалостью поглядела на младшего Готвинга. Бедняга жутко волновался, это было слишком заметно! Он побледнел, стиснул губы и, услышав приказ деда, старательно расправил узкие плечи и вздернул подбородок. Но внушительнее выглядеть от этого, увы, не стал. Внешность его была очень уж неказистая. Впрочем, плащ Повелителя Огня — вот что было важно! Статус важнее, чем его носитель, уж так это устроено среди знатных особ... и все, кто ждал на пристани, несколько сот местных — все они в самом деле пялились исключительно на Уотса.

Дженни прикинула: а ведь старый Готвинг совершенно прав: можно делать все, что угодно! Дело даже не в том, что в ее сторону никто не глядит. У местных просто-напросто не существует ритуала встречи Повелителя Огня, этот визит — первый за многие века!

Что бы ни делали приезжие, это покажется естественным, да еще, чего доброго, станет обычаем. Если сейчас Дженни, к примеру, пройдет на руках, то всякий раз, когда на Фирийские острова прибудет Повелитель Огня, местные будут ждать такого же трюка и страшно удивятся, что ничьи ноги не торчат в воздухе среди приезжих. Да, размечталась она, хождение на руках будет признано примером истинной утонченности и благородства, местные будут обучать молодых аристократов этой премудрости... Пока она раздумывала над своей идеей, посланники Эверона сошли на пристань. И вводить новый обычай оказалось уже поздно.

Солдаты эверонцы выстроились у самого трапа, превратившись, таким образом, в почетный караул своего лорда. Готвинги важно прошествовали между их рядами и направились к подножию лестницы, уходящей вверх по склону горы. На нижних ступенях расположились владыки Фирийских островов и их свита — все сплошь родовитые аристократы, Говорящие Со Зверями. Понять это было несложно, у многих на руках или на плече сидела пестрая птичка или пушистый зверек. Вероятно, иметь при себе такого

питомца являлось эквивалентом красноподкладочного плаща эверонских лордов.

Местные были смуглыми людьми, почти все невысокого роста, почти все упитанные, с гладкой лоснящейся кожей, по которой ползали блики — отсветы огоньков фонарей, горящих здесь повсюду. Из-за обилия фонарей на нижних ступенях лестницы было светло, почти как днем. Но склон горы тонул в темноте, ступени уводили в таинственный сумрак, и только в вышине горели окна дворца местного принца. Казалось, ярко освещенное здание парит в ночном небе, а крошечные огоньки, рассыпанные там и сям по склону — это звезды. Небо над островами было полно звезд — ярких и крупных, как фонарики островитян в лодках и на причале. Очень красиво!

Уотс Готвинг порывисто вздохнул. Дженни догадалась, что он сейчас смотрит в самую середину сверкающей толпы на ступенях, там, в эпицентре шелков, серебра и золота стояла девушка. Конечно, это она — местная принцесса. И, можно сказать, невеста юного лорда. Вполне достойная причина для вдоха!

Юная леди, принцесса Фирийских островов, была типичной представительницей своего народа — небольшого роста, плотненькая, но гармонично сложенная, ее фигуру изящно драпировали складки широкого белого одеяния. Но талия, стянутая поясом, была очень тонкой. Причем пояс, набранный из чеканных золотых блях, оказался далеко не самым богатым из ювелирных изделий, которые обильно дополняли простоту белого платья. На высокой груди рядами лежали диски из благородных металлов, соединенные сложно переплетенной ажурной цепочкой, браслеты теснились на смуглых запястьях, а черные волосы, взбитые в высокую прическу, украшала диадема. Эта диадема была самым примечательным из всех украшений — ее венчал дивный граненый камень, на многочисленных холодных гранях его искрились отсветы десятков фонарей и факелов. Дженни не знала, что это за самоцвет, у нее до сих пор не было повода разобраться в сортах драгоценных минералов. Но этот был просто потрясающий! При каждом движении леди островов, при всяком повороте и наклоне головы казалось, что камень рассыпает ворохи разноцветных искр — такой была игра огней в полированных гранях кристалла.

Лицо принцессы было довольно приятным, но его несколько портила скептическая гримаса. Девушка поджимала губки и морщила бровки, разглядывая гостей.

— Вот он, один из камней, принесенных из сердца гор, — раздался шепот над ухом Дженни.

Она оглянулась — это произнес Реми, замороженно выпучивший глаза на великолепный самоцвет.

— Стыдись, Реми, — прошептала Дженни. — Вместо того, чтобы любоваться этой прекрасной дамой, ты уставился на камень. Ручаюсь, камней на этих скалах можно встретить куда больше, чем принцесс!

— Но не таких, Дженни, не таких, — облизнув губы, Реми наконец отвлекся от созерцания драгоценности. — Похоже, это последний. Другие похищены Пожирателями.

Ну а лорды Вулкана тем временем оставили свиту позади и прошли к подножию лестницы.

Девушка в диадеме и мужчина постарше — видимо, ее отец, верховный правитель Фирийских островов — сошли с возвышения, чтобы приветствовать гостей. Толпа придворных принялась рукоплескать, при этом несколько птиц-фамильяров сорвались с их плеч и стали порхать над пестрым сборищем, стрекоча и роняя перышки. Те знатные островитяне, что держали зверьков на руках, торопливо оглаживали и успокаивали

питомцев.

Дженни уставилась на правителя островов. До сих пор она больше разглядывала юную даму, а этот человек в простом белом одеянии не слишком выделялся среди богато разряженной толпы. Немолодой, лет пятидесяти, совершенно лысый, причем его голову не украшали ни короны, ни диадема — ничего такого, что могло бы указывать на высокий титул. Но если именно он вышел навстречу эверонским лордам, то он должен был являться правителем и никем иным. Пухлый, со смуглой лоснящейся кожей, как и прочие островитяне... только твердый уверенный взгляд выдавал в нем высокопоставленную особу.

— Принц Кехлинк, — прошептал Реми. — Это он пригласил Готвингов.

— А рядом его дочь? — Дженни обрадовалась возможности разузнать о местной правящей династии.

— Да, принцесса Лоянна. Но тише, принц говорит!

Правитель Фирийских островов держал на плече странного маленького зверька, похожего на кошку, белку и обезьяну и обладавшего огромными круглыми глазами ночного существа. Но обезьяной его фамилляр не был, уж это точно.

Дженни повидала обезьян разных пород на ярмарках, куда собиралось множество актерских трупп. Таких там не бывало. Вероятно, принц выбрал для общения животное какого-то местного вида. Это очень патриотично!

Произнося слова приветствия, принц Кехлинк меланхолично поглаживал зверька, тот перебирал крошечными пальчиками сладки одежды на плече хозяина, кивал и задумчиво моргал при каждом слове, словно поддакивал.

И вся толпа притихла, так что слышен был плеск волн у причала и треск просмоленных нитей на факелах.

— Нет слов, чтобы выразить нашу радость, — говорил принц, — от того, что могущественные и мудрые господа Вулкана откликнулись на наше приглашение. Судьба снова, как и в давние времена, посылает нам испытание. Именно в дни бедствий познается истинный друг. Давным-давно великий Повелитель Огня Готвинг спас наш народ от кровожадных злодеев. Мы надеялись, что если беда придет к нам снова, потомки этого славного героя протянут руку помощи...

— О каких испытаниях он говорит? — шепнула Дженни.

Но Реми только поморщился. Он жадно довил каждое слово принца Кехлинка. Дженни подумала: какая скукотища! Официальные фразы, продуманные и взвешенные слова... в них нет ни капли искренности. Идущий путем Хогорта имеет полное право пренебрегать подобными мелочами! Но Реми — посольский чиновник, у них, дипломатов, свое искусство читать между строк. Может, он умеет уловить какие-то намеки в безликой и бесчувственной речи Кехлинка?

Принц умолк и заговорил старший Готвинг.

— Мы всегда готовы прийти на помощь нашим верным друзьям и союзникам, — так же размеренно и невыразительно объявил старик, — как повелось со времен великого предка, основателя моего рода. История любит делать круг и возвратиться к истоку...

Его слушать было несколько интересней, но вот принцесса Лоянна не оценила личных ноток в речи лорда.

— Мы слышали, что нынешние Повелители Огня не похожи на того, кто когда-то избавил мой народ от Пожирателей. Что они слишком пренебрежительно относятся ко всем, кто не имеет власти над огнем. Это так? — перебила она Готвинга.

Отец девушки поморщился. Конечно, принцесса высказалась весьма недипломатично! А Дженни ощутила интерес к Лоянне. Вот это нормальный человек! Говорит то, что думает! Но старый Повелитель Огня не обиделся. Или, во всяком случае, никак не проявил недовольства. Он улыбнулся:

— Уверю вас, принцесса, это не так. Разумеется, мы, лорды Вулкана, все разные. Есть среди нас как высокомерные, так и искренние. Но каждый из нас сознает свой долг, а это важнее всего! Долг Повелителя Огня!

— Не сомневаюсь, что именно в вашей семье чтут традиции и старую дружбу, — поспешно вставил принц. — Предок наших гостей был великим человеком. И человеком прекрасной души! А мы сегодня видим его потомков! Наследников!

— Да, папа, поэтому мы пригласили именно их, — уперлась Лоянна, — однако как знать, что это именно потомки того самого Повелителя Огня? Пусть покажут, что умеют общаться со зверями. Давай устроим испытание!

— Как будет угодно принцессе, — уже более сухо ответил лорд Морвиг. — Вы вправе убедиться в том, что искусство Говорящих Со Зверями не совсем утрачено в роду Готвингов.

А Дженни снова пожалела его внука. Бедняга стоял, бледный даже в огнях факелов, и не решился вставить ни слова. Хотя речь-то шла о нем! Уотс уже забыл о том, что нужно держаться горделиво, как подобает великому лорду. Он понурился, опустил плечи и уставился на собственные башмаки. Хотелось сказать ему хоть что-то ободряющее, но момент был явно неподходящий.

К счастью, принц Кехлинк, тоже смущенный словами дочери, заявил, что гостям необходим отдых, и он немедленно проводит их в покои, приготовленные для этих славных гостей. Толпа придворных расступилась, принц широким взмахом руки пригласил следовать за ним — вверх по ступеням к дворцу, плывущему в вышине над темным островом. Эверонские солдаты, бряцая оружием, зашагали следом за лордом, и Дженни поняла, что они будут теперь охранять Готвингов. Толпа на причале зашумела — когда торжественная церемония завершилась, можно и обсудить приезжих. Но вот тем, кто шагал в свите Повелителей Огня, болтать по-прежнему не полагалось, и пришлось держать язык за зубами. А ведь на этом языке вертелось столько вопросов!

Стоило подняться на несколько десятков ступеней, как прохлада, навеваемая морем, осталась позади. Над головой сомкнулись лохматые ветки здешних густых деревьев, из-под их сени пахло влажной духотой. А ступеньки-то были крутые и страшно неудобные. Так что пришлось беречь дыхание, чтобы не отстать от головы колонны, где, окруженные носителями фонариков, шествовали принц с придворными и лорды.

Когда подъем закончился, Дженни мысленно вознесла хвалу Трохомору, давшему ей силы пройти эту дорогу. Она взмокла и устала, поэтому не очень разглядела освещенный десятками фонарей фасад дворца и застывших перед ним стражей из личной гвардии принца — здоровенных смуглых островитян. В себя она пришла только когда гостям показали анфиладу полутемных залов. Принц заверил, что они могут получить все необходимое, стоит только обратиться к любому слуге или придворному, всем приказано угождать почтенным гостям из Эверона. С тем он и удалился. Дженни показалось, что принцесса Лоянна хотела еще что-то сказать, но отец увел ее — и, наверное, как раз для того, чтобы не болтала лишнего.

Старый лорд Готвинг заявил, что нуждается в отдыхе, и удалился в самый дальний из покоев. Квестин тоже решил завалиться спать, а Дженни отправилась прогуляться по залам их части дворца. Нужно же разобраться, куда завели ее сто богов Эверона с их неисчерпаемой фантазией!

Залы тонули в полумраке, фонариков здесь не зажигали, они горели снаружи. Мягкий свет струился в окна, когда ветерок приподнимал легкие занавески. Решеток на окнах не было, и Дженни пришло в голову, что, хотя вход стерегут устрашающего вида гвардейцы и солдаты Эверона, но в окно-то легко может пробраться злодей. Когда она раздвинула невесомые полупрозрачные завесы и выглянула, сомнения пропали — дворец нависал над пропастью. От подножия стен вниз вели обрывистые склоны, по которым не так-то легко взобраться.

Но профессиональная осторожность требовала все-таки осмотреться получше. Дженни побрела, держась тени, из одного зала в другой. Пол, мощный гладкими каменными плитами, позволял передвигаться бесшумно, и Дженни никто не замечал. Хотя пару раз видела слуг, неслышно, словно тени, скользящих по пустынным залам, но сама осталась незамеченной. Потом услышала в соседнем зале голоса и подкралась послушать.

Оказывается, это Реми выпрашивал что-то у смуглого коротышки, одетого, как слуга низкого ранга. Во всяком случае, на нем были просторные шаровары, курка без рукавов и пояс без украшений. Важные персоны навешивали на себя всевозможные побрякушки, а этот, значит — человек низкого положения. Дженни выглянула из-за колонны. Слуга кланялся и твердил:

— Все, что будет угодно господину. Когда будет угодно, я все сделаю.

— Хорошо, — заявил секретарь второго ранга с важным видом. — Но я бы не хотел, чтобы об этом знали мои спутники. Понимаешь? Пусть все останется между нами, а я заплачу тебе за хлопоты.

— Да, господин. Как пожелает господин, — поклоны следовали один за другим.

Звякнули монеты, ссыпаясь из пухлой ладони Реми в смуглую горсть.

Ого, подумала Дженни, это что-то новенькое! У Реми завелись тайны! Но тут за ее спиной раздались шаги, и кто-то тихо позвал:

— Дженнифер! Ты здесь?

Она узнала голос юного лорда Уотса и поспешно выскользнула из зала, в котором Реми шушукался со слугой.

Его милость отступил на шаг, когда она выскользнула из мрака, шепча:

— Я здесь, здесь! А тебе тоже не спится?

— Волнуюсь, — признался Повелитель Огня. — Ты видела принцессу? Как она, по-твоему?

— Ну... — Дженни задумалась, подбирая слова. — Она такая... ну, бойкая.

— То-то и оно, — вздохнул Уотс. — Очень бойкая. Не то, что я! Даже не знаю, как с ней заговорить...

— Пустяки! — постаралась успокоить юношу Дженни. — Тебе не придется ничего выдумывать, на все есть придворный этикет. Каждое слово расписано заранее. Вот завтра, к примеру, тебе предстоит испытание. Как ты думаешь, что это будет?

— Я должен буду вступить в контакт с ее фамильяром. На нынешнюю встречу принцесса своего зверька не взяла, но я видел, какие питомцы у ее придворных. С ними легко, они приучены ловить мысли человека, так что получится даже у меня! Вот как бы

вступить в контакт с хозяйкой...

— Притворись кошкой. Или собачкой. С ними-то принцесса разговаривает, она же Говорящая Со Зверями!

Уотс издал очередной тяжкий вздох и признался:

— По-моему, я не понравился Лоянне.

— Ерунда! Следуй путем Хогорта! А он учит, что это мелочи. Понравился, не понравился... все пройдет. Ну, как долго она на тебя смотрела? Несколько мгновений, в темноте, ночью. Ерунда! Вот завтра она увидит героя битвы на Весперовом Колене во всей красе! И дальше будет видеть тебя всю жизнь, успеет разглядеть получше.

— Ты думаешь?

— Успеет, успеет! Может, не сразу, но до старости у нее будет достаточно времени. А эти мгновения вечером — что они перед лицом вечности? Тьфу, ничего. Так говорит Хогорт.

— Кто это, Хогорт?

— Один северный божок. Он учит, что все вокруг нас — мелочи, не стоящие беспокойства. Очень полезная философия в твоём случае.

— Нам полагается не чтить богов, — заявил лорд. — Мы, Повелители Огня, правим с высоты Вулкана, а храмы стоят в самой низкой долине. Может, это неправильно? Но нас так учат...

— Боги бывают полезны, — заявила Дженни. — Когда приходит трудный момент, и нужно выругаться, тут-то все их вспоминают. Причем вслух, и очень выразительно!

И вдруг ее осенило:

— Слушай, Уотс! Я знаю, что тебе нужно!

Она вспомнила, как Эрик, ее несчастный пропавший брат, заводил знакомство с местными девчонками, когда фургон Бурмаля останавливался в новом месте. А сейчас у Уотса именно такой случай!

Она постаралась вспомнить, как хвастался Эрик... и, старательно подражая его манере, заговорила:

— Запомни главное! Лоянна без ума от тебя. Я видела, как она смотрела, глаза не лгут. Она уже создала твой образ в мечтах, и там, в голове принцессы, ты могучий, великий, обворожительный... э-э... ну, чего там мальчишки о себе обычно воображают? Так вот, для нее ты уже сейчас таков. И принцесса страшно расстроится, если ты не будешь соответствовать ее мечтам. Не подведи Лоянну, не разбивай ее мечты! Если не будешь таким, как она тебя вообразила, ты погиб. Принцессы умеют мстить, учти! И второе: простой способ привлечь внимание принцессы...

Успокоив Уотса Годвинга и снабдив его планом действий, Дженни еще побродила немного по темным залам, но больше ничего интересного с ней не случилось. Слуги скрылись, господин секретарь второго ранга тоже пропал — не иначе, отправился вынашивать тайные дипломатические замыслы и замышлять новые подкупы слуг. Странно что ему не пришло в голову подкупить Дженни. Парочка образцов местных сладостей вполне бы сгодились. Надо будет предложить ему совершить этот акт — взамен на сохранение тайн эверонской дипломатии.

С этой светлой мыслью Дженни возвратилась в покои, отведенные детективам.

Квестин, конечно, спал. В его возрасте полагается пропускать все самое интересное, так устроена жизнь! А Дженни обнаружила, что, обследуя окрестности, она сделала одно немаловажное упущение — оказывается, в их апартаментах имелась и ванная комната! Эти Говорящие Со Зверями, оказывается, вполне цивилизованный народ! Кто бы мог подумать, а с виду и не скажешь... а может, это им звери подсказали ванну наполнить?

Вода в ванне уже остыла. А может, ее и не догадались нагреть? Впрочем, здесь было тепло, и Дженни с наслаждением погрузилась в облицованный каменными плитами бассейн. Смыть походную пыль было славно, и она едва не заснула прямо в ванне, сонливость навалилась внезапно и мощно. С немалым трудом Дженни кое-как вытерлась и добралась к постели. Засыпая, она пробормотала:

— Ирви Сервейс, не надейся, что ванна побудит меня задержаться в этом месте. Они не нагрели воду, и значит, мне по-прежнему нужно в Эверон.

Утро выдалось на редкость суматошным и коротким. Все из-за того, что Дженни проспала. На Горшечной она всегда вставала рано, а тут то ли мягкие перины были виноваты, то ли усталость... в общем, когда она проснулась, солнце уже стояло высоко, и яркие лучи пронзали насквозь невесомые занавески на окнах. Ветерок шевелил их, и пятна света бродили по стенам.

Первым делом Дженни обследовала свое плечо, пострадавшее в драке с преступным миром Абадоха. Синяк уже порядочно побледнел, но, увы, оставался слишком заметным, чтобы показывать его публике.

Квестина не было, он уже позавтракал и куда-то скрылся. Пришлось Дженни самой разбираться в сортах местных фруктов, оставленных бывшим префектом на подносе. Поднос, конечно, приволокли слуги, но сделали это так деликатно, что не разбудили гостью. Пока она завтракала, вернулся «дядюшка».

— Собирайся, — велел он, — нас зовут на церемонию.

— Какую еще церемонию?

— Испытание молодого лорда Готвинга.

— А, разговор с ручной зверушкой принцессы! — вспомнила Дженни. — Надеюсь, это ненадолго.

— Я тоже надеюсь. У нас на островах дела, ты не забыла? Мне удалось узнать, где сейчас рядовой Ирви Бойс.

— А он не здесь? — Дженни встрепелась. Что за неуловимый человек такой, этот братец Ирви! Плынешь за ним на Гранделин, потом на Фирийские острова... а он, оказывается где-то в другом месте?

— Он не слишком далеко, — успокоил Квестин. — Просто не на этом острове. Этот — что-то вроде столицы или резиденции монаршей фамилии. Эверонские гарнизоны расставлены на нескольких крупных островах, а сюда доставили только три десятка самых рослых и видных парней, достойных составить свиту их милостей.

— Значит, малыш Ирви не слишком видный малый, — заключила Дженни. — Тем проще будет его скрутить и увезти в Эверон.

Дженни оделась, и они с «дядей» отправились поглядеть на церемонию. Стоило покинуть апартаменты, отведенные гостям с материка, как Квестин и Дженни очутились среди фирийцев, направлявшихся туда же — увидеть испытание Уотса. В просторных коридорах дворца стоял гул голосов, щебет птичек и стрекотание всевозможных зверьков, сопровождавших хозяев. Шагая в этой пестрой и шумной толпе, гости вскоре очутились в

просторной круглой зале, которая, как поняла Дженни, находилась в самом центре княжеского дворца.

Стены представляли собой широкие ступени, амфитеатром поднимающиеся от центральной площадки, куда вели четыре узких входа, а свет проникал сквозь отверстие в крыше. Все пришедшие рассаживались на этих ступенях, нашлось место и для детективов. Они устроились неподалеку от прохода — как сказал Квестин, чтобы поскорее уйти, когда все закончится. Им дадут суденышко и гребцов, чтобы отправиться на остров, где расположен нужный гарнизон, и задерживаться не следует.

Ни Готвингов, ни князя с дочкой не было видно, так что Дженни занялась тем, что изучила животный мир островов — на плечах и в руках придворных он был богато представлен. Всевозможные зверьки вертелись или важно возлежали в руках Говорящих Со Зверьями, пестрые птицы порхали в столбе света, льющегося сквозь круглое отверстие в потолке...

Вот показались Повелители Огня. Уотс держался важно и подбородок задирает высоко. То ли поверил в советы Дженни, то ли — что более вероятно — ему так велел дед. Внук оказался слишком робок и неуверен в себе для великого лорда, и Дженни ничуть не сожалела, что наврала ему насчет влюбленных глаз принцессы. Застенчивому лорду не повредит немного нахальства, лишь бы не привык и не стал злоупотреблять.

Лорды Вулкана прошли по проходу под любопытными взглядами местных, птички порхали над их головами, и Уотс то и дело отвлекался на это мельтешение. Потом, спохватившись, снова принимал горделивый вид.

В проходе напротив из тени возник принц Кехлинк, а за ним шла... ого! Вот тут Дженни впервые усомнилась в правоте учения Хогорта. Как ни крути, не все на этом свете следует признавать мелочами. Рядом с принцессой Лоянной важно вышагивала здоровенная пантера угольно-черного цвета. При каждом движении по черной шерсти перетекали влажные блики, а глаза смотрели на людей в зале настороженно. В общем, выглядел фамильяр принцессы опасным. И даже намного более, чем просто опасным!

Лоянна положила пухлую ладошку на голову фамильяра, и пантера зевнула, показав на миг белые клыки, особенно выделяющиеся на фоне черной шкуры.

Дженни слышала об этих больших кошках, и даже читала в одной книжке, но там была картинка, а тут — громадная зверюга. С зубами! Дженни вспомнила, как снимала кошку Фили с дерева. Оказывается, ей тогда просто повезло. Не приведи Трохомор, чтобы когда-нибудь пришлось по заказу клиента доставать с дерева пантеру!

Кехлинк остановился, и его дочь со своим ручным зверьком пошла к центральной площадке. Старый лорд слегка подтолкнул внука и тот двинулся навстречу судьбе. Зал, в котором собралось едва ли не сто человек, притих. Даже птички куда-то подевались, в воздухе больше не наблюдалось их пестрого мельтешения. Видимо, уловили настроение хозяев. Дженни тоже затаила дыхание. Все ее выдумки не подразумевали, что дама явится на первое свидание с таким зверем. Подружки Эрика такого себе точно не позволяли! Что же будет?

Принцесса с фамильяром и Готвинг-младший вышли к центру круга и остановились в нескольких шагах.

— Принцесса Лоянна, — слегка склонил голову лорд и сделал шаг вперед. — Я давно мечтал о случае познакомиться поближе. Что скажете, если мы прогуляемся вдвоем, когда закончится эта скучная церемония? Уверен, я смогу вас развлечь.

Уотс щелкнул пальцами, и вокруг его ладони расцвел целый каскад маленьких оранжевых искорок. Пантера подалась назад, ощерив зубы, но хозяйка стиснула складки черной шерсти на загривке фамильяра, и огромная кошка замерла.

На зверюгу Повелитель Огня вовсе не глядел, и Дженни поразились: как он отлично держится! Но когда Уотс сделал еще шаг, пантера заворчала, снова показав клыки. Лоянна чуть сжала пальцы на загривке фамильяра, и лорд протянул руку к пантере. Клыки исчезли, и гигантская кошка опустила тяжелую башку. Пальцы Уотса и Лоянны встретились на ее холке. Лоянна молчала, перебирая шерсть своей любимицы.

— Я думаю, вы сможете показать мне местечко поблизости, где не будет такой толпы, — добавил Повелитель Огня.

— У нас в саду есть несколько укромных уголков, куда слуги не суются, — ответила Лоянна. В ее голосе больше не было ни вызова, ни дерзости. — Пойдемте?

Держась за руки, молодые люди прошли из зала, и принц Кехлинк посторонился, пропуская их и пантеру, которая трусила следом — как показалось Дженни, обиженная, что ее клыки так и не оценили по достоинству.

— Ну, — прошептала она Квестину, — кажется, здесь все сложилось благоприятно. Давай сбежим, пока все хлопают глазами?

Они осторожно спустились в проход и покинули зал. За спиной Дженни раздавался голос старого лорда:

— Надо полагать, мой внук прошел испытание? Что ж, мы ведь и не сомневались, что эта мелочь не задержит нас надолго, верно, принц?

— Разумеется, — откликнулся с противоположного конца зала Кехлинк. — Я рад, что молодые люди так славно поладили!

Квестин и Дженни так и не узнали, чем закончилась церемония в круглом зале, они уже шагали по полутемным залам среди колонн и пестрых занавесей, которые раскачивал ветерок. Потом, покинув дворец, спустились по лестнице на широкую набережную, у которой пришвартовался доставивший их корабль.

У пристани было куда болеелюдно, чем вчера. Только теперь здесь не наблюдалось придворных и знатных Говорящих. Зато обнаружили оба старых, еще со времени плавания на «Удаче», знакомых.

Представитель почтенного торгового дома Рендих Мерч выставил свои бочонки аккуратной пирамидой и весело покрикивал:

— Подходите, люди, пробуйте! Кто отведаст этого волшебного напитка, не только со зверями заговорит! После первой кружки сам с птицами запоет, после второй в небо воспарит... а уж от третьей с камнями на мостовой будет разговаривать, потому что ляжет и не встанет! Ну, кому охота попробовать? Всего-то пару монет, а?

У бочонков толпились местные, гремели кружки, загорелые скалили зубы и смеялись. Преподобный Остерн задушевно вещал:

— Истинно велик сердцем лишь тот, кто побеждал. Только победа и успех дарят нам верный путь. Кто не испытал величия, как может отличить грех от правды? Кто не вознесся, тот не имел случая отказаться от соблазна. Кто не изведал власти над побежденным врагом, тот не мог проявить милосердие. Подняться и отказаться от высоты — вот путь Тедзинга.

— У нас нет врагов, добрый человек, — выкрикнул один из слушателей. — Значит, мы не можем быть великодушны?

— Можете, — обернулся к нему Остерн, — но как ты узнаешь, на что способен, если не

испытал себя?..

Корабль, который должен был доставить детективов на остров с гарнизоном, оказался небольшим и с виду довольно неуклюжим суденышком, оснащенным и парусом, и гребными веслами. Шесть гребцов, по три с каждого борта, да их старший, который управлялся с рулем и парусом. Парус был непривычно устроен — он раскрывался наподобие веера.

Для гостей были предназначены места под плетеным из тростника тентом. От причала отошли на веслах, потом шкипер потянул канат — парус развернулся, и суденышко заскользило по волнам. Пока шли вокруг столичного острова, гребцы отдыхали, и Дженни даже подумала, что их напрасно взяли в плавание, с кораблем мог управиться и один шкипер — тот и рулем занимался и парус регулировал при помощи тросов. Но потом они оказались в тени другого острова, ветер пропал, пришлось гребцам потрудиться.

— Наконец-то все закончится, — Дженни зевнула, устраиваясь поудобнее. — И все эти тайны останутся позади, а мы отправимся домой.

— О каких тайнах ты говоришь?

— Вороны, соглядатаи и война. И все другое. Например, зачем принцу Кехлинку понадобился Повелитель Огня? О каких угрозах он толковал?

— Не вижу здесь тайны. Ведь идет война. У Фирийских островов мир с Погонщиками Ветра, но, рассуждая логично, есть два места, откуда Погонщики могут управлять штормами и перекрыть море для торговых судов Эверона. Это Весперово Колено, которое далеко вдается в море, да Фирийские острова. Может, они опасались нападения Погонщиков? А вот ворона... Эта порода на островах не живет, здесь ворона будет очень заметна. И, надеюсь, Говорящие Со Зверями сумеют что-то с ней сделать. Я имею в виду, поймать и расспросить. Его милость наверняка попросит принца об этом. Так что тайны ждут нас в Эвероне, Дженни.

— А вот и нет! Что ты скажешь о Реми? Я вчера видела, как он дал денег одному из слуг во дворце. И о чем-то просил. Разве не тайна?

— Реми больше не мой подчиненный, он может делать, что хочет. Возможно, как дипломатический посланник, он обязан что-то выяснить. Успокойся, нет больше никаких тайн.

Вверху раздалось звонкое карканье. Нахальная ворона была здесь и устроилась на тенте, над головами детективов.

— А вот эта птичка с тобой не согласна, — заявила Дженни. — Как теперь ее поймут Говорящие? Она все время будет прятаться, плавать на кораблях, отыскивать какие-то укромные местечки...

— Не беспокойся, племянница. Если на все острова приходится одна-единственная ворона, рано или поздно ее отыщут, — детектив задумался. — А знаешь, я ведь в самом деле гляжу на тебя как на племянницу, на свою единственную родственницу. Как ни странно, с возрастом мне все больше хочется чего-то такого... домашнего... чтобы у меня была семья.

Дженни растерялась и не придумала, что бы ответить. Ей самой было приятно считать,

что она живет в доме такого славного родственника, вроде как в семье.

— Мне уже хочется возвратиться домой, в Эверон, — продолжал Квестин. — И я просто завидую, с какой легкостью ты переносишь путешествие.

— Я-то привыкла. Всю жизнь в дороге! Вот если бы у дома номер восемьдесят четыре были колеса, и он разъезжал взад и вперед по Горшечной улице, я бы чувствовала себя куда лучше!

Плавание длилось довольно долго, солнце успело подняться в зенит и начать спуск к западу. Кораблек то на веслах, то распустив парус, скользил между берегов. Сперва это были узкие протоки между скалистыми боками островов, потом проливы стали шире — сердце архипелага осталось позади. От острова к острову они шли вод парусом, мимо рыбацких лодок, на которых загорелые фирийцы под монотонный напев тянули сети, а в сетях трепыхались радужные сверкающие рыбы. Птицы всевозможных расцветок пестрыми стаями срывались с зеленых веток, нависших над обрывами, проносились в тени паруса. Ворона, единственная на всем архипелаге, каркала им со своего насеста.

Наконец показался одинокий остров, за которым начиналось открытое море. Ветер окреп, высокие волны приподнимали легкий кораблек, но он уверенно держал курс, приближаясь к скалистому берегу. Когда подплыли ближе, Дженни разглядела на вершине горы, венчающей островок, зубчатые стены форта, а над ними — флаг. Наконец стало возможно разглядеть на полотнище алые языки пламени. Флаг Эверона.

Глава 10. Прошлое возвращается

Корабль причалил у пирса. Здесь не было удобной гавани и набережной, только пара досок на сваях, уходящие в море от узкой полосы пляжа, засыпанной галькой. И дальше — тропинка, круто уводящая вверх по склону, к воротам форта.

— Ветер поднимается, — заметил шкипер. — Странный ветер, неправильный, как бы не началась буря.

Дженни посмотрела в море. За этим островом тянулась гряда скал, а больше ничего не было. Форт выстроили на границе архипелага.

Скалы обдавало свежим соленым дыханием моря. Ветер, как ветер. Дженни с Квестином сошли на причал.

— Не задерживайтесь там, господин, — напутствовал их шкипер. — Если начнется шторм, я уведу корабль, чтобы не разбило о скалы. Пережду между островами, на тихой воде, потом вернусь за вами.

Квестин кивнул, и они зашагали по тропе. Солнце припекало, под ногами трещали сухие высушенные стебли. На этой скале, открытой солнцу и ветру, не было и подобия буйной зелени, свойственной Фирийским островам. Скучное местечко. Если Ирви Сервейсу нравится служить здесь, то он просто исключительный романтик!

В воротах Квестин предъявил свои письма с неисчислимыми печатями. Посетителей проводили к лейтенанту, который командовал гарнизоном. Пока они шли к башенке, где расположился этот офицер, целая толпа собралась, чтобы поглазеть на приезжих. Нечасто солдатам выпадало хотя бы такое развлечение.

Лейтенант, сухопарый мужчина средних лет, придирчиво оглядел печати, прочитал письма...

— И вот еще это, — Квестин протянул ему бумагу, которой Дженни раньше не видела. И печать на ней была одна-единственная. — Личное распоряжение лорда Готвинга. Мы забираем вашего солдата, он нужен его милости.

— Забирайте, — кивнул офицер, — все равно сидим здесь без дела. А этот ваш Ирви Бойс не лучший воин в моем гарнизоне. Я прикажу ему собрать вещички. Ступайте к воротам, он подойдет.

Под любопытными взглядами солдат детективы проделали обратный путь через двор.

— Ты не говорил, что мы заберем клиента сразу, — заметила Дженни. — Откуда у тебя это письмо?

— Попросил его милость. У лорда есть такое право, он же высокий полномочный посол Вулкана. Значит, может затребовать солдат из местного гарнизона — столько, сколько потребуется. Я подумал, что здесь не самое лучшее место для той беседы, которая нам предстоит. Тем более, шкипер опасается непогоды.

— Как ты предусмотрителен!

Но тут явился рядовой Ирви Бойс с походным рюкзаком, и Дженни уставилась на этого человека, из-за которого пришлось мчаться на край света. Ничего особенного он собой не представлял. Если старшая сестра подавляла своим величием, то младший представитель семейства Сервейсов, наоборот, был воплощением заурядности. Небольшого роста, тощий, узкоплечий, совсем не похожий на героя, который по зову Родины устремился на бой с

Погонщиками Ветра и добровольцем отправился в дальние края. Лицо его тоже было невыразительное, узкое, с мелкими чертами. Похоже, вся красота и значительность, отпущенные на двоих, достались сестре.

По толпе солдат, собравшихся, чтобы поглядеть на приезжих, прокатился ряд хохота и насмешливых реплик — мол, смотрите, нашего героя увозят, как же мы без него? Ирви втянул голову в плечи и понурился.

Детективы представились, и Квестин кивнул:

— Идем, Ирви.

— Куда это? — голос у героя тоже был так себе, высокий, мальчишеский.

— По дороге я расскажу подробности, а пока что мы направляемся во дворец Кехлинка.

Ты переводишься в столичный гарнизон и поступаешь в личное распоряжение его милости лорда Морвига Готвинга, возглавляющего посольство Эверона на Фирийских островах.

Спускаться по тропинке было еще труднее, чем подниматься, из-под ног сыпались камешки, и Дженни хотелось перейти на бег. Пока они шагали под уклон, Ирви бубнил:

— Да, нам говорили, что прибыл посол. Ему в почетный караул отобрали самых видных солдат, а меня, конечно не взяли. А сейчас-то чего? Чего еще от меня нужно?

Да, этот мямля совсем не подходил на роль героя добровольца. И Дженни с удовлетворением подумала, что служба ему явно не по душе. Такого уломать вернуться к богатенькой сестре будет легче легкого! Квестин хорошо придумал с этим переводом в столичный гарнизон. Сюда, на эту убогую пыльную скалу, младший Сервейс уже не вернется!

Шкипер поджидал пассажиров, стоя на носу суденышка и вглядываясь в морскую даль. Ветерок не стал крепче, и Дженни подумала, что этот дядечка только прикидывается опытным моряком, а сам всю жизнь проплавал по спокойным проливам между островами. Но как бы там ни было, пассажиры заняли место под тентом, Квестин в центре, а Дженни несколько раз заметила, что отважный воин то и дело косится на нее. Чуть склонится вперед, чтобы «дядюшка» не заслонял вид, и разглядывает. Может, просто давно не видел красивых девушек? Дженни было не жалко, пусть глядит. Ирви ее совсем не заинтересовал. Зато ворона, о которой она успела позабыть, проявила немалый интерес к новому пассажиру. Она слетела со своего насеста и стала описывать тяжеловесные пируэты вокруг передней части кораблика, накрытой тентом. Явно разглядывала нового пассажира. А потом вдруг набрала высоту и, взяв курс на центр архипелага, скрылась.

Дженни проводила ее взглядом, потом заметила, что Ирви снова пялится в ее сторону. Проверила на всякий случай, застегнуты ли те самые злополучные пуговицы. Все было в порядке. А шкипер отдал команды, его матросы расселись по банкам, на веслах отвели судно от причала, потом шкипер потянул канат, раскрывая парус. Корабль лег на обратный курс.

Когда судно, обогнув очередную скалу, вошло в лабиринт островов, Квестин заговорил:

— Ирви, не будем терять время. Сейчас я тебе все объясню. Мы прибыли сюда с поручением твоей сестры, госпожи Клементины. Она просит тебя вернуться. Ты ей нужен, Ирви.

— А она мне — нет, — неожиданно резко отрезал солдат. — Можете поворачивать, я не вернусь в Эверон. Возвратите меня в форт!

— Сейчас мы плывем во дворец Кехлинка, — спокойно произнес Квестин. — А пока что прочти письмо сестры.

Он протянул Ирви бумагу, и тот, хмуро кривя лицо, стал читать. Потом буркнул:

— Это ничего не меняет.

— Ирви, — стал увещевать Квестин, — ну сам подумай, как это выглядит. Твоя сестра со слезами просила тебя вернуться. Что ты здесь делаешь? Торчишь на скале, забытой всеми богами, среди людей, которым на тебя наплевать... А Клементина ждет, она нуждается в тебе, в единственном родном человеке!

— Ей тоже плевать на меня, — запальчиво перебил детектива Ирви. — Вы не знаете, как она со мной поступала! Вы же ничего не знаете!

— Это все в прошлом, а прошлое уже не вернется.

— Прошлое всегда возвращается, — упрямо заявил Ирви. — Оно всегда возвращается в самый неподходящий момент. И я хочу в этот момент оказаться подальше от Клементины! Забытая всем богами скала вполне годится!

До сих пор они говорили вполголоса, чтобы не слышали гребцы, но последнюю фразу Ирви едва не выкрикнул. Потом, словно испугавшись собственного порыва, замолк. Дженни подумала, что ей тоже нужно вставить слово. Внести, так сказать, вклад в общее дело.

— Только не говори, что тебе здесь понравилось, — едко заявила она. — Мне стало скучно, уже пока я поднималась по склону к воротам.

— Я солдат, — Ирви наклонился, чтобы глянуть на нее в упор. — Скука, это не самый страшный враг на войне! Зато здесь я ощущаю, что исполняю гражданский долг! Как полноценный человек!

— Ты и есть полноценный, хоть здесь, хоть в Эвероне, — мягко подхватил Квестин — но Клементина нуждается в тебе. Именно потому что вы вместе прошли через многие вещи, о которых страшно вспоминать. И ты был рядом во всех испытаниях. Она нуждается в тебе, пойми, по-настоящему нуждается. Она только выглядит сильной, а на самом деле, ей сейчас очень тяжело. Ей нужна сестра, с которой можно разделить эту тяжесть.

— Сестра? — Дженни с удивлением заглянула в лицо Квестина. — Дядюшка... С тобой все в порядке?

Квестин крикнул.

— Веспер бы все это взял! — выговорил он. — Это тайна, Дженни. Я зря проговорился. Теперь тебе придется помалкивать на эту тему.

Ирви тяжело вздохнул.

— Это правда, что ей нужна сестра, — пробормотал он. — Я знаю. Но меня она не спросила. А если я не хочу быть ее сестрой?

— О чем вы толкуете? — взмолилась Дженни. — Я уже все равно храню страшную тайну. Так можно мне ее хотя бы узнать?

— Ирви, ты не против? — обернулся к солдату Квестин. — Я уже все равно ляпнул...

— Валяйте, — махнул рукой тот. — Я вообще-то думал, вы оба знаете.

— Клементина сказала только мне, — пояснил отставной префект. — Дженни, послушай. Ирви — гермафродит, он может быть женщиной и мужчиной.

— Ого!

Дженни вовсе не была поражена наповал, на ярмарках среди странствующих актеров, она встречала всяких людей, бывали и такие... Но те, кого показывали в балаганах, выставляли свои странности напоказ, а Ирви, напротив, скрывает. И ведь теперь она видит,

что, в самом деле, при желании это худощавое, по-своему даже изящное существо вполне может быть женщиной. Как же он жил там, среди солдат? Бедный Ирви... Бедная Ирви...

— Мы начинали вместе с нуля, с ничего, — забубнил Ирви. — Клементина всегда выглядела красавицей. Сейчас она расцвела, но и в юности была очень хорошенькая. Она мечтала открыть свое заведение, ради этого мы работали, как Вesperом проклятые... ну, вы понимаете?

— Конечно, — заверил Квестин, — ты можешь опустить подробности.

— Сперва у нее было больше клиентов, она старалась... да, старалась! Стала известна, начала получать лучших ухажеров. Они платили неплохо, но мы обе во всем себе отказывали, Клементина копила на свое заведение. Когда мы наконец обзавелись собственной вывеской, она стала вести счета и меньше заниматься с клиентами, зато теперь на меня всегда был спрос. Ведь она придумала, что ее заведение — особого класса, ничего обычного, сплошная экзотика! Знатные господа, которым хотелось чего-то особенного, шли к ней. Внешне я был как мальчик, я умею скрывать вторую половину... но мог и то, и это. Мне пришлось много работать. Она все твердила, что видит во мне маленькую сестричку, но работа... Вы поймите, пока Клементина не встала на ноги, не начала зарабатывать прилично, пока ее заведение не сделалось знаменитым, я трудился для нее! И мужчиной, и женщиной, я мог быть всем, чего желает клиент, я мог оказаться и тем, и другим одновременно! Но теперь она не нуждается в особенном товаре, ее «Улыбка Вилены» процветает. Она хочет, чтобы я стал наконец той самой сестричкой, о которой она всегда мечтала, но теперь я собираюсь найти себя, разобраться, кто я такой... такая... кто я на самом деле. Без нее! С самого начала! Написать свою жизнь на чистом листе! Я пошел добровольцем, потому что к ветерану войны не будет никаких вопросов, понимаете? Я буду сам! Без Клементины! Без прошлого!

— Но ты же сам сказал, что прошлое возвращается, — напомнила Дженни. — И лучше встречать его вместе. Поверь мне, я знаю, о чем говорю. Мне уже пришлось начинать сначала.

Она нащупала твердую квадратную ладонь Квестина и крепко сжала.

— Когда прошлое вернется, лучше встречать его вместе!

Ирви долго молчал, и спутники не мешали ему размышлять. Он несколько раз перечитал письмо сестры, потом стиснул его в кулаке и задумался.

А судно тем временем скользило по протокам между зелеными островами. Над парусом, похожим на веер, порхали птицы, плескали ярко-синие волны, на них качались упавшие с деревьев цветы. Иногда в узких проливах парус раздвигал склонившиеся к воде ветки. По морщинистым бокам увитых зеленью скал бежали водопады, весело пенясь, обрушивались в морские волны. Ирви глядел на эту красоту и молчал.

Голые скалы, открытые морским ветрам, остались позади, и шкипер, кажется, забыл о возможном шторме. Он весело скалился, управляясь с рулем и парусом. Ближе к центру архипелага стали попадаться деревни, приютившиеся в долинах, спускающихся к берегу. Здесь то и дело встречались рыбацкие лодки, местные жители приветствовали проплывающий парусник, махали загорелыми руками, выкрикивали добрые напутствия. Шкипер и гребцы кричали в ответ. На вершинах гор торчали усадьбы местных господ —

Говорящих Со Зверями. Их дома высились над подвластными островами, как виллы Повелителей Огня над Эвероном, но не излучали той грозной силы, которая была присуща могущественным лордам Вулкана. Здесь все было меньше, проще, добрее и веселее.

Но вот показался и большой остров, увенчанный дворцом принца. Теперь, при свете дня, он смотрелся не так величественно, как ночью, когда, казалось, плыл в вышине над островом, подсвеченный огнями земли и неба, факелами и звездами. Белокаменное строение, утопающее в зелени садов,

Шкипер навалился на рулевое весло, разворачивая судно к набережной.

— Эй, почтенные гости! — окликнул он пассажиров. — Довольны ли вы? Мне велено сегодня служить вам. До вечера далеко, и, если желаете совершить еще какое-то путешествие, только скажите!

Квестин собрался сказать, что на сегодня странствия окончены, но Дженни дернула его за рукав, заставляя замолчать. Она заметила на пристани знакомую фигуру приятно округлых очертаний. Реми, воровато озираясь, пробирался по причалу между рыбаками, выгружающими корзины с уловом, их женами и детворой, стайками носящейся среди занятых делом взрослых. Он шагал следом за человеком в просторной белой одежде, какую носили слуги во дворце Кехлинка, и Дженни догадалась, что это тот самый слуга, которому господин секретарь второго ранга вчера ночью совал монеты. Если сопоставить все, что Дженни видела, выходило, что здесь попахивает новым приключением, не шуточным, а вполне серьезным.

Она указала Квестину на Реми и прошептала:

— Он не должен нас видеть! Ирви, будь добр, встань вот здесь!

Солдат не без удивления подчинился и поднялся с лавки под тентом, так что Квестин с «племянницей» могли укрыться за ним. Если прижаться друг к другу и пригнуться, то даже тощий Ирви прикрывал их от наблюдения с берега. Впрочем, Реми не смотрел на приближающийся парусник, он косился по сторонам: не видит ли его кто-то из знакомых, из людей, вхожих во дворец.

Пока парусник совершал маневры у пристани, человек в белом увел Реми к дальнему окончанию набережной, где на волнах покачивались узкие лодки и указал одну из них. Реми неловко сполз в суденышко и стал вертеть в руках весло. Здешние рыбаки гребли стоя на колене, попеременно опуская весло то справа, то слева. Это Дженни уже успела разглядеть, а Реми удивлялся.

— Что случилось? Почему тебя интересует Реми? — спросил удивленный Квестин.

— Ну, как же, дядюшка! Вспомни, ворона улетела, когда к нам присоединился Ирви! Помнишь, его милость говорил, что того, кто следит за нами, интересует новый человек! Ворона улетела к хозяину, а Реми тут же куда-то собирается. Разве не странно?

— Но ворона улетела давно.

— А господин секретарь второго ранга не мог раньше освободиться! Думаешь, так просто ему заняться чем-то втайне от всех? Вели шкиперу следовать за этой лодкой, но на большом расстоянии, чтобы Реми не заметил!

— Хм-м... в этом что-то есть...

Квестин, пригнувшись, шмыгнул из-под тента на корму, а Ирви Сервейс, старательно расправляющий плечи, чтобы заслонить спутницу, обернулся и спросил:

— А что вы сейчас делаете?

— Мы же детективы! — важно объяснила Дженни. — Сейчас мы следим вон за тем

подозрительным типом. Чего ты так смотришь? Успеешь еще во дворец! Лучше наслаждайся, солдат, у тебя увольнительная!

— И часто ты занимаешься такими делами? — поинтересовался Ирви. — Тебе не мешает, что ты... э... женщина?

— Вот еще! — фыркнула Дженни. — Даже наоборот! Женщиной — гораздо интереснее!

Ирви промямлил что-то неразборчивое. Возможно, в его прошлом быть женщиной не всегда оказывалось интереснее. Но Дженни тактично решила не переспрашивать.

Вернулся Квестин, и Ирви не стал возобновлять этот разговор. Шкипер развернул судно и велел гребцам занять места — неуклюже вихляющая лодочка Реми направлялась к узкой протоке, где парус не сможет поймать ветер, и придется идти на веслах.

Реми вел свою лодку очень медленно, и Дженни злорадно подумала, что он уже натер веслом мозоли. Весло — это не перо, господин секретарь! Ей ужасно нравилась собственная идея увязать ворону и странное поведение толстяка. Теперь начало казаться, что и в пути толстяк вел себя очень подозрительно, в каждом странном поступке Реми чудился тайный умысел. И его записи с картинками, что-то в них было, помимо истории первого Готвинга! Да, ведь там еще попадались какие-то карты островов! Вот для чего! Чтобы уплыть на лодочке без проводника. А почему? Ведь заполучить проводника ему было проще простого. Если, конечно, Реми не собрался сделать что-то преступное, тогда свидетели ни к чему.

Гребцам на судне детективов не пришлось слишком утруждаться, следуя за таким медлительным флагманом. Наоборот, шкипер то и дело сворачивал в сторону, огибал мелкие островки, чтобы не примелькаться. Но беглец ни разу не оглянулся. Дженни показалось, что он поглядывает в карту. Что же такое ищет старый приятель?

Квестин помалкивал, а Ирви тем более не знал, что сказать, так что оставалось вертеть в голове подозрения... но на ум не приходило ничего, что могло бы стать объяснением. Ворона не появлялась, но сейчас дело зашло слишком далеко, чтобы бросать, не добравшись до конца пути, который наметил Реми.

А он углублялся в лабиринт мелких островков и скал, торчащих из воды. Шкипер уже ворчал — лодчонке Реми было куда проще пробираться по этому фарватеру. Потом скалы сделались выше, проливы между ними теснее, здесь почти не было видно солнца, его заслоняли ветви ползучих растений, которые опутали камни и вытянулись над протоками. И поселений больше не попадалось, да и рыбацких лодок не видно. Что это за место такое? Странное, мрачное. И вода в тенистых протоках казалась черной, застойной, течения не было, в ней плавали не цветы, а гниющие листья.

Местные вертели головами, глядя в тень у берегов, им тоже было не по себе. И тут шкипер окриком заставил гребцов сушить весла. Он схватил обмотанный канатами камень, который служил якорем, и, поднатужившись, перевалил его через борт.

— Все! — заявил он. — Дальше вас не повезу, нельзя! Запрет! Это место под запретом!

— Но нам нужно! — запротестовала Дженни. — Смотри, вон Реми плывет, и ничего! Не действует запрет! Значит, и нам можно.

Но фириец уперся очень решительно, и гребцы были с ним заодно. Их в самом деле пугали темные протоки, но что там дальше — они отказывались говорить. После перепалки, за время которой лодка Реми скрылась из виду, шкипер велел спустить за борт челнок. Сзади поперек кормы был подвешен небольшой челнок, который вряд ли играл роль спасательной шлюпки, поскольку не смог бы взять на борт всех семерых моряков. Возможно, с этой

скорлупкой можно было отправить кого-то на берег, случись такая нужда.

Троим пассажирам там еще кое-как можно было разместиться, и Квестин согласился продолжить путь самостоятельно. Дженни видела, что «дядюшка» недоволен. Наверное, бранил себя за то, что послушался Дженни, но отступить было как-то неправильно. Ведь ясно, что конец пути близок, не может же запретное место занимать слишком большую площадь. На Фирийских островах не так просторно! И, к счастью, Ирви помалкивал. Ну, с ним-то все понятно, решила Дженни. После скучной службы на пыльной скале угодить в самую гущу интереснейшего детективного расследования!

Веслом завладел Ирви. Он, видимо, изо всех сил старался соответствовать выбранному им облику солдата-добровольца. Если в лодке, помимо него, молодая дама и джентльмен не самого юного возраста, то трудиться должен солдат. Получалось у него не слишком ловко, видно, что дело непривычное, но уж греб он ничуть не хуже, чем увалень Реми. Правда, пока размещались в лодчонке, и пока Ирви приноровился к веслу, Реми скрылся из вида. Но Дженни, занявшая место на носу, успела заметить, какую протоку выбрал господин секретарь, и даже лучше, что он получил фору — не заметит слежку.

Продвигаясь по черной воде за лодкой Реми, преследователи медленно плыли по узким проливчикам между камнями и скалами, сплошь заросшими зеленью. Здесь было душно и влажно, гибкие побеги полоскали кончики в стоячей воде, Дженни приходилось раздвигать ветки, а Квестину — увертываться, от них, чтобы не стукнули по лицу, распрямляясь. Оно и к лучшему: зато молчал.

В душной полутьме лодка скользила среди нагромождения поросших мхом валунов, ныряла в зыбкие сплетения ползучих растений... пару раз впереди мелькнула корма лодки Реми, иногда его путь удавалось проследить по качающимся растениям или быстро затягивающейся полоске чистой воды в зеленой мути, собравшейся на поверхности. Потом и эти приметы исчезли.

Ирви придержал весло в горизонтальном положении и прошептал:

— Куда теперь?

Лодка медленно-медленно заскользила по застоявшейся воде, покрытой листьями какого-то растения. Бурые плети шевелились у борта, как волосы утопленников. Дженни огляделась — повсюду только мешанина зеленых ветвей да едва угадывающиеся под ней скалы. Никаких признаков присутствия посольских служащих... Справа монотонно журчал крошечный водопад, и нос лодки стал разворачиваться, подхваченный легким течением, которое рождал поток, сбегаящий со скалы. А еще легкий запах гнили. Ветра здесь не было, со всех сторон скалы, и вонь висела в воздухе, не потревоженная ничем.

И тут среди веток показалась корма лодочки Реми.

— Вот он где пристал! — Дженни указала на лодку. — Сошел на берег! Давайте посмотрим, что там!

Ирви снова пустил в ход весло, направляя суденышко к острову, который выбрал Реми. Нос мягко раздвинул обвисшие ветки ползучих растений и ткнулся в камень. Дженни перебралась на скалу, Ирви пыхтел за ней, а Квестин задержался, чтобы привязать суденышко лианами. Реми поступил точно так же, и совсем недавно. Вот только куда он делся? Детективы и Ирви обошли островок, который оказался невелик.

Все неподвижно замерло, это спокойствие было сродни кладбищенскому... единственным движением оказался ручей, сбегаящий по скале. Да, пресная вода — это имело смысл. Если в здешних протоках кто-то и жил в давние времена, когда место не было под запретом, то, конечно, он выбрал место, где есть вода.

Нашлись и другие подтверждения тому, что когда-то островок был обитаем — обгорелые остатки частокола, совершенно скрытые зеленью, несколько ступеней из отесанных камней, которые вели в давным-давно обрушившеюся башенку... Вот только Реми не наблюдалось.

Обойдя островок, все трое снова сошлись у водопада.

— Ну и воняет здесь, — прошептал Ирви, озираясь. — Куда пропал этот толстяк, не пойму. И что это за место?

— Обычное запретное место, — пожала плечами Дженни. — А толстяк... хм, да. Лодка здесь, а Реми нет на острове. Наверное, место потому и запретное, что здесь люди пропадают?

— Может, у Реми было какое-то тайное поручение от министерства, а мы только мешаем... — начал ворчать Квестин.

— Нет, мы помогаем. — возразила Дженни. — Как истинные патриоты, мы явились сами и еще доставили сюда подкрепление из форта. Целого солдата!

— Мне полагается доложить офицеру, в распоряжение которого я поступил, — вспомнил Ирви. — А уже темнеет! Скоро ночь.

Она снова огляделась — ничего! И никого! И ни звука, только водопад журчит. Сами-то пришельцы говорили шепотом, очень тихо. Но... что это? Сквозь плеск и хлюпанье из водопада донеслись новые звуки — легкий скрежет камней, хрип, стоны. Как будто кого-то душат? И этот кто-то хрипит голосом Реми! Дженни, не раздумывая бросилась в водопад — прямо под холодные струйки, которые скатывались плоским водяным зеркалом с широкого каменного выступа. Она проскочила словно сквозь занавеску, сотканную из тонких мокрых нитей и оказалась в темной смердящей пустоте. Водопад скрывал вход в пещеру, и воняло гнилью именно здесь! Отсюда мерзкий запах просачивался наружу и накрывал остров.

Пещера оказалась просторной, да вдобавок имела причудливую конфигурацию, ее разделяли выступы, а коридоры уводили в глубину скалы. Реми кашлял и хрипел где-то впереди, тем едва заметно теплился огонек его свечи, это мерцание и позволяло разглядеть хоть что-то в царстве смердящего мрака. Сквозь водопад свет снаружи почти не попадал, можно было рассмотреть лишь плоский, словно искусственно отесанный пол в нескольких шагах перед собой.

Плеснула вода, рядом с Дженни из струй водопада возникли Квестин и Сервейс. Дженни нацупала склизкую поверхность скалы и поспешила на звуки, держась за стену. Под пальцами тянулась липкая влажная масса, это было противно, но выпустить склизкий камень Дженни не решалась. Казалось, только сделай шаг в сторону — и растворишься в этой вони и сумраке! Несколько поворотов, и Дженни зажмурилась — после мрака свет свечи показался слишком ярким. Прикрыв глаза ладонью, она огляделась — пещера заканчивалась округлым залом с высокими, тонушими в темноте, сводами. На стенах были грубо высечены отвратительные рожи с оскаленными клыками и выпученными круглыми глазами.

Посередине зала высился алтарь или нечто, похожее на алтарь. На нем-то среди мерзко поблескивающих склизких ошметков и горела свеча. Перед алтарем на коленях стоял Реми и

отвешивал равномерные поклоны, при этом он хрипел, рычал и перхал горлом. А еще, догадалась Дженни, источник жуткого смрада находится здесь, на алтаре. Она сама не заметила, как рука, прикрывающая глаза, сползла к носу. Но от этой вони было не спастись.

Глава 11. Неожиданности

— Что это? Кто это? — пробормотал Ирви, хватаясь за короткий меч — единственное оружие, оставшееся при нем. Помимо этого клинка, у него имелся щит и копье, входящие в стандартную экипировку эверонского пехотинца, но все громоздкое барахло он оставил в лодке.

— Позволь представить тебе Реми, секретаря второго ранга, уполномоченного представителя министерства внутренних дел Эверона, — Дженни попыталась сказать это насмешливо, но из-под руки, которой она сжимала собственный нос, вышло не очень убедительно.

Реми издал стон, полный отчаяния. Его неудержимо рвало.

— Вы его знаете, — с некоторым разочарованием протянул Ирви, опуская оружие. — А я уж подумал...

Квестин прошел мимо него и встал над господином секретарем, который не сменил позы и оставался на четвереньках. Бедняга уже избавился от всего, что успел съесть за сегодняшний день, но никак не мог остановиться. Увы, его организму было нечего добавить к луже на каменном полу. Ресурсы желудка оказались полностью исчерпаны.

Ирви спрятал клинок в ножны и подошел к алтарю, на котором, потрескивая, горела свеча.

Квестин брезгливо ткнул концом трости толстяка в плечо:

— Молодой человек, мне бы хотелось получить некоторые разъяснения.

— Не могу, это дипломатическая тайна, — с трудом выговорил Реми между приступами тошноты.

— Тем не менее, — хладнокровно произнес Квестин. — Что это за место, и зачем ты сюда забрался?

Реми с натугой разогнул поясницу и уставился слезящимися глазами на бывшего начальника.

— Это храм Пожирателей, — объявил он. — Я его отыскал!

— Вот только не ври, что тебе это поручили в министерстве, — подступила к нему Дженни, — тебе не могли дать подобное поручение! Ты недостаточно ловок для таких приключений! Ну-ка, выкладывай, в чем здесь штука!

— Ни в чем, — стоял на своем Реми, настороженно глядя на нее снизу вверх. — Храм Пожирателей! Вы видели обгорелые руины в зарослях? Это поселение, которое сжег первый Готвинг. Говорящие Со Зверями попросили прислать к ним Повелителя Огня, потомка их спасителя, и я должен разобраться, с чего это они надумали возобновить союз. Вот я и разобрался. У-э-э-э...

Его снова вывернуло. И снова безрезультатно.

— Это сердце, — вдруг произнес Ирви. — Человеческое сердце.

Он стоял над древним алтарем и брезгливо разглядывал полуразложившиеся останки рядом со свечой.

— Ты уверен? — обернулся к нему Квестин.

Тот отступил от источника вони и кивнул:

— Знаете, сколько атласов анатомии я перерыл в свое время? Это сердце. Вернее, то,

что от него осталось. Его жрали.

— Пожиратели вернулись, вот зачем островитянам понадобился потомок Готвинга, — пояснил Реми. — Я это выяснил и доложу в министерстве. Поручение исполнено. Пойдемте отсюда, а?

— Врешь, — сказала Дженни. — Если дело настолько серьезно, то сюда бы прислали кого-то с желудком покрепче. И письма Готвинга тебе бы пришлось собирать не тем способом, о котором ты мне рассказал в фургоне.

— А я тогда соврал! У меня же секретная миссия, вот я и придумал специально для тебя, чтобы сохранить тайну.

Дженни прикинула: когда же толстяк врал, сейчас или тогда, в дороге? Ох, не сейчас, нет!

— Ну, вот что, выкладывай всю правду, — решительно заявила она. — Ты хороший человек, и я не хочу тебе вредить, но терпеть не могу, когда хорошие люди мне врут!

— А еще здесь какие-то ягодки, голубенькие, — добавил Ирви, разглядывая алтарь. Местные, которые привозили нам продовольствие в крепость, говорили, что такие ягодки ядовитые, их есть нельзя, от них помрешь.

— А кого вы с собой привели? — спросил Реми. Он глядел на Ирви.

— Это лучший солдат здешнего гарнизона, — объяснила Дженни. Мы же не знали, с чем столкнемся на острове, вот и прихватили подкрепление. Но ты мне зубы не заговаривай, выкладывай, что ты здесь искал? Ты же не хочешь, чтобы я рассказала, откуда у тебя карта запретного места?

— Дженни, ты этого не сделаешь! — Реми уже сдался.

Он был слишком напуган и измучен, чтобы сопротивляться долго. И Дженни это поняла. Поэтому она примирительно сказала:

— Ладно, ладно. Не выдам. Но все-таки...

— Но все-таки мне бы хотелось знать больше, — подхватил Квестин. — Итак, молодой человек.

— Хорошо, — согласился Реми, — я объясню. И мы сразу уйдем из этого страшного места. А вас никто не видел? И вы никого не заметили поблизости? Нет. Хорошо, так и быть.

Он покосился на Ирви, и тот тактично предложил:

— Я схожу посмотрю, что там снаружи, за водопадом.

Оставшись со старыми знакомыми, Реми слегка приободрился.

— Я хотел найти камни, — объяснил он. — У Говорящих Со Зверями были дивные самоцветы...

— Которые принесли безглазые змеи из пещер, — перебила Дженни. — А их похитили Пожиратели.

— Вот именно. Последний камень украшает венец принцессы Лоянны. Вы его видели? Красота, да? А остальные были у людоедов, и первый Готвинг их не нашел. Вот я и подумал: а что, если они до сих пор хранятся в храме Пожирателей? Я хотел поискать клад. Но, похоже, кто-то меня опередил. Посмотрите за алтарем, там щель в полу. Алтарь сдвинут, а под ним тайник. Пустой, я проверил. Совсем недавно двигали, глядите, как плесень потревожили, еще не заросло. Ох, ну и воняет здесь...

— Пожиратели, — пробормотал Квестин. — Они вернулись, забрали сокровища. А заодно вырвали сердце у какого-то бедолаги.

— Ага, чтобы подкрепиться, — вставила Дженни. И почувствовала, как по спине

пробежал холодок. А что, если эти злодеи где-то поблизости?

— Так, так... Квестин задумчиво повертел свою трость. — Говорящие Со Зверями обнаружили изувеченное тело своего соотечественника, догадались о Пожирателях и решили обзавестись собственным Повелителем Огня, который будет зятем их принца и защитит, если что. Понимаю. Но этим останкам месяц, не меньше, и, вероятно, с тех пор нападения не повторялись. Иначе мы бы заметили, что народ на островах встревожен.

— Пожиратель забрал камни из тайника и смылся, — грустно кивнул Реми и с трудом встал. — Давайте тоже уйдем отсюда, а? Не хочу оставаться до темноты. Путь в протоках не найдем, и вообще...

У входа в пещеру под монотонный плеск водопада простучали торопливые шаги. Ирви окликнул из темноты:

— Пойдемте скорее! На островах что-то происходит. Я вижу зарево! Сильный пожар!

Реми с трепетом решился подойти к алтарю и забрать свечу, потом все поспешили к выходу. Ирви был прав — над черными в сумерках кронами деревьев, над скалами и протоками со стоячей водой поднималось зарево. Так гореть могли только дома Говорящих, расположенные на вершинах их скалистых островков.

По лодкам распределились так, чтобы плыть поскорее, то есть Дженни, самая легкая из всех, оказалась с толстяком Реми. И, пока он, пыхтя и вздыхая, греб, стала выпрашивать подробности. Реми отвечал коротко, между тяжкими выдохами, но их лодка все равно оказалась медленнее, а господин чиновник опасался остаться с девушкой посередине гиблых гнилых проток. Из-за этого он торопился, судорожно налегал на весло, поднимал целые фонтаны брызг, сбил дыхание и разговор не получился.

Дженни только и выяснила, что со слугой во дворце Реми сговаривался насчет лодки. А когда она спросила, при чем здесь ворона, Реми и вовсе рассердился. Из его невнятного раздраженного пыхтения Дженни поняла, что ни о какой вороне он ничего не знает. И вообще, его следует оставить в покое и позволить ему спокойно вести лодку. Потому что сейчас это важнее всего!

Зарево над верхушками скал то показывалось, то скрывалось, когда суденышки сворачивали в узкую протоку, а потом впереди подал голос Квестин. Он звал спутников, и Реми задвигал веслом из последних сил.

Ирви заметил что-то в воде, и Квестин забеспокоился. Дженни приподнялась — в красноватых отблесках далекого пожара среди тины и мутной воды поблескивала широкая выпуклая поверхность. Когда подплыли ближе, оказалось, что это днище перевернувшегося рыбацкого челна. Хозяина не было видно, а в борту застрял обломок стрелы.

Наконец запретное место осталось позади, лодки свернули в широкий пролив, и прямо по курсу показался большой остров, поросшая лесом гора. У отмели, окружающей остров, стояли на якоре три судна. Островитяне таких не строили, эти корабли были побольше и предназначались для плавания в открытом море. Их паруса не были похожи на веер. Рядом из воды торчал нос еще одного такого же корабля — затонувшего. Вокруг плавали обломки, изорванные снасти и брошенные суденышки фирийцев, некоторые горели, другие с пробитыми бортами, медленно погружающиеся в волны. Среди тлеющих досок и перепутанных канатов покачивались мертвые тела.

С палуб морских судов лучники слали стрелы на берег, оттуда, из густых зарослей на склонах скалы, отвечали. На вершине этой скалы была усадьба правителя острова, там мелькали огни факелов. От кораблей вброд по мелководью брели люди — в их руках поблескивало оружие, а щиты они держали над головами, прикрывались от стрел.

За осажденным островом виднелся другой, и его вершина пылала. Такие же пожары можно было угадать по столбам дыма, подсвеченного снизу красным, которые вставали вдалеке тут и там.

Квестин знаком велел Реми держаться у дальней стороны пролива, да тот и сам не собирався вмешиваться в сражение. Над головой возникло странное движение — шорох, хлопки, потом звезды заслонило нечто огромное, широкое, движущееся по направлению к осажденному острову. Птицы, догадалась Дженни. Говорящий Со Зверями пустил в ход свое умение! Огромная стая обрушилась с неба на корабли, стоящие у берега. Там закричали, лучники послали несколько стрел навстречу крылатому врагу, но птиц это не могло остановить, они обрушились на суда, окутали трепещущим облаком. Дженни не могла оторвать замороженного взгляда от картины битвы — никогда ей не приходилось видеть подобного!

Облако, кипящее трепетом крыльев, взорвалось, вокруг судов взметнулись волны, стали расходиться концентрическими кольцами, лодку Дженни подбросило и едва не опрокинуло, Реми охнул и заработал веслом, забыв об усталости. Дженни взвизгнула от неожиданности и упала на дно суденышка, вцепившись обеими руками в борта. Когда она оглянулась, по склону скалы поднимался вихрь — бешено крутящийся столб, в котором мелькали вырванные с корнем деревья. Она видела, как среди кустов, согнувшихся от ветра, разбегаются защитники острова. Но вихрь был быстрее, он захватывал беглецов, и они пропадали в этом всепожирающем чудище... Вихрь добрался к вершине, врезался в стену, окружающую усадьбу Говорящего Со Зверями, прошел сквозь нее, здание стало складываться, обваливаться... из-под руин выстрелили ослепительно-яркие языки пламени... Вихрь опал, но над вершиной острова встало пламя пожара.

Лодки беглецов свернули в боковую протоку, и каменистый, увитый лианами, склон заслонил разгорающийся пожар.

— Это Погонщики Ветра! — крикнул, обернувшись, Квестин. — Поспешим в центральному острову! Нам нужно найти Готвингов!

— Потому что они наши клиенты? — обалдело спросила Дженни.

Она растерялась, в голове все перепуталось.

— Нет, потому что единственный, кто может остановить Погонщиков, это они! Если спасемся, то только рядом с ними!

Еще трижды беглецы замечали Погонщиков Ветра, они захватывали острова один за другим, их было довольно много, группы из трех-пяти кораблей рыскали по архипелагу, жгли поселения, штурмовали усадьбы Говорящих Со Зверями... На каждом корабле — полсотни или больше воинов, прикинула Дженни. Слишком мало для настоящей армии, вроде той, что осаждала Одвик, а потом дала бой генералу Истригсу. Но все-таки захватчиков было более чем достаточно для внезапного нападения на мирные острова!

Среди пылающих поселков, среди разбитых кораблей и полузатонувших лодок, среди качающихся на волнах мертвецов они все-таки добрались к столичному острову. И там тоже шла битва.

Суда Погонщиков Ветра боялись подойти к каменной набережной — той, от которой лестница поднималась к дворцу Кехлинка. У причала горели лодки, вдоль лестницы от дворца к самой воде вела широкая дорога пепла и тлеющих пней, все, что огонь Готвинга оставил от цветущего сада. Справа и слева от нее на склоне, словно факелы, пылали деревья, огонь растекался по боку горы, оставляя за собой дымящиеся обугленные остовы деревьев.

На стене дворца мелькали фигурки защитников, оттуда сыпались стрелы, потом вспух огненный пузырь, перевалил через парапет и покатился по лестнице, разбрасывая снопы искр. Снизу, навстречу ему дохнул ураганный ветер, и огненный шар рассыпался, его размазал и сломал порыв рукотворной бури, в воздухе закружилась зола, это было похоже на черную метель.

Новый порыв ветра пригнул и свалил обгоревшие деревья на склоне, за ним последовали новые... Тот, кто управлял ветром, совсем не нуждался в передышке, тогда как Повелитель Огня не мог пускать свои пламенные заряды с такой частотой.

На кораблях возникло какое-то движение, потом Дженни увидела, как гребцы опускают весла на воду. Похоже, вот-вот должен был начаться решительный штурм.

Лодки, управляемые Квестином и Реми, сблизилась. Они были далеко от острова, на другой стороне широкого пролива и оставались в тени скал.

— Похоже, Готвингу придется туго! — крикнул Квестин. — Как бы нам пробраться во дворец, не столкнувшись с Погонщиками?

— Я знаю, — пропыхтел Реми. — Мы должны обогнуть остров! Там есть место, откуда я проведу вас во дворец. Следуйте за мной!

Лодки снова двинулись с места, держась у самых прибрежных камней. Дженни то и дело оглядывалась — как там дела на склоне с лестницей?

А дела были — хуже некуда! Суда Погонщиков Ветра уже подошли к причалу и с них на берег хлынула толпа воинов. Тот, кто командовал приступом, слал по склону вверх смерчи и ураганные порывы, они сбивали и сокрушали огненные клубы, которые катились навстречу атакующим с вершины. В промежутках между ударами ветра лучники с обеих сторон торопливо пускали стрелы, но исход боя должны были решить вовсе не они.

А потом пологий склон скрылся из виду. Хотя взмокший измученный Реми и двигал веслом из последних сил, но лодка скользила и скользила по черной воде среди огненных отблесков, вспыхивающих на гребнях волн. Теперь к беглецам была обращена тыльная сторона острова — крутой уклон с нетронутым лесом, дикая чащоба, которая разрослась на едва ли не отвесном каменном боку. Над лесом мерно вспыхивали отсветы пламенных снарядов Готвинга, а звезды скрылись за полосой дыма. И Реми вел спутников все дальше и дальше.

— Эй, ты куда? — окликнула его Дженни. — Нам нужно к принцу!

— Попадешь к своему принцу! — бросил через плечо Реми. — Есть способ!

Лицо его лоснилось от пота, щеки тряслись, и Дженни пожалела беднягу. Наверное, он первый раз в жизни так долго и так тяжело ворочает чем-то, более тяжелым, чем перо.

— Дипломаты не ходят прямыми путями, — констатировала она. — Давай сюда весло и показывай, куда править. Не то помрешь от усилий.

Реми попытался возразить, но Дженни вцепилась в весло и потянула так крепко, что он

сдался.

— Вон туда! — показал толстяк. — Видишь деревья среди воды?

Он указал приземистый плоский островок, над которым выстроились густые раскидистые кроны. В их расположении явно прослеживался строгий порядок, они больше походила на сад, чем на дикие заросли.

— Это место, где отдыхают придворные, — выдохнул Реми. — Вроде парка, но только на воде. Оттуда ведет подземный ход к большому острову. Называется «Дорога Безглазых». Ход так называется, а не парк.

— В честь змей, — догадалась Дженни, орудуя веслом. Грести было не очень тяжело, просто непривычно. — Ты хочешь сказать, подводный ход, а не подземный?

— Всякий, — буркнул секретарь второго ранга. Он слишком устал, чтобы спорить.

Место, к которому велел править толстяк, в самом деле походило на парк. Островки, на которых размещалось место отдыха придворных, были правильной формы, заботливо благоустроенные, с аккуратно подстриженными деревьями, с беседками, увитыми лианами, с птичками, порхающими среди ветвей. Ночью птичкам полагается спать, но нынче темнота была полна пламени и крика. Лодки заскользили по спокойной воде идеально ровного канала, впереди показалось сооружение, напомнившее Дженни храм Трохомора в Эвероне, такое же помпезное и разукрашенное. Был ли купол покрыт позолотой? Во всяком случае, он блистал в отсветах пожара.

— Вон там! Давай, давай туда, — оживился Реми. Он уже не пытался завладеть веслом и чувствовал себя вполне комфортно. — Там выход!

Остров располагался в центре своеобразного парка, и прямые, как стрела, каналы, сходились к нему. Лодки причалили к аккуратной пристани, у которой были пришвартованы около десятка прогулочных суденышек с резными носами — каждый оканчивался искусно вытесанной из дерева головой зверя или птицы. Логично, если учесть, кто пользовался этими лодками. Но все суда были непригодны к плаванию — опрокинуты, с пробитыми днищами, деревянные звери оказались изрублены. Похоже, здесь побывали Погонщики Ветра.

Четверо беглецов поспешили к похожему на храм зданию. Ирви вооружился и проскочил вперед. Он снова исполнял роль единственного солдата среди штатских и, как полагается, был готов первым встретить любую опасность. Однако похоже, что Погонщики не знали, какой секрет скрывается в здании, и, сорвав злость на деревянных зверях, ушли с острова. Повсюду были заметны приметы их злобы, обрубленные ветки на деревьях, разбитые кувшины, опрокинутые скамьи...

Из здания доносился глухой стук, и Ирви бросился туда, воинственно выставив перед собой наконечник копья.

Дженни следом за Сервейсом вошла в здание. Там было темно и повсюду следы погрома. Изящная мебель, вроде той, что она видела во дворце Кехлинка, изрубленная и сломанная кучей громоздилась в углу... и слегка вздрагивала, стук раздавался как раз под ней.

Реми зажег свечу — оказывается, он предусмотрительно прихватил ее с собой и не забыл об этом среди всей суматохи. Толстяк поднял огонек над головой, осветив картину

разгрома.

— Это еще что? — спросил Ирви, уставившись на груды обломков, под которой что-то возилось и постукивало.

— Туда приводит Дорога Безглазых! — выпалил Реми. — Точно, больше там нечему быть! И кто-то есть внизу.

Дженни поглядела на Квестина:

— Я думаю, Погонщики не стали бы ломиться из подземелья? Остров был в их руках, это же очевидно!

Не дожидаясь согласия спутников, она бросилась растаскивать обломки. Спутники присоединились к ней и вскоре открылся пол, мощеный гладкими квадратными плитами. Стук стих — тот, кто прятался в секретном проходе, услышал скрежет над головой и затаился.

— Эй! — крикнула Дженни. — Выходите, кто там внизу! Здесь свои! Не бойтесь!

Последовала короткая пауза, потом плита, ничем не отличающаяся от соседних, беззвучно приподнялась и провернулась на шарнире. В полу возник квадратный провал в темноту. Темнота пришла в движение, в ней зажглись два злобных глаза и распахнулась пасть, усаженная белейшими клыками.

Реми попятился и выронил свечу. Дженни отшатнулась, поскользнулась и упала на пол, когда тьма выстрелила из подземного хода длинным черным силуэтом. Ирви Сервейс, как настоящий мужчина, бросился наперерез тьме, поднимая копьё. Он встал над упавшей Дженни, прикрывая себя и ее щитом.

Тьма издала грозный рык, и Дженни зажмурилась. Прошло несколько мгновений, и она рискнула открыть глаза. Из-под щита Сервейса почти ничего не было видно, она встала и выглянула из-за спины защитника.

Напротив них с Ирви стояла черная пантера и глухо рычала, ее хвост ходил вправо и влево, кончик хлестал по лоснящимся бокам зверя. Из подземного хода, откуда вымахнула зверюга, торчала пухленькая женская ручка, стиснутая в кулак — словно сжимающая невидимый поводок, который не позволяет пантере сделать следующий прыжок. Рука стала подниматься, показалась черноволосая макушка, украшенная диадемой со сверкающим камнем, последним сокровищем принца Говорящих Со Зверями. Принцесса Лоянна выбралась из подземелья, следом вскарабкался его милость лорд Готвинг-младший.

— Что вы здесь делаете? — спросила принцесса, сдвинув к переносице густые черные брови.

Реми торопливо поднял свечу и снова разжег огонь.

— Ваша милость, — он отвесил церемонный поклон, едва не погасив свечу этим движением. — Мы спешили на помощь вашему батюшке принцу, но высадиться на пристани было невозможно.

— Еще бы! — принцесса сердито топнула ногой, при этом ее кулак не разжимался, пантера была в ярости, и Лоянна прилагала усилия, чтобы удержать хищника. Похоже, раздражение хозяйки передавалось пантере. — Отец велел нам найти помощь на островах, собрать людей. Это эверонский солдат?

— К сожалению, только один, — выступил вперед Квестин. — Ваша милость, по моему, вам следует поторопиться. Все прогулочные лодки утоплены, но можно взять одну из тех, на которых мы приплыли сюда. Реми, тебе, полагаю, нужно сопровождать принцессу...

Реми был только рад:

— Да-да, это очень правильно, собрать помощь! Идемте, я провожу вас к лодкам.

— Он отлично гребет, — вставила Дженни. Должна же она была что-то сказать! —

Пантере должно понравиться, так что старайся, как следует, господин дипломат.

Реми покосился на черную зверюгу, вздохнул, отдал свечу Квестину и потрусил к выходу. Принцесса, задрвав подбородок, пошла за ним, и ее ручная хищница плавно, как капля мрака, текла у бедра хозяйки. Рука принцессы покоилась на холке зверя, но Реми это вряд ли могло успокоить, он то и дело оглядывался.

Лорд Уотс, проходя мимо Дженни, прикоснулся к ее запястью, чтобы привлечь внимание, и прошептал:

— Спасибо! Отличный совет. Я показал Лоянне пару трюков с искорками, она так смеялась! Она чудесная!

Ну да, Эрик всегда показывал девчонкам фокусы, и это отлично помогало знакомству. Именно это Дженни и посоветовала юному Повелителю Огня. Честно говоря, он видел и Дженни не девушку, а приятеля — сверстника, с которым можно обсудить свои мальчишеские проблемы... Что ж, по крайней мере, Дженни смогла дать ему правильный совет.

У Повелителя Огня, конечно, были свои фокусы. И Лоянна оценила простенькие трюки не хуже, чем сельские девчонки, с которыми заводил дружбу Эрик. Но порадоваться за молодых аристократов Дженни не успела.

Лорд добавил громче:

— Там рычаг, у выхода. Справа от входа, его нужно потянуть на себя. Тогда откроется дверь в темной камерке под лестницей во дворе. Укрытое местечко.

Конечно, умнее было бы сбежать вместе с Уотсом и Лоянной, но Ирви вбил себе в голову, что он, как солдат, обязан быть вместе с защитниками дворца, а ведь он был клиентом, которого детективы подрядились доставить в Эверон! К тому же Квестин считал, что Повелителей Огня не одолеет никто, а во дворце находился старый Готвинг... И вся компания, за вычетом Реми, отправилась Дорогой Безглазых.

Ход этот, конечно, был очень примечательный. И при других обстоятельствах Дженни изучила бы такое странное место получше. Подземный коридор круто уводил вниз, ведь ему предстояло пересечь широкий пролив, отделяющий водный парк от острова с дворцом. Идеально круглый в сечении и такой высокий, что Квестин шагал по нему, не пригибаясь, с гладкими стенами, не носящими следов инструмента каменотеса, этот ход казался чудом. Дженни подумала, что если безглазые змеи — легенда, то пищу фантазии островитян дало именно это место. Дорога Безглазых сама походила на змею. И своими плавными изгибами, и невероятно правильным контуром, она заставляла задуматься о некоем черве, проделавшем такую дыру в каменном ложе пролива.

Квестин водил свечой перед собой, и всюду огонек освещал одно и то же — каменную поверхность, плавно скругленную и слишком гладкую, невероятно гладкую. На полу не было луж. А на стенах никакой растительности. Сухой, продуваемый легким сквозняком коридор. Сперва он шел вниз, потом стало заметно, что уклон закончился... и наконец трое путешественников зашагали вверх.

— Живот змеи миновали, — пробурчала себе под нос Дженни.

Никто не ответил, да она и сама сейчас не слишком задумывалась о Дороге Безглазых. Что ждет в конце пути? Вот вопрос, который сейчас беспокоил всех. И чем круче поднимался изгиб Дороги Безглазых, тем сильнее беспокоил! Дженни и сама чувствовала,

как сердце начинает учащенно биться, хотя в самом-то подземном коридоре было тихо и спокойно. Даже промелькнула мысль: а нужно ли выходить на поверхность? Может, подождать, пока принцесса соберет своих подданных с дальних островов, они ударят в спину Погонщикам... но мысль была такой глупой, что Дженни ее с негодованием прогнала. Пропустить самое интересное? Ну уж нет.

А ее спутники тем временем завели разговор о том, как сейчас старик Готвинг лихо жжет атакующих на склоне горы. Дженни с удивлением поняла, что в гражданах Эверона живет непоколебимая вера в могущество Повелителей Огня. Даже Квестин, которого долгие годы службы должны были превратить в отпетого циника, не сомневался в силе лорда. Эх, ей бы хоть немного их уверенности...

Но уверенности не было, проход тянулся и тянулся, тени, рожденные пламенем свечи в руке бывшего префекта, рождали странные тени на мягко скругленном камне... и Дженни уже стало не по себе — как будто она в самом деле бредет по чреву бесконечно длинной гигантской змеи. Не только безглазой, но и безротой. А уж через какое отверстие она сюда попала, лучше вообще не думать. Лучше вообще ни о чем не думать! Тогда, наверное, не так страшно. Но благое решение не помогло, и Дженни крепилась изо всех сил, чтобы не сорваться с места и не бросится вперед, в темноту со всех ног, чтобы скорее добраться до конца подземелья. И там — будь что будет, в этом конце!

Наконец долгий переход завершился. Как и обещал Уотс, заканчивалась Дорога Безглазых каменным прямоугольником, который, конечно, был установлен на шарнирах и мог повернуться, открыв выход. Пригнана дверь была не очень плотно, это обеспечивало вентиляцию подземелья. Сейчас из щелей тянуло гарью. Из-за каменной толщи почти не проникало звуков и невозможно было определить, что там, снаружи. Глухой грохот и, кажется, крики...

Дженни отыскала рычаг, отпирающий выход. Ирви взял копьё наизготовку... Квестин поднял свою неизменную трость и кивнул:

— Давай!

Она собрала все мужество, какое только оставалось после этого жуткого дня и со слабой улыбкой объявила:

— Занавес!

Увы, им досталось увидеть лишь конец трагедии.

Глава 12. Силы стихий

Прежде, чем Дженни надавила рычаг, Квестин успел спросить:

— Может, ты подождешь нас здесь?

— Что? Здесь? Одна-одинешенька? Ни за что!

И Дженни рванула рычаг с такой силой, будто верила, что снаружи ждет победа и спасение. И тут же на смену тишине пришел гром бури. Или гром сражения? И то, и другое. Спокойствие царило лишь в темноте Дороги Безглазых, стоило сделать шаг наружу, как земля содрогнулась под ногами. Вокруг все дрожало и грохотало — и каменные плиты пола, и стены, и лестница, под которой заканчивался подземный ход.

Сверху со скрежетом сдвинулись ступени, свалилось несколько осколков мрамора. Дженни, прикрывая голову руками, бросилась в зал, спутники тоже поторопились покинуть опасное место, где вот-вот осыплются тяжеленные обломки лестницы. Они выскочили из здания в тот самый миг, когда снизу по склону с ревом бросилась толпа вооруженных мужчин. По серым просторным халатам и кривым мечам Дженни сразу узнала воинов Погонщиков Ветра. Сверху с воем, пронесся сгусток пламени, ударил в каменные ступени, спускающиеся по склону горы. Пахнуло жаром, от брызнувших во все стороны искр зарябило в глазах. Атакующие замешкались, они пятились, прикрывали лица от нестерпимого жара.

Дженни бросилась назад, под шевелящиеся и крошащиеся перекрытия — огонь был страшнее! Она только успела заметить, что лестница покрыта черными подпалинами от прежних выстрелов Готвинга, и на ступенях горами тряпья громоздятся мертвецы.

Троица пересекла зал и побежала вверх по пляшущим мраморным ступеням. Ведь наверху был непобедимый Повелитель Огня!

Под ногами змеились трещины. На втором этаже их едва не встретили ударами копий, но солдаты узнали эверонскую форму Ирви, это спасло. В зале было несколько десятков человек, и эверонцы, и люди принца Кехлинка. Похоже, они собрались сюда со всего острова, поэтому появление еще троих таких же растерянных беглецов не вызвало вопросов.

Старый Повелитель Огня пригнулся у окна, выходящего на обращенный к пристани склон горы. Рядом с ним двое солдат держали наготове щиты, чтобы прикрыть лорда, если снизу полетят стрелы.

— Дженни, за мной! — бросил через плечо Квестин. — Мы должны быть рядом с егс милостью.

Снаружи стал нарастать рев бури. Вой делался все пронзительней и сильнее, солдаты отшатнулись к стенам — и тут-то все завершилось гулким ударом. Невероятной силы порыв ветра ворвался сквозь окна и расшвырял тех, кто не успел прижаться к стене или колонне. Наружная каменная кладка с душераздирающим хрустом стала осыпаться, в проломах показалось черное небо, в котором сквозь завесу дыма холодно сияли огромные звезды.

Дженни замешкалась, не зная, куда бежать... шарахнуло о стену, в глазах стало двоиться, и она сползла на пол, который дрожал под ней, как припадочный.

Куда пропал Готвинг, она не поняла, но у окна его больше не было, да и окон не было тоже. Большая часть стены пропала в клубях пыли. На лестнице раздался крик — атакующие наконец-то ворвались во дворец. Несколько человек поднялись и, пошатываясь, пошли к двери, чтобы встретить приступ. Ирви Сервейс был среди них — бледный, засыпанный

мраморной пылью, но настроенный решительно. Когда он поднял копьё, наконечник не дрожал.

Дженни нащупала сзади под ремнем складной нож, но не успела его вытащить, потому что перед глазами рассыпался ворох разноцветных звезд. Таких ярких искорок в небе ей не приходилось видеть! Только почему-то их появление сопровождалось болю в макушке. А потом окончательно наступила ночь. Звезды погасли, и вообще весь мир погас, кто-то задул его, словно свечу. Дженни даже не поняла, что ей на голову свалился кусок резного карниза. А если бы и поняла — вряд ли ее утешил бы тот факт, что резьба была очень изящной.

Когда мир вернулся к Дженни, или вернее, сказать, когда она вернулась в этот мир, то мгновенно пожалела. На этот раз мир встретил ее своей самой негостеприимной стороной. Было темно и очень больно. Болела голова, ушибленная камнем. Затекла шея, ныли плечи... Болели руки... если они вообще были. В этом Дженни усомнилась — она не могла пошевелить даже пальцем, вообще не чувствовала собственных рук. С другой стороны, если бы их не было, то что тогда болело? И как болело!

А уж как было темно! Абсолютно черный и беспросветный мрак царил в том мире, в который угодила Дженни. И как угодила-то — Дженни не стояла, не сидела и не лежала, пробуждение застало ее в очень странной позе. В прежнем мире Дженни таких поз не принимала, не любила темноты и старалась избежать боли. Здесь было гораздо хуже!

И что совсем скверно, в темноте она была не одна. Что-то возилось и шевелилось совсем рядом. Вesper бы взял эту темноту! Но произнести это вслух Дженни не решилась, чтобы не потревожить того, кто шевелится рядом. Она старалась быть тихой, не издавать ни звука. Мало-помалу разобралась, где низ, и где верх. После этого даже догадалась, что случилось с руками. Открытие не слишком порадовало — ей связали запястья за спиной, а веревку закрепили где-то вверху, поэтому руки и болят. Она почти висит на этой веревке, опираясь спиной о стену. Когда Дженни смогла утвердиться на подгибающихся ногах и ослабить натянутую веревку, тот, кто возился в темноте, услышал шорох и задвигался энергичнее. Выносить неизвестность и дальше сил не было, и Дженни осторожно спросила:

— Кто здесь?

— Это я, Сервейс, — ответили снизу, с пола.

— Ты можешь меня развязать? Руки очень болят.

— Не могу, — вздохнул тот. — Я лежу на полу связанный. Никак не освободиться...

— А где мы?

— Не знаю. Я не помню, как нас сюда тащили. Наверное, мы в подвале. Во дворце Кехлинка есть подвал?

— Должен быть. Значит, мы в нем? А что с Квестином, ты не видел? Хоть кому-то удалось спастись?

Ирви не ответил. Повозился у ног Дженни, потом с горечью пожаловался:

— Хотел умереть, как мужчина. И то не вышло.

Дженни собиралась объяснить этому странному существу, что боги подают ему знак: если не вышло умереть мужчиной, то остается противоположное. Жить женщиной. Но тут руки пронзила боль, в затекших онемевших пальцах зашевелились противные мурашки, и она еле сдержала стон.

А потом и вовсе стало не до разговоров — где-то рядом простучали шаги, ближе, ближе... в темноте возник дрожащий красноватый контур двери. Потом она со скрежетом распахнулась. На пороге стоял Сакхлих с лампой в правой руке. Левая покоилась на рукояти того самого роскошного меча, который хотел бы повесить на стене в парадной зале лорд Истригс-младший. Похоже, в ближайшее время это мечу совершенно не грозило. Сакхлих улыбался, он был доволен собой. Он победил! И Дженни догадывалась, что он нарочно медлит — растягивает удовольствие. Вesper бы взял лордов с их дипломатией! Теперь Дженни, которая была свидетелем неудач Погонщика Ветра, должна стать свидетелем его успеха. Вот он и наслаждается каждым мгном, пока разглядывает ее, скорчившуюся у стены в неудобной позе. А Ирви словно не замечает.

Дженни огляделась — теперь, при свете лампы, по крайней мере, можно увидеть, куда ее приволокли. Ничего интересного, какой-то погреб с низким потолком и крюками на стенах. К одному из таких крюков ее и подвесили. Ирви лежал на полу, как тюк, перетянутый веревками.

— Так-так-так, — произнес Сакхлих, проходя в помещение и вешая лампу на свободный крюк. — Эверонский солдат и женщина этого надутого тухлыми ветрами бурдюка, лорда Истригса. Может, не слишком богатая добыча, но уж точно больше, чем я надеялся найти на этих убогих островах.

— Убогие острова — вот все, что вы можете получить после проигранного сражения, — поддела его Дженни. Интересно, как скоро он выйдет из себя? Чем раньше его проймет, тем раньше закончится это идиотское висение на крюке. Неважно, чем закончится, лишь бы поскорее. — Между прочим, я была на Весперовом Колене и видела, как вы сбежали. Поздравляю, это было очень быстро. Блестящий маневр. Я уже слышала, что принц Сакхлих действует молниеносно, но не думала, что можно так быстро удирать.

— Да, я проиграл битву из-за того, что Истригс обманул меня, — с деланным спокойствием проговорил принц. — Но чего он добился своей победой? Теперь я здесь, и уже отправил людей искать подходящую гору. С ее высоты я пошлю свои ураганы, и флот Эверона снова будет заперт в портах. Не с Весперова Колена, так отсюда, я смогу запереть море. Для ваших лордов важно одно — чтобы их корабли с товарами беспрепятственно плавали во все порты. Я знал, что, заняв Весперово Колено, заставлю их сразиться. Они ответили обманом? Что ж, теперь я буду осмотрительнее.

— Теперь у вас нет войска!

— Оно мне не нужно, трусливые островитяне не помеха, а эверонский флот сюда не сунется, когда я устрою шторм. Новые переговоры пройдут по моим правилам. И закончатся другим договором. Совсем другим! А Истригс пусть сидит на Гранделине, отрезанный от своей базы. Тебе этого не понять, женщина, но я уже выиграл войну.

Он прошел мимо Ирви, остановился перед пленницей и повторил:

— Но все-таки! Женщина лорда Истригса. Это приятный приз к моей победе! Маленький, однако очень приятный!

— Во-первых, я не его женщина, — заявила Дженни. — Во-вторых, вы что же, ревнуете, ваша милость? Вам бы хотелось, чтобы рядом с Истригсом была не я, а вы?

Она надеялась разозлить принца, чтобы тому надоело играть. Эта улыбочка казалась просто невыносимой. Но принц был слишком доволен собой. Либо очень удачно притворялся. Продолжал скалиться и разглядывал Дженни. Потом протянул руку и, подцепив пальцем ее подбородок, заставил поднять лицо.

— У лорда плохой вкус, — заявил он. — Но, как знать, может ты обладаешь некими скрытыми достоинствами? Надо проверить.

Его рука скользнула ниже, по шее, по ключице, зацепила воротник блузы... Дженни задергалась, чтобы избежать этого прикосновения, но веревка потянула ее руки вверх, и движение отозвалось новой болью в онемевших запястьях.

— Не смей! — взвизгнула она.

Но единственное, чего добилась — улыбка Сакхлиха стала шире.

— Эй, ты! — выкрикнул, извиваясь на полу, Ирви. — Не смей ее трогать! Убери свои лапы!

Сакхлих, даже не удостоив его взглядом, чуть взмахнул левой рукой — и резкий порыв ветра поволок беднягу Ирви, окутав, вдобавок, тучей пыли. Оказывается, в подвале ее собралось порядочно. Сервейс стукнулся всем телом о стену и вскрикнул.

— Хорошо, — мягко произнес принц, по-прежнему в упор разглядывая Дженни. — Я не прикоснусь к тебе даже пальцем. Это было бы невежливо по отношению к моему благородному противнику лорду Истригсу, прикасаться к его женщине! Мы, хозяева стихий, должны быть обходительны друг с другом.

Рука принца отодвинулась, но Дженни по-прежнему чувствовала назойливое прикосновение и видела, как ткань на груди сминается. Она отшатнулась, вернее, попыталась это сделать, но веревка заставляла стоять на месте.

— Перестань! — взвизгнула она. — Убери... это!

Вот теперь ей впервые стало по-настоящему страшно. Пальцы Сакхлиха дышали ветром, она чувствовала его жесткое, вполне осязаемое, прикосновение. Страх вспыхнул горячим комом где-то в глубине, под сердцем, по лбу заструился пот. Будь у Дженни свободны руки, она бы отскочила, увернулась... Так вот что такое настоящий страх! Раньше с ней ничего подобного не случалось.

Горячие струйки пота скатились под рукавами, смочили веревку, и Дженни показалось, что сейчас она сможет растянуть узлы и стряхнуть путы. Она напрягла руки, но все было напрасно, и внутренний жар стал затухать, словно выдохся, весь ушел в бесполезном усилии. Осталась растерянность. Как непривычно было — не распоряжаться собственными движениями!

— Убери! — не помня себя, выпалила Дженни. — Скотина ты! Мерзавец! Да у нас в Эвероне любой грузчик после обеда пускает ветер сильнее тебя! Только твой воняет хуже!

Рука Сакхлиха дернулась в резком жесте, и лицо Дженни обожгло, словно пощечиной. С разбитой губы закапала кровь, потекла по подбородку. На смену страху пришла ярость, холодная ярость. Сакхлик снова пошевелил пальцами, и пораженная Дженни уставилась на свою блузку — ткань натянулась, а пуговицы, те самые, о которых она столько раз тревожилась, дождем посыпались на пол! Одежда распахнулась почти до пояса!

— Я так и думал, — удовлетворенно произнес Сакхлих, и в его глазах гулял шальной ветер, — никаких скрытых достоинств. Что он в тебе нашел? Похоже, Истригс научился обманывать не только меня, но и себя.

Вот теперь Дженни ощутила уже не страх, а холодную ярость. Просто ледяную!

— Не смей! — прошипела она, но ее злость только рассмешила принца. — Или я... я тебя... уничтожу!

— Смелая женщина, ты грозишь владыке стихий? — кривя пухлые губы в издевательской усмешке, спросил принц Сакхлих.

За спиной Дженни что-то тонко стеклянно тренькнуло, и руки оказались свободны. От неожиданности Дженни пошатнулась и, чуть не свалившись, перехватила запястье Сакхлиха. Того, что случилось потом, она уж точно никак не ожидала! Принц завыл, в его глазах возникло странное выражение, они выпучились, словно гулявший в них ветер распирает изнутри. Он попятился, трясая рукой, на которой повисла Дженни. Да она не смогла бы отцепиться, даже если захотела, ноги-то не держали!

Ирви Сервейс завозился под стеной и попытался перевернуться, чтобы увидеть, что происходит, и почему принц орет. А тот отступал, выл, как ураган в печной трубе, и дергал рукой. Дженни волочилась за ним, носки сапог скребли по полу, загребали пыль. Сакхлих пустил в ход левую руку и все-таки сумел отшвырнуть Дженни. Она шлепнулась на пол, а принц бросился к выходу. Врезался плечом в дверной косяк, споткнулся о меч, неудачно качнувшийся на бегу и угодивший между его коленями... и скрылся, трясая высвобожденной рукой. Его вой и топот стихли, и Дженни, постепенно успокаиваясь, села поудобнее, разглядывая свои пальцы. Что она сделала? Почему принц визжал, как ратлер, которому тележное колесо наехало на хвост?

— Эй, помоги! Скорее! — позвал Сервейс.

Дженни поднялась с пола и шагнула к нему, под подошвой что-то хрустнуло и рассыпалось. Она подняла странную штуковину — кусок льда, в который вмерзла веревка с узлами. Что это? Откуда взялось? Как?..

Догадка оглушила, словно удар дубиной — это же веревка с ее запястий! Вон обрывок до сих пор болтается на крюке, и кусочки льда тают на нем! Кусочки льда! Лед плавал в луже, когда она очнулась после гибели семьи на площади Тысячи Столбов! Вот оно как... Лед и Дженни...

Она бросила быстрый взгляд на Ирви: догадался или нет? Сообразил ли, что произошло? Хорошо бы, он ничего не понял...

Дженни присела над солдатом и принялась распутывать многочисленные узлы, но они были слишком тугими и их было слишком много. А Дженни не чувствовала в себе силы, чтобы попытаться повторить фокус, при помощи которого освободилась сама. Знать бы, как ей удалось! Ведь и сама-то толком не понимала, что сделала. И почему вдруг это получилось?

Повелителей Огня иницируют, заставляя пережить сильное чувство, причиняют боль, иногда требуется выпустить несколько капель крови. Она пососала разбитую губу и снова занялась узлами. Догадка медленно складывалась в голове из разрозненных кусочком мозаики. Это не Эрик, это она была наследницей леди Аметильлы и ледяного принца.

Грегил Вестокен напрасно пытался пробудить талант, скрытый в Эрике, он не там искал! О, Трохомор, Хогорт, Тедзинг и все остальные боги! О, Веспер!.. Да, именно Веспер, рогатый проказник — не иначе, именно он все это подстроил! Я — чудовище, сказала себе Дженни.

Наконец ей удалось освободить руки Сервейса, и тот сел, внимательно разглядывая спасительницу.

— Ой! — Дженни вспомнила о пострадавшей блузке и торопливо запахнула полы.

— А у тебя грудь не больше, чем у меня, — заявил Ирви.

— У меня больше тактичности! — отрезала Дженни, связывая полы блузки узлом и подтягивая повыше. — Мог бы и не напоминать! И вообще, ноги развязывай сам! А я гляну, что там, снаружи? Странно, что Сакхлих не вернулся с подкреплением.... Э-э... Я хочу

сказать, теперь пусть только сунется. Я ему еще не так всыплю!

За распахнутой дверью, в которой исчез принц Сакхлих, было темно. Где-то вдалеке Дженни разглядела свет, проникающий сверху, и ступени. Значит, они в самом деле находятся в подземелье. Это что же, у Говорящих Со Зверями тоже есть тюрьма? Странно, они такие благостные, добренькие...

С лестницы донеслись негромкие звуки — хриплое сопение, шорох, клацанье. Что-то приближалось — что-то небольшое, потому что свет, текущий сверху оно не заслоняло.

— Что там? — спросил Ирви.

Он вынес в коридор лампу, и Дженни больше не различала сумеречный свет на лестнице, теперь коридор казался погруженным с сплошной мрак.

— Тише! Ты слышишь? Кто-то идет.

— Похоже, зверь. Кажется, когти по ступенькам клацают... Может, фамильяр? Потерял хозяина и бродит по подвалам.

— Угу. У принцессы Лоянны, например, была пантера. Здоровенная, помнишь?

Ирви судорожно сглотнул и поднял лампу повыше. Зверь уже преодолел спуск и медленно крался по подземелью в темноте.

Ирви попятился, фонарь в его руке задрожал, и по стенам заплясали тени. Дженни тоже стала отступать, чтобы остаться в световом круге, а шаги приближались... И вот из тьмы проступила очерченная тусклым светом фонаря уродливая морда — сплошные морщины и складки. Голая, лишенная шерсти шкура собралась уродливыми валиками и мешала определить форму черепа странного существа, эти валики непрерывно шевелились, будто опутавшие зверя черви, живущие собственной жизнью. Одно хорошо — страшилище было небольшим, морда покачивалась на уровне коленей Дженни.

Зверь сделал еще шаг, тогда из мрака показалась шея, плечи и передние лапы, кривые, вывернутые, с острыми когтями.

— Что это? — дрожащим голосом прошептал Ирви.

Зверь замер, спустя несколько мгновений его ноздри расширились, верхняя губа приподнялась, обнажая здоровенные желтые клыки. Он глухо зарычал, тихо, едва слышно. И тут случилось странное — пыль, обильно покрывавшая пол и стены подземелья, пришла в движение. Потoki мелкого праха с шорохом устремились отовсюду к зверю, свертываясь в спирали, закручиваясь вокруг приземистой фигуры твари. Она стала расти, складки сглаживались, покрытые пылью, тощие бока раздались вширь, морда стала массивной, мощной...

— Это дэв... — поняла Дженни.

То ли Ирви успел наслушаться страшных рассказов об этих тварях, то ли хватило одного вида растущего чудовища... Ирви взвизгнул, как девчонка, и бросился по коридору. Дженни промедлила лишь миг. Этого мига хватило, чтобы дэв, сверкнув глазами, сделал еще один шаг. Теперь его башка раскачивалась на уровне не коленей, а пояса Дженни. Чудище рыкнуло, снова показав клыки... Мигom спустя Дженни осознала, что бежит. Под ногами шуршала пыль, летящая непрерывным потоком к дэву, впереди раскачивался огонек лампы. А сзади... о нет, Дженни вовсе не хотела знать, что там сзади!

Коридор оказался длинным. Ну, еще бы, достаточно вспомнить, каким просторным был зал, куда приволокли пленных погонщики — вдоль такого зала должен идти длинный коридор! Наконец встретилась еще одна дверь, и Ирви бросился внутрь. Дженни — следом. В отличие от прежнего, этот зал не пустовал. Вдоль стены выстроились бочонки и высокие

глиняные сосуды с длинными тонкими горлышками. Громоздились коробки, на них были свалены головки сыра, корзины с сушеными фруктами... На стенах, на таких же крючках, что и в соседнем зале, висели пучки сушеной травы, связки каких-то корешков...

— Это не тюрьма, это склад! — выдохнула Дженни. Как ни странно, страх не совсем вытеснил из памяти сомнения в том, для чего предназначены погребя под дворцом принца.

Она захлопнула дверь, и вдвоем с Ирви стала подтаскивать к ней все, что попадалось под руку — тюки, корзины, ящики. Дэв отстал совсем немного — и вскоре дверь, засыпанную продуктами до половины, сотряс удар. Потом раздалось разочарованное рычание. Потом — протяжный шорох. Дэв подтягивал новые и новые порции пыли, чтобы набрать вес и высадить дверь. Удивительно умная скотина!

Беглецы успели подтащить еще несколько коробов, когда дэв повторил попытку. На этот раз он подготовился получше — удар вышел таким, что подземелье вздрогнуло, и в глубине зала посыпались коробки и корзины. Дверь исчезла в клубах пыли...

Беглецы переглянулись и стали пятиться. Когда пыль немного осела, дверь на прежнем месте так и не появилась. Вместо нее зияла дыра, в которую дэв пытался просунуть раздувшуюся морду. Никаких складок и морщин — теперь это была бронированная гладкая болванка, больше всего похожая на таран, каким взламывают ворота крепостей. Ну и размером примерно такая же.

Дэв шумно выдохнул, и часть пыли мягко осыпалась с морды, теперь зверь мог войти. Что он и сделал.

Беглецы переглянулись и бросились вдоль череды ящиков и бочонков.

— Сюда! — крикнул Ирви.

Стену склада пересекала трещина. Вряд ли она образовалась от удара дэва в дверь — скорее, раньше, когда ветры Сакхлиха рушили дворец. Но, так или иначе, расселина выглядела достаточно широкой, чтобы в нее можно было протиснуться, а за ней чернела пустота.

Ирви боком сунулся в трещину, Дженни изо всех сил толкала его и косилась через плечо — как там дэв? Зверь уже был внутри и снова накручивал на тощие бока потоки пыли, выращивая панцирь. Дэв двинулся к Дженни, она схватила первое, что попало под руку и швырнула в зверя. Это оказался кувшин с маслом. Сосуд раскололся, и густая жидкость разлилась по полу. Дэв остановился и удивленно рывкнул: поток пыли, окутывавший его, сделался вязким и тягучим. Шаг замедлился... а Ирви наконец протиснулся в цель.

Дженни сунулась следом... и застряла. Дэв медленно шагал к ней, с трудом выдирая лапы из клейкой массы, в которую превратились пыль и разлитое масло, с его боков к полу тянулись жгуты этой массы, они мешали двигаться, зверь вертел башкой, щелкал зубами, вязкие нити истончались и лопались, опали тяжелыми каплями, которые снова катились по полу к зовущему их дэву... а Дженни дергалась в жестких тисках. Стена была мощной, девушка оказалась в каменной толще почти целиком, с другой стороны Ирви стал тянуть и трясти ее, ухватившись за руку. После особенно энергичного рывка, некоторая часть Дженни все-таки преодолела преграду. В основном это была нижняя часть, из-за этого Дженни потеряла равновесие и менее удачливая верхняя ее часть сползла на пол. Обе руки погрузились в шевелящееся месиво из пыли и масла. Дэв уже почти добрался к стене, Дженни видела его уродливую морду над собой, видела лапы с когтями, похожими на кривые меч Погонщиков. Даже если это пыль, дэв сумел сделать их прочными и смертельно опасными.

Сквозь щель проникало достаточно света, чтобы разглядеть, как из перекошенной пасти зверя тянутся ниточки слюны. Это было мерзко и страшно. Даже холодом проняло, до того пугающим и омерзительным было зрелище. В маленьких глазках дэва, почти скрытыми под серым пылевым наростом, горела злоба. И еще там было отражение Дженни. В глазах чудовища злоба и Дженни... Они слились, спутались, стали единым целым. Злоба, злоба...

Что-то лопнуло у Дженни внутри, что-то, что держалось из последних сил, злоба и страх выплеснулись наружу... Она с удивлением уставилась на свои ладони, упершиися в пол. От грязных исцарапанных пальцев мгновенно растеклось белое, побежало по вязкой грязи, разбрасывая тонкие, словно иглы, отростки. Вроде ледяного узора на замерзшем стекле. Белизна растеклась по полу, добралась к дэву, тот задергался, хрипло и порывисто дыша, покрывая его маслянисто-пыльная корка стремительно густела, твердела...лед стиснул его, сдавил со всех сторон. Пылевой панцирь отвердел и замер.

Ирви, который теперь тянул Дженни за ногу, уперся сапогом в стену, дернул, что было силы и втянул спутницу к себе. Оба повалились на пол рядом с равнодушно горящей лампой и несколько минут лежали, переводя дыхание. Из трещины в стене доносилось только легкое потрескивание, это хрустел ледяной капкан, сдавивший бока дэва.

— Нужно выбираться отсюда, — хрипло выдохнул Ирви. — А то дэв догадается сбросить пыль, тогда сможет протиснуться.

Дженни поднялась и отряхнула ладони. Она была согласна — нужно убираться отсюда, пока спутник не догадается заглянуть в щель и не увидит ледяную статую. Незачем ему знать... Чудовища разбираются между собой без свидетелей.

Место, куда они угодили, больше напоминало пещеру, чем зал — стены неровные, пол завален обломками. Но вдалеке брезжил свет — там был выход. Часть свода пещеры обвалилась, и по нагромождению булыжников можно было выбраться.

Свет, струящийся сквозь расселину, был тусклым и серым, как в сумерки. Страшная ночь закончилась, близился рассвет. И наверху шел бой. Дженни уже научилась догадываться, какие звуки можно услышать на поле сражения. Резкие отрывистые выкрики, лязг стали...

— Посмотрим? — шепотом предложила Дженни.

— Оружие бы какое-то... — неуверенно отозвался Сервейс. — У меня же ничего нет!

— Думаешь, тебе оружие поможет? Идем уж, воин.

Но оба никак не решались сделать первый шаг. И в подземелье оставаться было страшно, и неизвестность того, что творилось наверху, пугала. Как ни странно, после всего пережитого, Дженни почувствовала странную неуверенность. Может, жизнь, спасенная с

таким трудом, стала казаться ей более ценной? Или это оттого, что она нашла в себе чудовище и не знала, как полагается поступать чудовищам?

Нащупав в темноте руку Ирви, она подумала, что ее спутник — тоже не совсем обычный человек, и умеет как-то ужиться с остальными. А тот с готовностью ухватился за ладонь Дженни. Так, держась за руки, они и стали подниматься по осыпи. Медленно, шаг за шагом — навстречу свету и грозному шуму.

Наверное, это был один из задних коридоров в части дворца, отведенной под службы. Во всяком случае, здесь не было украшений под потолком, ни резьбы, ни карнизов. Да и от потолка осталось не слишком много. Дворец сильно пострадал при штурме, и даже здесь, далеко от парадного входа, часть перекрытий не выдержала. Потолок местами осыпался, по оставшимся перекрытиям змеились трещины. Выглядело очень угрожающе. Сквозь щели местами было видно серое предрассветное небо.

— Идем скорее, — позвал Ирви. — Того и гляди, нам на голову камни будут сыпаться.

По-прежнему держась за руки, они выскочили в коридор и, прижимаясь к стене, побежали к светлому пятну в дальнем конце. Дженни прикинула, что там должен быть зал у входа во дворец. Тот самый, в который попадаешь, если подняться от пристани. Уж там-то точно будет видно, что происходит, и кто с кем бьется. Коридор был завален обломками обвалившихся перекрытий, раскрошенными в щепу досками, пластами штукатурки. Из-под груд мусора торчали ноги в туфлях, какие носили на островах, виднелись засыпанные алебастровой крошкой спины и затылки. Несколько дворцовых слуг оказались застигнуты здесь обвалом, и тела никто не удосужился убрать. Похоже, Погонщики Ветра, хотя и смогли захватить дворец, не успели еще почувствовать себя хозяевами острова. И вскоре стало ясно, почему.

Дженни не ошиблась — за коридором располагался тот самый зал. И там не было ни единой живой души, только десятки мертвых тел. Дженни подумала: что случилось с Квестином? Он пропал на втором этаже. Увы, сейчас нет никакой возможности подняться туда и посмотреть. А вдруг он сумел уцелеть, спрятаться?.. Как только ситуация позволит...

Лязг оружия доносился снаружи, с лестницы, ведущей от берега к дворцу. Оттуда тянуло дымом. Пожар, сопровождавший ночной штурм, уже давно должен был закончиться, ведь дворец захвачен? Но в дверной проем и в окна полз густой дым.

Сервейс не выпускал руки Дженни, и она была ему благодарна — иначе могла бы попросту свалиться. Пожатие твердой теплой ладони немного добавляло уверенности. Похоже, рядовой Сервейс чувствовал то же самое и цеплялся за руку спутницы, как корабль — за якорь в бурю. Он на ходу подобрал среди мертвецов копьё со сломанным древком, но храбрости от этого не прибавилось.

Они крадучись пробрались к дверям, сорванным с петель. Дженни осторожно выглянула. Сервейс, привстав на носки, высунулся в проем над ее плечом и засопел от волнения. Вид с вершины горы открывался незабываемый.

Горели корабли Погонщиков Ветра, пришвартованные у дворцовой набережной. Слабый сумеречный свет и густые клубы дыма мешали разглядеть берег. В воздухе порхали какие-то невесомые хлопья. Сажа? Пожалуй, больше похоже на птичьи перья. Точно — над островом кружили в нескончаемом хороводе птицы, огромная стая.

Дженни различила, что из дыма торчит целый частокол мачт — десятки больших и малых кораблей сгрудились у дальнего края причала, подальше от огня, там, где в мирное время швартовались рыбацкие лодки. Похоже, лодок там тоже хватало, и к ним присоединялись все новые и новые — весь пролив был покрыт маленькими суденышками, все спешили к острову князя.

Воины Погонщиков Ветра выволокли из дворца обломки мебели и стащили на лестницу обгорелые стволы деревьев. Выворотили несколько верхних ступеней. Из всего, что нашлось, они выстроили подобие стены и готовились отражать атаку.

Дворец снова брали приступом, только теперь оборону держали недавние победители. И было сотни две или три, и командовал Сакхлих. Понятно, почему он забыл о пленниках, отправив в подземелье дэва — возникла куда более серьезная проблема!

Дженни с удовлетворением отметила, что меч принц сжимает в левой руке. Он распоряжался обороной, указывая своим людям взмахами клинка, где занять позиции.

Внизу начал нарастать крик — фирийцы двинулись вверх по лестнице. И их было очень много, судя по количеству голосов. Дженни не могла разобрать, что они орали — все сливалось в единый вой. А еще она слышала стрекот и хрипкое рычание, какое могут издавать звери. Сверху человеческим и звериным голосам вторили птицы. Гигантская стая, до сих пор державшаяся на большой высоте, стала снижаться. Первые десятки уже проносились над изломанной крышей дворца, но громадная масса все еще описывала широкие петли, постепенно сокращая высоту...

На гребне баррикады встали двое в просторных серых халатах, одновременно подняли руки, простирая растопыренные пятерни к клубам дыма, в которых нарастал крик атакующих. И тут же крик смолк, заглушенный ревом ветра. Эти двое оказались Погонщиками — созданный ими ураган мгновенно развеял дым, смел и расшвырял все, что клубилось у основания горы. Тучи пыли, зола, изломанные ветки, куски осыпавшихся стен дворца — все это покатилося и полетело вниз по лестнице, по выгоревшим склонам горы, обрушилось на корабли, собравшиеся у пристани... где-то среди рукотворного урагана вопили люди, подхваченные ветром и обвалом. Теперь этот крик звучал вовсе не грозно.

Птицы черным дождем обрушились на баррикаду с серого неба. Принц Сакхлих словно ждал этого мига — он оказался рядом со своими подручными, и его меч уже был в ножнах, а левая рука обращена вверх. И снова визг и рев урагана...

Тысячи птичьих тел, которые, казалось, неудержимо валяются на Погонщиков Ветра, завертелись в диком невероятном хороводе, сила стихии бросила их вверх, в стороны, целая метель из растрепанных перьев взвилась над вершиной горы. Дженни зажмурилась, переживая порыв ветра, наполненного пылью.

Когда она открыла глаза, вокруг кружились взлохмаченные изломанные перышки, волокна пуха... а все вокруг было усыпано птичьими тушками. Внизу снова взлетел крик, начинался новый приступ. Из двух Погонщиков на баррикаде остался только один, второй сидел на камнях, сжимая обеими руками лицо. Его, словно заботливо наброшенное одеяло, засыпали изломанные птичьи тела. Между пальцев из левой глазницы струилось темное.

Оставшийся в строю Повелитель Ветра отчаянно взмахнул широкими рукавами, устремляя вниз по склону новый смерч. И тут, непонятно откуда, словно из пустоты, из ничего, из тени — рядом с ним возник невысокий человек. Дженни ахнула, когда этот пришелец из пустоты метнулся к Погонщику и, коротко взмахнув рукой, всадил нож в бок повелителю стихии. Тот скорчился, вскрикнул и стал оседать на подгибающихся коленях, а

на его убийцу со всех сторон бросились воины. Коротышка отшатнулся в сторону, другую, заметался в кольце врагов и исчез. Дженни видела только спины в серых халатах и взлетающие древки копий.

И тут атакующие, которых больше не останавливал ветер, добежали к баррикаде. Дженни, распахнув глаза, уставилась на побоище.

— Ай! — вскрикнул Ирви Сервейс, выдергивая ладонь. — Что с тобой? У тебя рука, как лед!.. Стала.

Дженни уставилась на свою руку. Осознание пришло мгновением позже: в ней открылась способность, за которой теперь придется очень внимательно следить, чтобы она ненароком не вырвалась наружу. Дженни сделала глубокий вздох, потом медленно выдохнула... пошевелила пальцами. Кажется, все в порядке.

А через ненадежную стену, воздвигнутую захватчиками, лезли люди, карабкались большие и малые звери. Травоядные, хищные, домашние, лесные... целый зверинец! Запрыгивали на гребень баррикады, отряхивались, глядели, разевая клыкастые пасти, трясли рогами... рычали, блеяли, выли и бросались на чужаков. Среди рева атакующих Дженни с удивлением разобрала знакомый голос.

— Вперед, во славу Тедзинга! Побеждайте, братья мои, ибо правда на нашей стороне! И великий Тедзинг на нашей стороне! Бейте крепко! Бейте метко! Мы будем милосердны после победы, не раньше! Познайте свою душу, откройте в себе способность прощать побежденных! Истинное милосердие — вот удел храбрых!

Но воины Погонщиков собрались с силами и снова оттеснили атакующих. Зверей убивали без пощады, да и далеко не все домашние любимцы Говорящих оказались грозными бойцами. Но вот на гребень стены вскочил проповедник. Солнце как раз показалось над лесистой макушкой соседнего острова, и Остерн встал в алых лучах рассвета с воздетым мечом, словно воплощение своего грозного божества.

А потом бросился на противника, и меч заходил в его руках широкими всплесками алого огня — рассвет отражался в нем, словно клинок светился собственным пламенем. Он сбивал и отшвыривал захватчиков одного за другим, и ничто не могло его остановить. Дженни даже прикусила губу, глядя на подвиги Остерна. И тут же ойкнула, потому что губа пострадала от соприкосновения с ветром Сакхлиха. Да что только сегодня не пострадало! От боли даже слезы на глаза навернулись.

Дженни сердито смахнула дурацкую слезу и уставилась на поле боя перед дворцом. Навстречу Остерну бросился сам принц Сакхлих. Он и левой рукой фехтовал мастерски, так что несколько мгновений оба противника демонстрировали чудеса воинского искусства, а остальные бойцы мало-помалу расходились в стороны, образуя что-то вроде круга, в центре которого оказались эти двое.

Прочие стычки сами собой затухли, и лишь принц с проповедником прыгали, уклонялись, грозили ложными выпадами и притворно отступали, чтобы снова атаковать... Клинки сталкивались, скрежетали, рассыпали искры — алые в огне рассвета. Можно было подумать, что мечи живут своей собственной жизнью, пляшут звонкий танец, встречаясь, сталкиваясь и снова разлетаясь... а два человека вынуждены скакать, склоняться, подпрыгивать и метаться, чтобы не дать рукояти ожившего оружия выскользнуть из пальцев.

В этом было что-то мистическое, невероятное. От этого зрелища было невозможно оторвать взгляд!

— Что вы смотрите?! Бейте Погонщиков! Вперед! — прозвучало над головой.

Голос был знакомый. Это же лорд Готвинг-старший! А он-то откуда взялся? И почему голос доносится сверху? Он на втором этаже? Но как там оказался-то?

А его милость не ограничился призывом. Мимо Дженни сверху ударил столб огня. За ним другой... третий... пахнуло жаром, в воздухе разлилась вонь сгоревшего мяса, завопили Погонщики...

Сакхлих вовремя отпрыгнул в сторону, первый заряд пламени предназначался ему. Принц бросил взгляд вверх, и Дженни поразила — как исказилось его лицо! Сколько в нем было злобы и страдания! Принц, отпустив меч, повел вокруг себя правой, покалеченной, рукой. Прежде чем вихрь слетел с его ладони, Дженни успела разглядеть, что пальцы Сакхлиха скрюченные и посиневшие, даже скорее багровые, а ладонь сильно распухла. Это сделала она? Она, Дженни? Одним только прикосновением? Ну, ничего себе!

Однако додумывать ей не пришлось, потом что под ударом вихря дворец содрогнулся, снова посыпались куски мрамора... По стенам, уцелевшим после вчерашнего штурма, со скрежетом поползли новые трещины. Старику Готвингу, наверное, пришлось поспешно бежать от окна и искать убежище. Дженни с Сервейсом бросились наружу из-под трясущихся перекрытий... Навстречу ударил порыв ветра, сбил с ног, швырнул на камни. Дженни рухнула, перевернулась, по спине прокатилось что-то твердое, с острыми углами, щебень бил, словно град.

Едва порыв стих, Дженни приподнялась — и увидела лишь островитян, медленно поднимающихся с земли, подбирающих свои ножи, топоры и короткие копья. Некоторые стонали и не могли встать. Но где же уцелевшие Погонщики? Ответом мог служить топот внизу, на лестнице.

Глава 13. Прошлое возвращается и возвращается! И откуда его столько?

Дженни не без труда встала на ноги и побрела к баррикаде. Вскарabalкалась на гребень и глянула вниз. Лестница, еще вчера такая величественная и красивая, выглядела ужасно. Тела людей, зверей и птиц замерли в самых странных позах среди груд изломанного оружия, кусков мрамора и вывернутых с корнем деревьев. Местами ступени были сдвинуты, нескольких не хватало. Отвратительные черные подпалины отмечали, куда угодили огненные удары Готвинга. А уж что представлял собой склон слева и справа от ступеней! После череды ураганных порывов ветра, пожара и всего прочего...

К пристани продолжали прибывать лодки островитян, а навстречу им бежали воины Погонщиков в развевающихся серых одеждах. Их осталась всего-то горстка, но впереди со ступени на ступень скакал принц Сакхлих, его легко было узнать по развевающейся черной гриве и выставленной вперед руке. Конечно, управлять ветром ему было больно. Дженни очень на это надеялась. Однако ветер сметал всех, кто пытался встать на пути беглецов. Воины в сером старались оказаться за спиной Сакхлиха, они торопились за ним, как бараны за вожаком, но, помимо страха отстать, их пугала возможность оказаться сбоку — а вдруг именно туда окажется обращена обмороженная ладонь принца? Сметет и не заметит!

А Сакхлих сыпал ударами ветра, прокладывая путь веренице воинов, что теснилась за ним. То есть о воинах он вряд ли думал... Дженни поняла, что принцем овладела ярость. Ему хотелось крушить и разрушать. За ее спиной сопел Ирви, рядом собрались фирийцы. Все замороженно следили за побегом, и никто не пытался отправиться следом за принцем.

Сакхлих достиг конца лестницы, помчался по плитам, которым была вымощена пристань, его ветер мог заменить целую толпу уборщиков с метлами, за спиной Погонщика Ветра набережная сияла чистотой. А перед ним порывы урагана сбивали фирийцев, которые выбирались из челнов. Принц добежал к краю причала, прыжком перемахнул на торчащий к небу нос полузатонувшего корабля, и с этой высоты повел рукой вокруг себя. Ого! Такого Дженни даже вообразить не могла. Там, куда устремлялась ладонь Погонщика, вспухала здоровенная волна. Из ничего вздымался вал, мгновенно обрастал пенной шапкой, топил, крушил, опрокидывал лодки фирийцев. А орал при этом Сакхлих так, что было слышно даже наверху, сквозь рев созданного им урагана. Дженни видела, как раскачиваются деревья на соседнем острове — том, в тени которого они со спутниками вчера проплыли на двух челноках.

Воины в сером тем временем взобрались на брошенное суденышко с парусом-веером, единственный корабль, способный взять на борт всех беглецов. Когда стих устроенный принцем ветер, они подняли крик. Сакхлих бросил на них такой бешеный взгляд, что они мгновенно притихли. Но Погонщик Ветра уже совладал с ураганом, бушующим внутри, и бросился к своим людям. Они уперлись копьями, отпихивая суденышко от причала.

И тут снов принялся орать над головой лорд Готвинг:

— В погоню, за ним! Не дайте принцу сбежать, не то он вернется, чтобы отомстить! Лучше рискнуть сейчас, пока он слаб! Говорю вам, он вернется! Погонщики Ветра не прощают ничего и никогда! За ним!

Фирийцы стали переглядываться. Принц сумел нагнать на них страху, и Остерн куда-то

подевался. Без него и без Повелителя Огня люди чувствовали себя бессильными перед мощью владыки стихии.

— Веред! За мной! — вдруг звонко выкрикнул невесть откуда взявшийся Уотс Готвинг. И полез через полуразрушенную стену Погонщиков.

Дженни не видела, чтобы он сражался вместе с другими, и огня на поле боя она не замечала, пока не вмешался старый лорд... но, выходит, Уотс был среди штурмующих? Сейчас-то он здесь, перед входом во дворец. И принцесса здесь, держится рядом с женихом. Наверное, пока сражался Остерн, он затмевал всех.

И черная пантера была тоже поблизости, но зверь сильно пострадал в схватке. Гигантская кошка еле плелась, припадая при каждом шаге, кажется, на все четыре лапы.

Обнаружила Дженни и Остерна — его завалили обломки баррикады, подхваченные ветром. Похоже, проповедник был жив, но в бесчувственном состоянии.

— Внук! Постой! — крикнул вслед Уотсу старый Повелитель Огня. — Ты мне нужен, вернись! Постой же!

Готвинг-младший и не подумал даже оглянуться. У баррикады он остановился, нежно провел рукой по черным волосам Лоянны и твердо сказал:

— Ты останешься здесь. Кто-то должен распорядиться во дворце, и лучше, если это будешь ты. Найди отца.

Дженни не поверила своим глазам — принцесса, казавшаяся такой своенравной, только коротко кивнула и осталась на месте, когда толпа повалила на лестницу... Сама-то Дженни не раздумывала, для нее все было ясно: Сакхлих еще не получил всего, что ему причитается. Раз она чудовище, то и поступать нужно соответственно. Держись, принц! Чудовище идет!

Понадобилось немало времени, чтобы подготовить для плавания несколько судов из числа оставшихся у причала. Конечно, Погонщик Ветра успел убраться далеко. Вся гладь пролива была покрыта обугленными обломками, перевернутыми лодками, изорванными снастями, среди которых на волнах покачивались тела людей и животных. Птицы с криками кружились над этой картиной смерти и разрушения.

Готвинг-младший встал на носу самого большого из отчаливающих судов. Дженни даже не сразу осмелилась подойти к нему — лорд выглядел истинным Повелителем Огня, такой важный, сосредоточенный... совсем не тот растерянный мальчишка, который наблюдал за ее приключениями на мачте «Удачи».

— Уотс, они уже далеко, — решила заговорить Дженни, — мы сможем их поймать, а?

— О, Дженни! — из-под надменной маски выглянул старый знакомый. — Ты здесь!

— Я-то здесь, а Сакхлих сбежал.

— Найдем, не бойся! Погонщики отплывали второпях, их судно сидело низко, это все видели. Значит, пробоина в трюме. Фирийские барки и так не слишком подходят для плавания в открытом море, А без ремонта принц точно не рискнет покинуть архипелаг. Найти-то мы их найдем...

Уотс погрузился.

— Сомневаешься, что сможешь справиться с Погонщиком Ветра? — догадалась Дженни. — Не дрейфь, я буду с тобой. Я уже разок наваляла этому мерзкому Сакхлиху, а уж если с тобой вместе... Да у него, бедняжки, нет ни единого шанса.

Лорд вымученно улыбнулся.

— Не веришь? — Дженни сделала вид, что обиделась. А вообще-то, в самом деле обиделась. — А ты видел его руку? Заметил, что он меч держал левой, а?

— Это правда, ваша милость, — осторожно присоединился к разговору Ирви, который до сих пор только удивленно округлял глаза, слушая разговор спутницы с лордом. — Дженни его покалечила.

Готвинг бросил взгляд на грязный изодранный мундир рядового Сервейса и кивнул:

— Тогда я уверен в победе. — Его улыбка стала несколько менее жалкой. — Ох, а что у тебя с руками?

Дженни подняла ладони и повертела перед собой, чтобы понять, о чем говорит Готвинг. Ого! Запястья превратились в сплошную ссадину. Придется носить браслеты, или ее замучают вопросами. Хорошо бы, кто-то подарил браслеты из золота...

— Что делать, — философски заметила она, — великие победы не даются легко.

— Угу, — покачал головой лорд.

— А как ты управляешь огнем? — перешла к главному Дженни, пряча руки за спину. — Как это у тебя выходит, что чувствуешь? Что для этого нужно?

Увы, улыбка Готвинга исчезла окончательно, Дженни задела болезную тему.

— Нужно просто сосредоточиться, протянуть руку, это помогает концентрации... ну и, в общем, оно как-то само... — пробормотал Уотс. — Извини, я должен командовать. Людям необходимо думать, что с ними есть кто-то, кто знает, что делать. Жалко, Остерн не с нами. Вот за ним шли, не задумываясь! Эх, какую речь он сказал! Всех захватило, даже этого... помнишь, торговец из Эверона? Такой жадный, расчетливый, но после речи Остерна его словно подменили. Надеюсь, наш проповедник поправится.

Готвинг подозвал двоих островитян. На этих людях была богатая, хотя и пострадавшая в битве, одежда, что указывало на высокий статус. Оба были Говорящими Со Зверями. После короткого разговора, Говорящие уставились в небо, и Дженни обнаружила, что движение птиц над проливом больше не выглядит хаотичным. Отличная идея! Птицы — лучшие разведчики, и скоро будет известно, куда держит путь Сакхлих.

Наблюдая за птицами, Дженни вспомнила о вороне. Конечно, она не могла бы утверждать этого с уверенностью, но старой знакомой среди пернатых не наблюдалось. Впрочем, сейчас было не до нее, хватало и других птичек. Они роились над судами флотилии, больше всех сновало около флагманского корабля, где постоянно совещались между собой Повелитель Огня и наиболее могущественные Говорящие Со Зверями.

Тем временем барка с Готвингом и Дженни уже плыла по широкой протоке, в которой скрылось судно Погонщиков. Дженни наблюдала за суетой, сидя в сторонке у борта. Она мысленно твердила себе: «Я чудовище, я чудовище... главное, не забыть об этом, когда поймам Сакхлиха...»

Ирви Сервейс плюхнулся рядом и неуверенно произнес:

— Знаешь... я подумал... подумала... в общем, я вернусь к сестре... когда все это закончится.

Дженни только кивнула. Когда это закончится... и как?

Пернатые разведчики возвращались с вестями. Дженни догадывалась, что управлять животным можно только когда оно рядом, и заставить птицу возвратиться после того, как она улетела далеко от заговорившего с ней — высокое искусство. Часть Говорящих на лодках и наспех отремонтированных барках направились в разные стороны, чтобы не терять

контроля над своими крылатыми помощниками, которые кружили над головами. Наконец, уже далеко за полдень поступило донесение — враг обнаружен!

Птицы заметили судно Сакхлиха, лежащее на песчаной отмели острова, расположенного у самого края архипелага с северной стороны. Погонщики, вероятно, чинят его, прежде чем пуститься в открытое море. Нужно поспешить, чтобы не дать им закончить.

— Так поспешим же! — прокричал Уотс Готвинг. — Закончим то, что начали!

Голос юного лорда сорвался, призыв вышел ни слишком грозным. Но островитяне ответили на него бодрыми возгласами — они уже почуяли вкус победы, и с ними был Повелитель Огня. Фирийцы жаждали сразиться с захватчиками!

Следуя за крылатыми разведчиками, суда фирийцев вошли в лабиринт небольших островков. Протоки здесь заросли зеленью и далеко не всегда были проходимы для барки Повелителя Огня. Дело шло к вечеру, и Готвинг стремился закончить до темноты, поэтому то и дело торопил Говорящих. Те, в свою очередь, взывали к птицам.

Дженни в эти совещания не совалась, и вообще не пыталась заговорить с Уотсом — вокруг лорда суетились Говорящие, спорили, размахивали руками, отталкивали друг друга. Всем хотелось отличиться, и князьки островов наперебой доказывали, что плыть нужно именно по этой протоке, или по той... или по вон той...

Но тут острова расступились, показался достаточно широкий пролив, а за ним — плоский песчаный пляж, над которым косо торчали мачты сидящего на мели суденышка беглецов. Погонщиков Ветра не было видно, но на песке у судна дымились костры, повсюду были разбросаны обломки досок, тряпки, рваные веревки. Похоже, враг отступил в глубину острова, не закончив починку барки.

Поднялся крик, лодки и парусные суденышки стали стягиваться из зеленого лабиринта к проливу.

Остров, выбранный Сакхлихом, был достаточно велик, над ним высилась гора с плоской верхушкой, а подножие тонуло в буйных зарослях леса. Этот остров был необитаем, так как лежал у края архипелага и продувался морскими ветрами. Фирийцы предпочитали селиться ближе к центру, к княжескому дворцу, и дальше от открытого моря.

Флотилия устремилась к острову, парусники оказались намного быстрее, мелкие суденышки отставали, но в целом картина получилась мощная. А на берегу по-прежнему не наблюдалось никакого движения.

Но, когда до берега оставалось пройти совсем немного, на палубе вытасченного на отмель судна показался человек. Дженни только охнула и крепче вцепилась в борт, когда узнала Сакхлиха. Она уже поняла, что сейчас будет. Фирийцы-то пока не догадывались, они орали и размахивали оружием.

Погонщик Ветра вскинул руку, и из песка, из вырытых на берегу ям, из-под обломков, из-под груд перепутанных канатов поднялись воины. С их одежд сыпался песок, они поднимали луки...

Дженни зажмурилась. Вовремя — потому что мгновением позже случилось ЭТО. Гром оглушил, борт содрогнулся в стиснутых пальцах, Дженни окатило холодной водой с ног до головы, но она не боялась, потому что знала секрет — главное: не открывать глаз. Видимо,

это и помогло. Она не видела, как мгновенно вздыбившиеся волны разбили в щепки флотилию, разметали обломки и гребцов, как волны прокатились по тому, что осталось от лодок и кораблей...

Когда плеск и грохот поутихли, она приоткрыла глаза и тут же принялась отчаянно моргать, потому что вода, в которой она оказалась, была соленой. Борт несчастной барки она по-прежнему держала крепко — вернее, то, что осталось от борта, обломок в пять шагов длиной, кусок шпангоута с раскрошенными в щепу досками обшивки. Удар ветра разбил кораблик и забросил Дженни далеко в сторону. В пятидесяти шагах от нее среди волн торчали головы фирийцев, взлетали руки, люди кричали, путались в паутине канатов... Потом на них обрушились стрелы.

Выстроившиеся вдоль берега воины Сакхлиха неторопливо натягивали луки, целились. Сам принц блаженно улыбался, глядя на результат своей работы. Дженни нырнула за обломок борта, и доски, прибитые к шпангоуту, встали торчком, словно деревянный парус. Или щит, прикрывающий от стрел.

Такая защита наплась далеко не у всех, и стрелы исправно находили свои жертвы, барахтающиеся в воде. Из воды повалил пар — это Уотс пустил в ход свое умение. Под его рукой вода кипела, пар поднимался густыми клубами, скрывая пловцов... Скакхлих повел рукой — левой, конечно, потому что правая бессильно висела. Ветер мигом сдул ненадежную паровую завесу, и снова посыпались стрелы. А Дженни с ее деревянным парусом этот порыв снова отбросил в сторону. Осторожно выглянув из-за доски, она заметила берег совсем рядом и стала грести, помогая ветру нести к отмели.

Она оказалась у островка, чуть в стороне от берега, на котором стояли воины Погонщиков. Но тут ее обломок подхватило течением и потащило. Дженни ничего не знала об отливах и приливах, не то догадалась бы, что происходит. Начиная вечерний отлив, и ее несло к морю, мимо большого острова. Обломок, за который она цеплялась, медленно перевернулся, Дженни с головой ушла под воду, когда она вынырнула, отплевываясь и моргая, с обеих сторон были поросшие лесом берега, широкий пролив остался позади.

Пальмы склонялись к воде, волны шевелили и перекатывали свесившиеся с них лианы. Местами гибкие зеленые плети, плещущиеся в воде, сплелись в настоящую сеть, которая ловила и останавливала все, что несло течение. Кусок борта с Дженни попал в эту ловушку и мягко остановился. Вода журчала, перекатываясь через изломанные доски, какие-то морские растения шевелились среди них, как волосы утопленников...

Дженни решила и, выпустив свой плот, перехватила толстую, в ее руку, лиану и, перебирая ладонями, стала барахтаться по направлению к берегу. Слева от нее в паре сотен шагов лучники Сакхлиха выбирали цели, качающиеся на волнах, и были так увлечены этим занятием, что не заметили, как она выбралась на берег и вскарабкалась на дерево по зеленым плетям лиан.

Конечно, канаты на ярмарках натягивают куда более туго, но зато здесь, в кронах деревьев, обнаружилась целая сеть зеленых побегов, и можно было найти и за что ухватиться рукой, и куда ногу поставить. Без труда Дженни перебралась на соседнее дерево, с него — на следующее... и, наконец, раздвинув листья, смогла видеть берег под собой. Она оказалась позади врагов.

На пляже спиной к ней стояли лучники. Они со смехом выбирали жертвы, среди барахтающихся в воде фирийцев. Те, укрываясь за обломками кораблей и за разбитыми перевернутыми лодками, гребли к берегу. Прилив помогал, и на миг Дженни показалось, что

они приближаются, что вот-вот передние пловцы смогут встать на ноги в мелководье. Из-за перевернутого челнока поднялся молодой смуглый островитянин и швырнул короткое легкое копье в Сакхлиха, который, стоя на палубе браки, насаждался картиной побоища. Копье не долетело, у фирийца не было возможности ни прицелиться, как следует, ни размахнуться. Наконечник ткнулся в борт, и принц рассмеялся, глядя на копье. Он шевельнул пальцами, и, поведя рукой, пустил по кругу порыв ветра. Поднялись волны, смели и отбросили качающуюся на воде массу, переплетенную и спутанную порванными корабельными канатами.

Дженни ахнула — так он нарочно ждал, пока барахтающиеся на волнах фирийцы подберутся поближе! Нарочно, чтобы отшвырнуть именно в тот миг, когда казалось, что цель близка! Да Сакхлих может устроить шторм, едва захочет! Он способен утопить эти несколько сотен человек одним движением пальца! Однако желает сперва поразвлечься.

Сразу всплыла в памяти картина последней ночи, когда она болталась на дурацкой веревке, и текущий с пальцев Сакхлиха ветер рвал одежду... этот ветер, мерзкий, отвратительный! Мигом ожили ощущения, закипели под самым горлом, заставили вздрогнуть. Ненависть рвалась наружу их всех пор тела, из глаз, изо рта и носа. И Дженни поняла, что если не крикнет, то ненависть просто разорвет ее на кусочки! Она — чудовище!

Ох, какой получился вопль! Она исторгла из себя заряд ненависти, боли, презрения, обиды, горького чувства несправедливости и неправильности происходящего... даже ослепла на миг, так орала. А когда смогла проморгаться, на пляже больше не было цепочки стрелков в сером, и Сакхлих больше не хохотал на палубе застывшего посреди мелководья судна.

Судно-то было на месте, палуба тлела в нескольких местах, от пляшущих по просмоленным доскам веселых огоньков валил дым, песок был испещрен черными подпалинами, и цепочки следов уводили к зарослям. Дженни еще успела заметить несколько спин в серых халатах, исчезающие в густом зеленом подлеске. И облачка дыма, медленно тающие в воздухе. И обугленные листья перед самым носом.

— Все-таки, чудовище, — пробурчала Дженни и стала спускаться.

Фирийцы подняли крик и заторопились из последних сил, они выбирались на мелководье, брели, полнимая волны, на песок... Дженни, сидя в кустах ждала. Появился и Уотс Готвинг, лорд еле брел к берегу, поддерживаемый двумя Говорящими. Пока все глядели на него, Дженни выползла из кустов и присоединилась к толпе. Перед Уотсом все расступались, и вот он предстал перед Дженни — растерянный, подавленный, мокрый.

— Ваша милость, это было великолепно! — провозгласила Дженни. — Вы их просто поджарили!

— Но... э... я не... — промямлил герой.

— Я все видела, — твердо заявила Дженни. — Будет, о чем рассказать в Эвероне. Великолепный огонь! Просто чудо! Ну а теперь, может, нам поискать этих разбежавшихся трусов?

Уотс сглотнул, смахнул морскую воду с челки и по-геройски рывкнул:

— В погоню! Поймаем их!

Фирийцы заорали и бросились в заросли, тут же поднялся птичий грай в кронах —

Говорящие Со Зверьями привычно сзывали на помощь обитателей острова. Поток подхватил и Дженни с Готвингом, они тоже побежали за всеми... но отыскать беглецов оказалось непросто, те уже были далеко.

Сперва Дженни держалась неподалеку от лорда, потом Готвинга позвали Говорящие — птицы кого-то заметили... потом голоса стали удаляться, а у Дженни не было особого желания находиться в толпе. Еще услышит кто-то из местных, как она твердит себе:

— Я чудовище, я чудовище...

Могут ведь неправильно понять!

Так она брела, глядя по ноги, пока не осознала, что отбилась от погони и осталась одна среди дикого леса.

— Ну и ладно, — буркнула она. — Так даже лучше.

Ей и в самом деле хотелось побыть одной. Она брела среди зелени, продиралась сквозь сплетение лиан, обходила заросли колючки... А солнце опускалось все ниже, в лесу темнело быстрее, и Дженни уже начала задумываться о том, что не мешало бы как-то выбираться или хотя бы найти кого-то из фирийцев.

Впереди показался просвет. Вроде бы деревья расступались. Может, берег? Во всяком случае, плутать по лесу уже надоело, и Дженни пошла скорее. Деревья стали расти реже, а сумеречный свет впереди указывал, что кроны становятся не такими густыми. Похоже, в самом деле, там была опушка.

Дженни услышала шум прибоя и побежала. Навстречу пахнуло холодом. Последние заросли кустарника расступились перед ней и... это в самом деле был берег. Но прибой плескал и рычал в стороне, здесь море было... зимним. В паре миль от берега чудовищной, неимоверно, неестественно чистой громадой высился ледяной корабль. Море между ним и берегом блистало ровной белой гладью. По льду к кораблю брели от острова серые фигурки.

О, теперь Дженни могла разглядеть это невероятное сооружение получше. Вблизи ледяной корабль выглядел еще величественнее, чем в море, когда Дженни с рулевым смотрели на него с борта парусника. Настоящий дворец! Сказочный дворец, застывшая во льду мечта... Башни, увенчанные гигантскими шпилями, вздымались на невероятную высоту, они пронзали небо, бахрома гигантских сосуллек окутывала их, лестницы сбегали с вершин ледяных гор и терялись в ущельях, где лежала голубоватая тень. Стены, выступы, огромные пространства ослепительной белизны... Холод, неспешно ползущий на разогретый за день берег.

Потрясенная Дженни водила глазами, чтобы насладиться невероятной красотой и величием ледяного корабля. Потом взгляд соскользнул на лед, покрывший море, на спины в серых халатах. И тут пришло понимание! Это же Хозяин Льда подстроил нападение на острова! Он привел сюда остатки армии Сакхлиха! И принц не собирался чинить барку, он знал, что в случае неудачи за ним придет ледяной корабль. Он не спешил, он ждал ночи и развлекался, топя фирийцев, чтобы скоротать время!

Усталость и обида нахлынули и навалились тяжестью на плечи. Разом заболели натруженные ноги, запульсировала боль в ободранных запястьях, в отбитых коленях... заныли ладони, исцарапанные лианами... холод, ползущий от ледяного корабля пролез под влажную изорванную одежду. Дженни на негнущихся ногах побрела к береговой линии, высматривая среди беглецов Сакхлиха.

Значит, негодяй уйдет от возмездия? Эта мысль оглушила и сбила с ног. Дженни опустила на колени, уперлась ладонями в лед у берега. И снова в ней стало закипать

пламя. Сакхлих, подлый, ухмыляющийся... его растянутые в усмешечке губы, его бесцеремонные пальцы, источающие ветер... Дженни, не помня себя от злости, ударила кулаками в твердую гладкую поверхность, такую прочную, такую отрезвляюще-холодную!

И снова вспышка пламени заставила ее отшатнуться и зажмуриться. Из-под кулаков выплеснуло жаркое пламя, побежало двумя яростными дорожками по льду, вознося огненные гривы, а белая плоскость под ними дрожала и рассыпалась, расплывалась, трескалась и трепетала. Во все стороны поползли трещины.

Беглецы замерли, когда лед вздрогнул под ними, оглянулись... и помчались к ледяному кораблю. Трещины были быстрее людей. Белое плато, раскинувшееся вокруг громады корабля, мгновенно исчезло, обратившись в мешанину осколков, больших и малых кусков, пляшущих на волнах. Море, высвободившись из оков, переворачивало обломки льда, играло с ними, стаскивало людей в воду... А воины в сером, поспешно отшвыривая тяжелое оружие и сбрасывая халаты, прыгали по этим обломкам.

Дженни увидела, как по ледяной лестнице, которая спускалась к основанию белой громады, неторопливо идет человек в меховой накидке. Единственное движущееся пятно среди застывшей холодной красоты.

Хозяин Льда встал у края и протянул руку Сакхлиху, помогая вскарабкаться. При этом движении с его головы свалился капюшон, и по плечам рассыпались густые серебряные локоны. Сакхлих, утвердившись на скользком льду, обернулся к Дженни и занес левую руку...

Он собирался послать ураган к берегу, к Дженни, которая осталась стоять на покачивающемся в волнах обломке льда. Но сил что-либо предпринять у нее уже не осталось.

Беловолосый Хозяин Льда перехватил ладонь Сакхлиха, вывернул, заставил пошатнуться и отступить, а потом отшвырнул принца — да так, что тот шлепнулся на лед и проскользил на пузе десяток шагов. А после — обернулся к берегу, помаhal рукой и, подхватив пассажира за ворот, поволок к лестнице, восходящей от потревоженного моря куда-то в голубизну и белизну.

Уцелевшие воины Сакхлиха выбрались на холодную поверхность и сгрудились, тревожно озираясь. Они были чужими на холодной гладкой поверхности — оборванные, грязные. Корабль вздрогнул, и они вцепились друг в друга, чтобы устоять на ногах. Ледяной дворец стал медленно-медленно удаляться, от него побежали волны, гоня осколки разбитого ледяного поля. Дженни попятилась, потому что плоские льдины уже громоздились перед ней и вползали одна на другую, грозя сбить с ног.

Небольшая льдина со скрежетом подъехала к ногам Дженни, на ней темнел меч принца Сакхлиха в роскошных ножнах, украшенных дивными камнями. Погонщик Ветра бросил его, когда, удирая, скидывал халат и все прочее, что мешало прыгать по льдинам.

— Ингвар тоже чудовище, — прошептала Дженни, нагибаясь, чтобы взять меч.

Глава 14. Кое-что из жизни чудовищ

Нашли Дженни птицы. Она сидела в песке, глядела, как волны облизывают груды льда у кромки прибоя, и думала о том, что трудно удержать в себе огонь, когда он уже знает дорогу наружу. Единожды инициированный, Повелитель Огня должен постоянно контролировать свой талант, чтобы ненароком не превратить в головешку слугу, пролившего воду на ковер. Что, если их отрешенная заносчивость — всего лишь следствие постоянного самоконтроля?

Что, если они просто вынуждены быть такими бесчувственными чурбанами, а на самом деле, в глубине души, под неподвижной застывшей личиной они милейшие и сердечнейшие люди? Такие, как Уотс? Он просто славный мальчик, ничуть не похожий на прочих Повелителей Огня... Или он не задубел в своем величии из-за того, что его талант слаб?

Эта мысль неприятно поразила Дженни. Ведь если так, придется пересмотреть свое отношение к обитателям Вулкана. Куда проще было считать лордов бесчувственным чудовищами, презирать и ненавидеть их нечеловеческую гордость... и куда труднее было ощутить чудовищем себя!

Меч принца Сакхлиха лежал на коленях, как напоминание о том, что все, случившееся с Дженни, не сон и не наваждение. Меч был такой тяжелый, весомый... и он был по-своему красив, особенно сверкающий в лунном свете камень на рукояти. Конечно, совсем не то, что самоцвет в венце Лоянны, но тот был чудом, а этот — просто очень красив.

Дженни погладила холодный граненый самоцвет, и тут над головой застрекотали десятки крыльев. Птицы закружились над берегом, издавая пронзительные вопли. Мгновением позже в лесу раздались голоса — к пляжу приближалась толпа, и огни факелов мелькали между стволами деревьев.

Фирийцы во главе с Говорящими и Уотсом Готвингом высыпали на песок. Они едва глянули на Дженни, и в темноте никто не обратил внимания на трофей, лежащий на ее коленях. Гораздо больше всех интересовали пласты льда, все еще громоздящиеся у берега. Только Ирви Сервейс подбежал и склонился над Дженни:

— Куда же ты пропала? Я искал...

— Он сбежал! — выкрикнул один из Говорящих. — И Хозяин Льда приложил к этому руку!

— Отлично, — буркнула Дженни, — теперь не придется ничего объяснять.

— Здесь был Хозяин Льда? — захолопал глазами Ирви. — На своем ледяном корабле? Ты видела ледяной корабль?

— Уже второй раз, — не без гордости сообщила Дженни.

Раз это так возбуждает всех, кто не видел, нужно хвастаться.

— А он... — Ирви запнулся. — Он правда такой красивый?

— Красивый, словами не передать. И Погонщики Ветра убрались на нем. Хозяин Льда заморозил море, они перешли на корабль — и привет. Поминай, как звали.

Ирви помог ей подняться, и только теперь заметил меч.

— О! Откуда у тебя это?

— Подобрала на льду. Принц так быстро удирал, что бросил на бегу. Хорошая вещица, а? В хозяйстве пригодится. А уж наш дворецкий просто обзавидуется. Он большой спец по

разным клинкам, собирает их, но в его коллекции нет ничего подобного! Могу поручиться!

Потом был долгий путь через лес. Факельные огни бродили по деревьям и зарослям кустарника, фирийцы галдели, обсуждая битву и бегство Сакхлиха. И все восхищались огненным талантом Уотса, который сумел обратить в бегство грозного Погонщика Ветра. Уотс смущенно улыбался и принимал поздравления с таким видом, словно у него болят зубы. Только он да Дженни знали, что не его огонь испугал и заставил бежать Сакхлиха.

Судно, на котором Сакхлих приплыл на остров, привели в порядок. Оно не могло взять на борт всех, но для Дженни и Сервейса местечко нашлось. Они были из Эверона, и на них лежал отблеск славы великого лорда Готвинга-младшего.

И Дженни еще раз убедилась — знание ведет к печали, а незнание к радости. Фирийцы, полагая, что теперь они обзавелись непобедимым Повелителем Огня, хвастались своей победой. Пока барка скользила по черной воде, только и слышно было: пусть теперь Погонщики только сунутся! Теперь им покажут! Да! Пусть приходят снова!

На берегу княжеского острова пылали костры, в отблесках пламени блестели доспехи. Ведь там не знали, чем закончилась погоня, и на всякий случай собрали всех, кто мог носить оружие, чтобы дать отпор при новом нападении врага. Но Дженни видела только Квестина. Он был жив! Он стоял на берегу в свите старого лорда! Ничуть не изменившийся, все с той же тростью и тем же скептическим выражением лица!

Впрочем, выражение изменилось в тот же миг, когда Квестин заметил на корабле Дженни. Едва судно коснулось бортом пристани, она, растолкав всех, прыгнула в объятия «дядюшки».

— Жива! Ты жива! Почему ты не держалась рядом со мной? Куда сбежала?

При этом Квестин так тряс Дженни, что она и слово боялась сказать, чтобы не прикусить язык.

— Полегче, дядюшка, — взмолилась она, — не тряси так, а то я рассыплюсь! Хватит потрясений! На сегодня — хватит! И я не сбежала, я... погоди, а ты как пережил штурм? Где ты был всю прошлую ночь?

— Я же тебе говорил: рядом с Повелителем Огня нам ничего не грозит! Почему ты оказалась не рядом с ним, когда Сакхлих ударил по дворцу?

— Погоди, погоди... — Дженни не без труда высвободилась из чересчур крепких объятий и отступила на шаг. — А что случилось в тот момент?

— Разумеется, его милость был готов к подобному исходу. Принц Кехлинк показал ему тайник, где можно было переждать захват дворца, но лорд Готвинг мудро решил проследовать в это укрытие так, чтобы никто не видел. Именно в тот самый миг, когда ураган обрушился на здание! Если бы ты была рядом... Куда ты тогда запропастилась? Я был уверен, что ты, как всегда, следуешь за мной... я был уверен... но потом тебя рядом не оказалось!

— Меня не оказалось, — устало сказала Дженни. — Значит, пока последние защитники дворца гибли, отражая приступ, пока я и Ирви были в плену, пока здесь хозяйничали Погонщики Ветра, вы с лордом просто сидели в каком-то укромном местечке?

— Ты никогда меня не слушаешь! — возмутился Квестин. — Я же говорил: мы должны быть рядом с его милостью! Послушайся ты меня, и твоя ночь прошла бы гораздо спокойнее. Но, хвала богам, ты цела!

У Дженни не было сил, чтобы возмутиться. Она только и сказала:

— Ирви наш клиент. Нельзя было его бросать.

— Лорд Готвинг — тоже наш клиент! — неумолимо отрезал Квестин. — Дитя мое, ты плохо выглядишь. С тобой все в порядке?

— И даже более того, — Дженни продемонстрировала трофейный меч. — Во-первых, я возвращаюсь с богатой добычей. Во-вторых, я сберегла клиента и, надеюсь, за эти сутки успела его переубедить. Ирви! Эй, Ирви! Ты согласен вернуться к сестре?

Рядовой Сервейс, а в будущем — почтенная эверонская барышня Ирви Сервейс, топтался в стороне, смущенно поглядывая на «дядю» с «племянницей». Когда его позвали, подошел поближе.

— Я согласен, — кивнул он. Или уже она. — Я вернусь к Клементине, ваша взяла.

— Вот и обсуждайте детали без меня, — отрезала Дженни и побежала в толпу, где раздавался знакомый голос, призывающий к милосердию, как и подобает победителям.

— Остерн! Остерн, ты жив?

Проповедник обернулся к ней:

— А, миссис Дженни... конечно, я жив.

Его добродушное круглое лицо сияло улыбкой, и, если бы Дженни не видела, что проповедник выделывает с мечом, она бы могла поклясться любым из сотни богов Эверона, что на свете не найти более безобидного человека, чем Остерн.

— Я видела, как тебя ударил ветер, потом посыпались камни...

— Да ничего, — улыбнулся тот, оглаживая перебинтованный бок, — отделался парой сломанных ребер. Вот старине Рендиху не так повезло.

Проповедник обернулся, указывая тело бедняги торговца. Тот лежал на пристани, рядом с другими погибшими, их снесли сюда, чтобы перевезти на кладбищенский остров. У фирийцев были острова, определенные под место вечного упокоения мертвых. Рендиху Мерчу предстояло найти вечный приют на одном из них. Дженни ахнула — да ведь это именно он! Он, тот самый невзрачный человечек, что появился из ниоткуда и прикончил Погонщика Ветра. Невероятная ловкость для простого торговца...

И вот он лежит среди мертвых островитян, и его приличный сюртук эверонского горожанина странно выделяется среди простеньких белых одеяний местных. Но самым странным было даже не это.

Ворона! Та самая ворона, о которой из-за бурных приключений последних суток Дженни совсем забыла! Ворона сидела на груди мертвеца и задумчиво тыкала клювом в его распахнутый на груди пропитанный кровью сюртук. Птица тянула что-то из-под изодранной ткани. Какой-то клочок... или... что это?

Свет факела упал на мертвого Рендиха Мерча, и Дженни только ахнула, разглядев в клюве вороны платок в красную клетку. Эверон, Горшечная улица, Брем Борк в гостях, он рассказывает Квестину о том, что за их домом установлена слежка, и что один из шпигов вытирает лысину платком в красную клетку, когда подает знак напарнику, что уходит. Сейчас Рендих Мерч ушел навсегда.

Остерн не заметил, как разволновалась собеседница, он рассказывал:

— Мы собрали местных, принцесса призывала их напасть на Погонщиков Ветра, я проповедовал... кажется, успешно. Рендих сказал, чтобы мы атаковали смело, он позаботится о том, чтобы Погонщики не помешали.

— Когда начался штурм он появился откуда-то из тени и заколол колдуна, — вздохнула Дженни. — Как только решился на это?

— Он слушал мою проповедь с горящим взглядом. Потом пожал мне руку и сказал:

«Отличная речь, старина. Я с вами!» И вот... Знаешь, как тяжело, когда вот так провожаешь людей, которых позвал в бой... Очень тяжело, Дженни. Рендих был прагматичный малый. Понимаешь, что я имею в виду? Наверное, он никогда не сунулся бы на вершину горы, если бы не выслушал мою проповедь и не уверовал в величие Тедзинга.

Ворона глядела на них, и платок в красную клетку грустно свисал из ее клюва.

— А, вот он, наш славный проповедник! — рядом с ними объявился сам лорд Готвинг-старший.

Его милость глядел на Остерна и всячески демонстрировал, что именно с ним желает поговорить, а также что это большая честь для скромного слуги Тедзинга Победителя.

Дженни отступила на шаг. А лорд продолжал:

— Я видел, как вы дрались, друг мой, это было великолепно. Принц Сакхлих известен как непревзойденный мечник, и выдержать поединок с ним — знак большой доблести. От имени правителя Фирийских островов предлагаю вам стать капитаном дворцовой стражи. Это высокий пост, но вы его достойны.

— Благодарю, ваша милость, — поклонился Остерн, — моя жизнь принадлежит Тедзингу Победителю, и служу я ему одному. Благодарю вас и принца Кехлинка за высокую честь и сожалею, что не могу принять такое лестное предложение. Если вашим милостям будет угодно, я останусь здесь... на некоторое время и буду проповедовать свою веру жителям Фирийских островов. Уверовав в великого Тедзинга, они станут хорошими воинами и истинно добрыми победителями, склонными к милости и верности.

— Да, да, разумеется, — сухо ответил лорд. — Оставайтесь и проповедуйте, ваши речи в самом деле вдохнули немного храбрости в этот мирный народ. Но все-таки помните о моем предложении. Вернее, о предложении принца Кехлинка.

Остерн снова поклонился. Было очевидно, что его ответ не понравился Готвингу, старик не привык получать отказы, и Дженни решила сгладить неловкую паузу.

— Нижайше прошу меня простить, — обратилась она к лорду, — что отвлекаю подобными мелочами. Я нашла хозяина вороны. Вот он, Рендих Мерч. Если вашей милости угодно вспомнить, он с нами с самого отплытия из Эверона.

— Э-э... да! — лорд вспомнил Дженни и вспомнил, о чем она говорит. — Да! Миссис... Да, верно.

Вот имя собеседницы он не вспомнил, но Дженни этим обстоятельством была скорее довольна. Не нужно привлекать внимание Повелителей Огня. Особенно теперь, когда у нее появилась тайна, которую следует сберечь, в первую очередь, от других чудовищ.

— Верно, — говорил тем временем Готвинг, — ворона... э... придется обыскать.

Он обернулся к своему молчаливому кучеру-слуге-телохранителю, который, оказывается, незаметно торчал поблизости. Он в совершенстве владел искусством оставаться незаметным, не хуже Мерча. Но не использовал этот талант в бою.

По знаку господина неприметный человек подошел к мертвецу, присел и стал обшаривать одежду. Вокруг были фирийцы. Вполне возможно, что такое обращение с телом могло бы вызывать у них недовольство, но никто не сказал и слова — пусть гости из Эверона решают свои дела с живыми и мертвыми, как считают нужным.

— Миссис... э-э... — обратился Готвинг к Дженни. — Насколько я понял, вы видели, как мой внук сражался с Сакхлихом? Это был не слишком... э... неравный бой?

— Честно говоря, до полноценного поединка так и не дошло, — осторожно ответила Дженни.

С одной стороны, было необходимо, чтобы никто не узнал, что она такое же чудовище, как Повелители Огня и Погонщики Ветра, а значит, пусть все полагают, что это юный Уотс прогнал Сакхлиха... с другой стороны, если она сейчас начнет нахваливать огненный талант молодого Готвинга, а потом старик устроит внуку проверку, и окажется, что Дженни наврала — выйдет очень неудобно.

— А до чего дошло? — допытывался лорд.

— Сакхлих ждал условленного времени, пока за ним придет ледяной корабль, — объяснила Дженни, — поэтому сражался только до этого момента. — Но Уотс заставил его попрыгать! В конечном счете, именно Сакхлиху пришлось улепетывать. Ваш внук держался достойно!

— Я и не надеялся, что малыш одолеет великого воина юга, — удовлетворенно кивнул Готвинг, — но если он, по крайней мере, может выстоять против такого противника достаточно долго, это уже кое-что!

— Ваша милость! — обратился к лорду телохранитель.

— Да? Что-то нашлось?

— Тайная стража, — ответил слуга, поднимаясь и демонстрируя хозяину небольшой плоский медальон.

Или, возможно, эту штуковину следовало называть жетоном? Или бляхой? Рендих носил плоскую овальную пластинку под одеждой, она была подвешена на цепочке, поэтому Дженни пришло в голову слово «медальон». Знаки, отчеканенные на бляхе, позволили слуге сделать вывод о принадлежности покойного к тайной страже Вулкана.

— Ах вот как... — старый лорд кивнул, — всего лишь тайная стража! Леди Урсуле хотелось держать меня под наблюдением. Ну что ж, это многое объясняет. Теперь о вороне можно забыть. Мистер проповедник, не забудьте о нашем с принцем предложении. Оно все еще в силе!

И с этими словами лорд убрался. А Дженни подумала, что следил агент Урсулы вовсе не за его милостью. Ведь она обратила внимание на ворону, еще когда снимала с дерева белую кошку по имени Фили и думать не думала, что предстоят такие приключения за морем... О, Трохомор, как давно это было! И как далеко! В другой жизни — в той, где Дженни была человеком, а не чудовищем.

Пришли корабли за мертвыми, и Дженни с Остерном проводили тело Рендиха до сходней. Ворона слетела с мертвого хозяина, когда за ним явились могильщики, и кружила над причалом, пока шла погрузка. Наконец птица села на борт судна, и Дженни, стоя в нескольких шагах от нее, позвала:

— Эй, черненькая! Хочешь обратно в Эверон? Тогда идем со мной. Здесь не живут черные вороны, понимаешь? Это веселые мирные острова, здесь все птицы пестрые. Нам, чудовищам, здесь не место.

Ворона молча косилась на нее блестящим глазом, но, едва погребальные суда стали

отчаливать, перелетела на пристань. И потом, когда Квестин позвал Дженни, увязалась следом.

Утром Квестин отправился переговорить с его милостью Готвингом-старшим, а заодно оформить документы на увольнение рядового Сервейса. Ирви ушел с ним, и Дженни осталось только разговаривать с вороной. Готвинг-младший ни на шаг не отходил от принцессы Лоянны. Дженни видела их издали.

Юный лорд, еще недавно такой застенчивый и нелюдимый, щебетал как птичка, порхая вокруг принцессы — наверное, рассказывал о своем эпическом поединке с Погонщиком Ветра. Лоянна благосклонно слушала, кивала... а огромная черная пантера понуро хромала следом за ними, позабытая хозяйкой.

Квестин вернулся с сообщением: для возвращения подготовят корабль, самый крепкий из тех, что найдется на Фирийских островах. Вообще-то, фирийцы не ходят в открытое море, они довольны жизнью на своих прекрасных островах. Поэтому больших судов, способных доставить гостей в Эверон, здесь нет. Но их доставят в Одвик, а уже оттуда какой-нибудь корабль отвезет домой. Одвик гораздо ближе, и море там, на юге, спокойнее. Найдется и шкипер, готовый совершить такой переход.

Ирви нервно тискал пачку бумаг со свежими печатями. Он очень переживал, и это волнение несложно было понять... но решение принято, оставалось сделать все как можно лучше. Дженни обсудила с ним, что в Одвике они переоденут Ирви в женское платье, и в Эверон прибудет уже не демобилизованный воин, а барышня.

— Благопристойная барышня! — подчеркнула Дженни. — Хотя, конечно, быть благопристойной очень скучно. Когда тебе надоест, приходи на Горшечную улицу, дом восемьдесят четыре. Мы придумаем, как тебя развлечь. На худой конец попросим Морко Гучиха, дядиного дворецкого, показать тебе коллекцию ножей. Этого занятия хватит как раз на день, ножей у него много! Немного отвлечешься.

На том и порешили. А утром к пристани подошла большая барка, и смуглый улыбчивый фириец, самый опытный шкипер архипелага, не боящийся открытого моря, пригласил почтенных друзей Повелителя Огня подняться на борт — их с почестями доставят в Одвик.

Ворона уже по-хозяйски расположилась на мачте.

На палубе стоял Реми. Его миссия была окончена, а вернее — стала не нужна. Задачей господина секретаря второго ранга было помогать его милости Готвингу склонить Кехлинка к более тесному союзу с Вулканом. Куда же теснее? Теперь, когда Погонщики Ветра оказались смертельными врагами Фирийских островов, принц был готов на любой союз, не только оборонительный, но и наступательный. Одна беда — у него не было армии, которую можно было послать на Гранделин для войны с Погонщиками. Наоборот, он просил усилить эверонский гарнизон в его стране. Реми вез соответствующие письма, адресованные парламенту. Он будет выступать в обеих палатах с докладом, это большая честь для скромного книжечья с незаконченным юридическим образованием! Наверное, его повысят в должности!

На Дженни секретарь второго ранга старался не глядеть, но на таком тесном пространстве, как палуба барки, им все равно пришлось оказаться рядом. А ей было все равно. Что такого, если Реми собирался в одиночку отыскать драгоценности Пожирателей? Это скорее даже похвально — что этакий рохля, а решился на подобное приключение! Хотя, по большому счету, чудовищам наплевать на подобную ерунду.

Что такого, что Реми не принимал участие в схватках, тогда как Дженни то и дело

оказывалась в самой гуще сражения? Война — удел чудовищ.

В общем, Дженни сама подошла к нему и сказала, что он может потренироваться перед выступлением: почитать ей черновик доклада, пока они будут в пути. Но пусть не обижается! Если доклад окажется скучным, без красочных деталей и неожиданных поворотов сюжета, она заснет. И честно выполнила свое обещание, заснув на второй странице.

Плавание прошло на редкость спокойно — Дженни проспала чуть ли не сутки. Наконец можно было ни о чем не беспокоиться и спать в свое удовольствие. Охота на Черную Руку и выяснение, что нужно от них с Квестинном леди Урсуле... все это ждет в Эвероне, а до него — два морских перехода!

Только когда на горизонте показалась полоса берега с башнями Одвика, Дженни вспомнила, что она совсем не готова к выходу в город. Ей совершенно нечего надеть! Тои наряд, что был на ней, неплохо подходил для блужданий по безлюдному лесу в поисках сбежавшего Сакхлиха, но никак не годилось для прогулки по столице провинции. Ведь, согласно распоряжению лорда Истригса-младшего, Одвик теперь столица! Чудовищ подобная ерунда, возможно, и не волнует — они идут путем Хогорта, сами не зная об этом. Но Дженни ощущала в себе слишком много человеческого, чтобы показаться в рваных тряпках на берегу.

Саквояж с запасными сорочками и прочими мелочами героически погиб во время штурма, а Дженни не догадалась попросить что-то взамен у прислуги Кехлинка. Реми с Ирви полезли перебирать свои дорожные запасы в поисках подходящей одежды. В вещмешке демобилизованного солдата кое-что нашлось, и на пристань Дженни сошла в довольно странном облике — то ли мародер, то ли дезертир. Зато она гордо несла на плече клинок принца Сакхлиха, что, по ее мнению, должно было с лихвой искупить все недостатки снаряжения.

— Трофей красит бывалого воина, а вовсе не нарядная форма, — так она и сказала Квестину, который был недоволен, что «племянница» выглядит недостаточно презентабельно и даже нелепо со здоровенным мечом.

Ему-то что? Его мятый сюртук не сражался с Погонщиками Ветра, а пересидел опасность в укромном уголке, вот и уцелел. Зато трость не могла идти ни в какое сравнение с клинком великого воина юга!

— Мне нужно в канцелярию, — заявил Квестин, убедившись, что бесполезно спорить с тем, кто идет путем Хогорта и считает приличную одежду нестоящими внимания мелочами. — Узнаю, найдется ли судно, отплывающее в Эверон. А ты...

— А мы с Ирви поищем магазин готового платья, чтобы быстренько подобрать что-то приличное. И не нужно так смотреть! Только попробуй возразить против магазина, и я пойду искать мастерскую портнихи. Знаешь, как долго они снимают мерку, кроят и шьют?

Реми, разумеется, тоже нужно было в канцелярию, и Дженни с отставным рядовым Сервейсом пошли в город вдвоем. Если не считать вороны, которая то летела впереди, то усаживалась и ждала, пока ее догонят.

А Одвик уже начал меняться, согласно планам генерала. Повсюду шла работа. Башни форта покрылись строительными лесами, рвы углублялись, в портовом районе закладывали

фундаменты под новые здания... День был жаркий, и пленные воины Погонщиков, скинув серые халаты, потели, таская мешки и доски. Двигались они неспешно, лениво. Надзиравшие за ними гоблины покрикивали, но тоже лениво. В такой зной торопиться было совершенно невозможно.

Дженни с Сервейсом осторожно пробирались между группами тружеников, но внезапно картина изменилась — все забегали, пленные зашевелились живей, гоблины схватились за кнуты и стали ими громко щелкать, строя при этом грозные рожи и скаля клыки. Все вокруг сразу загремело, заорало и завертелось чудовищной каруселью, так что пыль взлетела, застилая небо. Перепуганная ворона, хрипло каркнув и уронив черное перо, взмыла ввысь.

Дженни растерялась и сделала попытку спрятаться за спиной спутника, но куда можно спрятаться от того, что окружает со всех сторон? Суета была абсолютно всеобъемлющая. Да и Ирви в голову пришла та же самая светлая мысль, он сунулся за спину Дженни, они столкнулись и остановились, вертя головами в поисках объяснения этого переполоха.

Объяснение возникло из клубов пыли верхом на прекрасном вороном коне — его милость генерал Истригс-младший явился лично понаблюдать за тем, как исполняются его приказы. Победоносный полководец ехал во главе конвоя сквозь пыль с невозмутимым видом. Он даже ни разу не чихнул, не то что охрана и адъютанты! Вот что значит великий лорд.

Дженни дернула плечом, поправляя тяжелый трофей, и это движение привлекло внимание Сертиаса. Он бросил короткий взгляд... потом другой — длиннее... потом развернул коня и направился к Дженни. Вот тут-то Сервейс и выиграл их своеобразный поединок, именно он оказался за спиной Дженни, благо теперь было ясно, куда именно нужно развернуться спиной. Ирви сжался и даже согнулся, чтобы лучше укрыться за низкорослой спутницей. Но на него генерал не глядел. Поначалу Дженни засомневалась, разглядит ли его милость под мечом ее. Уставился он именно на трофей.

Но даже такое чудовище, как Истригс-младший, оказался неспособен не узнать старую знакомую.

— Миссис Дженнифер, — генерал чуть склонил голову. Еще не полноценное приветствие, но гораздо — гораздо! — больше, чем совсем ничего.

— Ваша милость... — Дженни запахнула на груди форменную куртку Сервейса со споротыми нашивками.

Вот так. Теперь не видно, что блуза разорвана самым неприличным образом, да и слишком длинные рукава скрывают багровые полосы на запястьях. А что, вполне благопристойный вид.

— Миссис Дженнифер, мы снова встречаемся. Позвольте-ка полюбопытствовать, откуда у вас эта забавная безделушка? По-моему, она выглядит несколько громоздко для дамского обихода.

Дженни снова дернула плечом, возвращая на место «безделушку», которая норовила сползти.

— Ваша правда, — согласилась она, — слишком громоздкая, чтобы таскать с собой. Я повешу ее на стену в парадной зале, как только у меня появится парадная зала. На память об этом походе! Он получился таким интересным!

Генерал, разумеется, узнал меч соперника. А теперь он узнал и свои собственные слова. И в эту минуту его лицо не напоминало мраморную маску. Впервые Дженни увидела его растерянность. Впервые Сертиас Истригс не знал, что сказать. Он молчал, молчала свита за

его спиной — огромные гвардейцы и роскошные адъютанты...

Дженни, вполне довольная собой, поклонилась — довольно неловко, потому что меч опять попытался соскользнуть с плеча.

— Ваша милость...

Когда превратившийся в строительную площадку порт остался позади, Ирви решился наконец заговорить:

— И ты так спокойно можешь обращаться к этому лорду?

— Ха, — буркнула Дженни, остервенело дергая плечом, с которого в очередной раз сползала эта тяжеленная шпуковина. — Конечно, могу. Мы с ним давно знакомы. Но попробовала бы я так говорить с ним, если бы была мужчиной! Так что заметь: ты сделал правильный выбор. То есть не сделал, а сделала. Ты сделала правильный выбор, подруга. О, гляди, какая-то лавка! Заглянем? И выйдем оттуда совершенно другими, почтенная миссис Ирви Сервейс!

В новом наряде Ирви Сервейс чудесно преобразилась. На борт судна, которое держало путь в Эверон, поднялась миленькая девушка, которая очаровательно вздыхала, томно поводила глазами и застенчиво краснела, когда ее спрашивали, что такая хрупкая барышня делала на Гранделине, где нет ничего, кроме пыли и злобных Погонщиков Ветра.

— Говорят, здесь еще есть серебро, — отвечала она голосом с влажной хрипотцой.

И скромно опускала глаза, так что всякому должно было стать ясно, что именно серебро вполне способно заставить такую красотку совершать всякие милые безумства, вроде путешествия на опасный юг.

Дженни слегка завидовала и пару раз поймала себя на том, что подражает жестам, походке и интонациям новой подруги. На нее-то никто так не смотрит! Ей так не улыбаются, не заводят таких разговоров... Да что говорить, если и Реми краснел, когда выпадал случай заговорить с Ирви, хотя он видел ее и в другой ипостаси. С Дженни он не краснел! Даже когда врал.

Как-то она пожаловалась Ирви на отсутствие внимания со стороны мужчин, и та устало вздохнула:

— Радуйся этому. Я же все-таки профессионалка, и, боюсь, это слишком заметно. Стоило надеть платье, и все вернулось. Именно этого я и боялась! Я не хочу, но само собой как-то выходит.

Да, подумала Дженни, часто говорят: одежда делает человека... но продолжала завидовать спутнице. Ведь они покупали одежду в одной лавке! Так почему же другим человеком стала Ирви, а Дженни так и осталась... чудовищем.

В эверонском порту Реми распрощался с попутчиками и умчался к своей Эльсбетиноре. Увы, начитанную библиотекаршу ждет разочарование, жених заявится без вожделенных драгоценностей. А они вдвоем, наверное, распланировали, на что станут тратить деньги...

Но Дженни была спокойна за толстяка — Бетти весьма рассудительная барышня, и оценит уже то, что ее верному храброму Реми светит награда и повышение по службе за успешно исполненную дипломатическую миссию.

Дженни с Квестином отправились проводить миссис Сервейс к сестре. Вернее, отставной префект собирался сделать это без «племянницы», но Дженни хотелось увидеть изнутри знаменитое заведение Клементины, и она отлично понимала, что другого случая может не представиться. А Ирви разволновалась и тоже настаивала на том, чтобы Дженни ее сопровождала. И держала за руку!

Таким образом все трое и явились в «Улыбку Вилены». Если, конечно, не считать ворону, которая повсюду следовала за Дженни.

Впрочем, в заведение ворона не хотела, осталась ждать снаружи, на оконном карнизе.

Знаменитое предприятие Клементины Сервейс Дженни скорее разочаровало. Ничего особенного, хотя, конечно, гостиная, куда провели гостей, была обставлена богато и, пожалуй, со вкусом. Но ничего специфически оригинального, что указывало бы на особый статус заведения, в глаза не бросалось. Так могла выглядеть гостиная какого-нибудь портного, который специализируется на обслуживании важных персон — диванчики,

столики, зеркала, занавесочки, ширмы и драпировки... Меч в богато украшенных ножнах, который Дженни осторожно оперла на стул с гнутыми ножками, смотрелся здесь почти естественно, разве что несколько громоздко.

Но не успела она как следует осмотреться и сунуть нос за все занавески с оборками и аккуратно сформированными складками, как откуда-то из внутренних помещений выпорхнула хозяйка. Не глянув на детективов, она сразу бросилась к сестре, обняла, и обе тут же разрыдались. Их слезы выглядели так волнительно, что даже Квестин, кажется, растрогался. Он смущенно покашлял и сказал, что зайдет решить деловые вопросы попозже.

— Нет, нет, что вы, — Клементина чуть-чуть отстранилась от Ирви и, не размыкая объятий, обернулась к посетителям. — Давайте покончим со всем немедленно. Если бы вы знали, как я вам благодарна! Я, как последняя дура, ждала известий ежедневно, с самого вашего отъезда! Я ловила малейший слух с Гранделина, но приходили только новости о схватках и побоищах... Я так волновалась за Ирви, ведь она могла оказаться в одном из этих ужасных сражений!.. Просто счастье, что о миссис Дженнифер написали в передовице, иначе я бы совсем ничего не знала!

— Какой передовице? — обомлела Дженни.

— О том, как прошли переговоры с принцем Сакхлихом.

Клементина позвонила в маленький изящный колокольчик, явилась румяная пухлая девица, и хозяйка велела ей принести «ту самую газету». Дженни и Квестин с удивлением уставились на большую статью, снабженную иллюстрацией. Ну да, верно! Один из двух корреспондентов «Вечернего Эверона», присутствовавших в зале, где встречались полководцы, был художником и запечатлел исторический момент. Так вот для кого лорд Сертиас принимал горделивые позы!

— Художник несколько преувеличил, — промолвила Клементина, — но я, конечно, узнала миссис Дженнифер.

Дженни нахмурилась, когда поняла, что хозяйка «Улыбки Вилены» понимает под преувеличением. На картинке рядом с генералом стояла фигуристая девица с более чем изрядным бюстом. Вероятно, корреспондент вложил в работу свое представление о том, какие дамы имеют право находиться рядом с великим лордом Истригсом. Зато он, ничуть не переуврав, привел «исторические слова, произнесенные сею отважной особю», а именно: «Не глядите так, ваша милость, меня сдувает».

— Я вижу, что не ошиблась, когда выбрала для миссии вашу племянницу, дорогой мистер Квестин, — проворковала Клементина. — Когда я увидела ее, лезущей на дерево за кошкой, я сразу поняла: вот пример, который убедит мою ненаглядную Ирви, что девушка может позволить себе достаточно много, оставаясь при этом привлекательной.

— А я привлекательная? — на всякий случай уточнила Дженни. — Меня очень интересует ваше профессиональное мнение.

Клементина с минуту ощупывала ее взглядом, потом вынесла приговор:

— Весьма! Уж поверьте моему опыту, это заведение как раз специализируется на удовлетворении запросов самых требовательных клиентов. В том числе и тех, кто обладает причудливыми оригинальными вкусами.

Дженни даже растерялась: это комплимент или совсем наоборот? А Клементина вручила Квестину тяжелый кошель, они оформили расписки, и хозяйка, одарив, детектива томным взглядом, сказала:

— Мой дорогой мистер Квестин... или, если позволите так к вам обращаться, мой

дорогой Эдуард... если бы вы знали, как я вам благодарна!

Отставной префект смущенно хмыкнул. Он не возражал против обращения по имени.

— Вам всегда будут рады в этом доме! — торжественно заключила Клементина. — Всегда! Надеюсь, мы увидимся очень скоро.

Дженни поглядела на смущенного раскрасневшегося «дядюшку» и поняла, что ей хочется убраться как можно быстрее.

— Не будем мешать сестрам, — заявила она, вставая. — Можно мне на память этот номер «Вечернего Эверона» с моими историческими словами?

Снова прозвенел колокольчик, и давешняя пухленькая прислуга явилась, чтобы проводить гостей. На пороге их догнала Ирви. Обняв Дженни, она шепнула на ухо:

— Не слушай Кле! Она съязвила, потому что ты мешаешь познакомиться поближе с дядей. Он ей очень понравился. На самом деле ты прелесть.

И, чмокнув Дженни в щеку, упорхнула. Это окончательно добило Дженни — как-никак ее только что целовал демобилизованный солдат? Хотя... хотя эти слова не вполне годятся для описания данного события.

Ворона каркнула над головой, и Дженни глубоко вздохнула. Можно попробовать вести человеческую жизнь, забыв о том, что где-то глубоко внутри скрывается чудовище. Правда, есть надежда: если его не беспокоить, чудовище больше не покажется...

— Ну, хватит! — заявила она. — Хватит с меня сражений, походов, морских путешествий, отставных пехотинцев в юбке, домов терпимости, лордов, принцев, ручных пантер и потерянных сокровищ людоедов! Мы заслужили небольшой отдых. Небольшой и очень долгий!

— Однако у нас имеется текущее дело, — напомнил Квестин, с тоской оглядываясь на заведение, где ему всегда будут рады. — Черная Рука, помнишь? Ты листала этот выпуск газеты дальше первой страницы? Глянь на второй: «Лорд Бернагильс — третья жертва злобного убийцы». Уже третий! Старый Готвинг не ошибся, убийства продолжаются!

— Вот и будем его искать, — согласилась Дженни, — будем искать неторопливо, основательно, без ненужной суеты, оставляя себе достаточно времени на отдых и сон. Будем ме-е-едленно искать Черную Руку. И больше ничего не делать! Ни-че-го!

И тут же едва не подпрыгнула от неожиданности, когда им с Квестином под ноги метнулся серый лохматый ком.

— Прошу прощения, если беспокою в неудачное время, — произнес, старательно вытягиваясь во весь рост, стремительно подскочивший ратлер, — у меня послание от его величества. Он просит вас об услуге. Это очень срочно! Дело, абсолютно не терпящее отлагательства.

Дженни вздохнула, поправила на плече тяжелый меч принца Сакхлиха и поглядела на ворону, которая таращилась на нее с ближайшего подоконника. Жизнь продолжалась! Жизнь, полная, Веспер их забодай, сюрпризов, продолжалась!

Больше книг на сайте - Knigolub.net